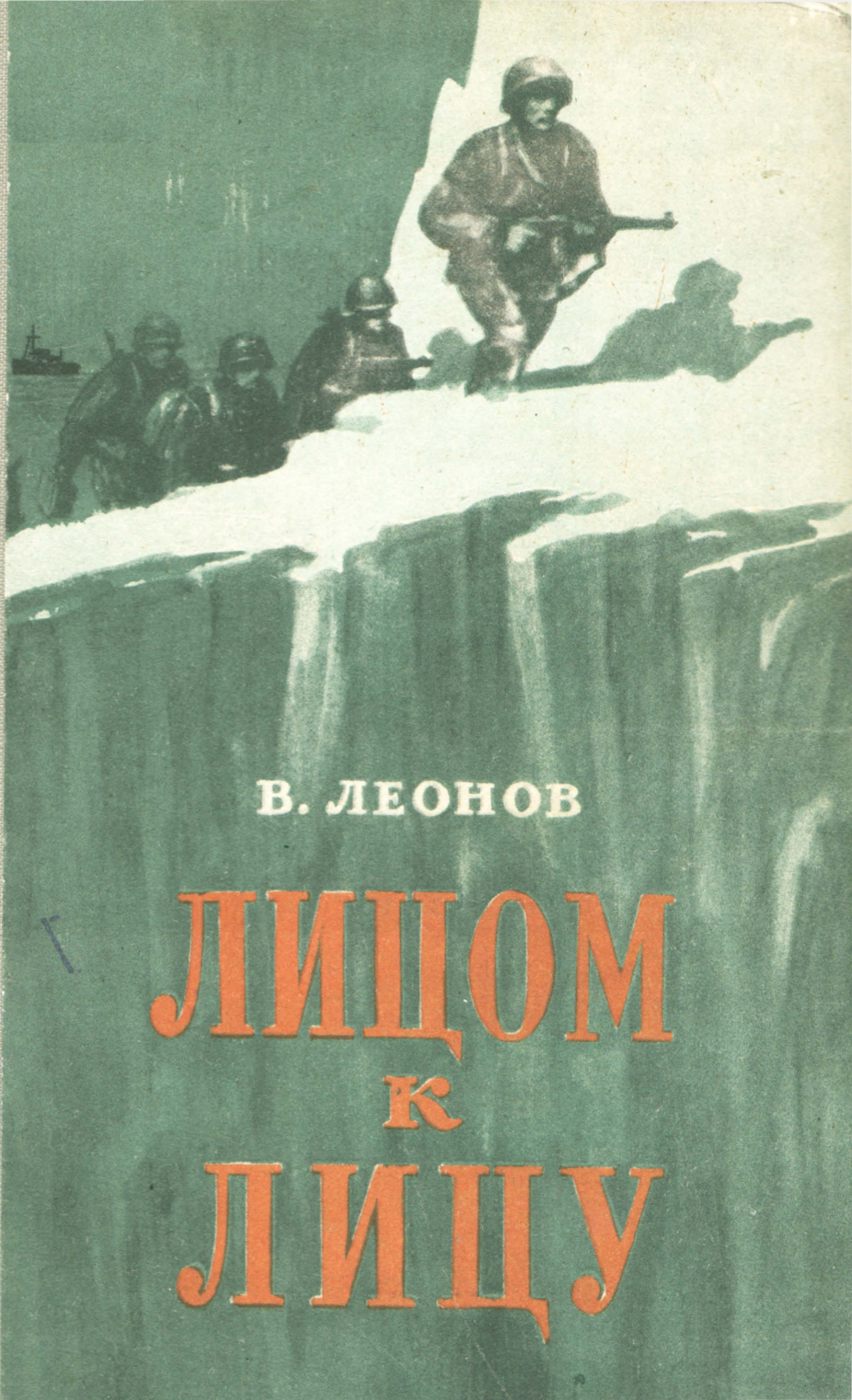

///

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В. ЛЕОНОВ

///

В. ЛЕОНОВ

ЛИЦОМ
К
ЛИЦУ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В. ЛЕОНОВ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

*Воспоминания морского разведчика
в литературной записи
С. ГЛУХОВСКОГО*

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1957

ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

1

Войну мы встретили за шестьдесят девятой параллелью, в одной из военно-морских баз Северного флота.

Первый день войны... Почти мгновенно исчезли белые фуражки и бескозырки, столь привычные для глаз жителей портового города. Лето в разгаре, светит желанное для северян солнце, светит круглые сутки, как положено ему в этих широтах, и легкий южный ветерок обещает устойчивую погоду. Нас теперь такая погода не радует. В метеорологических сводках сказано: «видимость ясная», и над базой, к Мурманску и обратно, пролетают воздушные разведчики врага. Белые чехлы головных уборов на темном фоне гранита причалов и мостовых могут нас, моряков, демаскировать. Поэтому приказано их спять.

Прошло совсем немного времени, и уже привычным кажется нудный вой сирен и обычным — бесконечный перестук молотков в мастерской, где мы работаем. Меня и Сашу Сенчука перевели туда с подводной лодки. Нам сказали: «Вы знаете слесарное и токарное дело, посылаем вас на боевой пост». Так мы сменили матросские робы на темно-синие рабочие спецовки и стали у верстаков.

Приказ есть приказ. Мы ему подчиняемся, хотя он никак не вяжется с нашим представлением о том, что такое боевой пост особенно сейчас, в дни войны. Я молчу, Саша Сенчук молчать не может, а кроме меня, ему некому высказать свою обиду. После долгого утомитель-

ного рабочего дня мы укладываемся спать здесь же, в мастерской. Саше не спится.

— Нет, ты все-таки скажи! — трясет он меня за плечи. — Скажи мне, Виктор, почему рабочий класс берет оружие, а нас приставили к верстакам? Особое задание, скажешь? Приказ? Да?..

Я отмалчиваюсь, и он зло кричит над ухом:

— Дрыхнешь, черт!

Саша ходит из угла в угол, и я знаю — он еще не раз меня растормошит и будет предлагать различные планы возвращения в подплав или, на худой конец, ухода в морскую пехоту.

Только я об этом подумал, как Саша подбежал ко мне, резким рывком стащил с верстака.

— Идея!

В глазах Саши — радостный блеск и непреклонная решимость человека, бросающего вызов судьбе. В такие минуты Сенчук кажется красивым и сильным, хотя с виду он неказист: худощав, неширок и костляв в плечах, а его смуглое, продолговатое лицо под копной смолисто-черных волос густо покрыто точечками угрей.

— Идея! — снова кричит Саша и тут же излагает свой план, который, насколько я, полусонный, еще способен понимать, заключается в бегстве с «боевого поста» на фронт, в бригаду морской пехоты.

— Скажем, что мы добровольцы! Нам простят...

Я на все согласен, только бы он оставил меня в покое и дал хоть часок соснуть.

Наступает утро, и Саша, увлеченный делом, неистово лупит молотком по полированной головке зубила, пилит, сверлит, поражая всех своей энергией. Должно быть, он забыл о вчерашней «идее», так как убеждает меня быстрее закончить ремонт подводной лодки — тогда нас тут же вернут в экипаж. Спорить с Сашей невозможно, а верить ему хочется, хотя работы в мастерской с каждым днем прибавляется.

Начальник мастерской сухо пообещал: «В положенное время вас сменят». Мы бы, вероятно, терпели и ждали, если бы не взбудоражившая нас новость: в мастерскую прибежали друзья из подплава, три Николая и Алексей, и рассказали, что создается специальный отряд морских разведчиков для действия в тылу врага. Их, как отличных спортсменов, уже зачислили в разведотряд.

— Прозевали! — зло упрекнул меня Саша, точно я был в чем-то повинен. — Ты же разрядный лыжник и знаменитый чемпион по гонке на яхтах, — наступал он на меня, но потом круто повернулся и засыпал друзей вопросами: — А где отряд? К кому обратиться? Кому подать рапорт?

Саша досадливо поморщился, когда вперед выступил электрик Коля Даманов, Коля-один, как мы его называли. Он заикался и тем не менее был словоохотлив:

— С-саша-ша! Не кипятись! В штабе знают, что Виктор и ты — хорошие с-спорта-смены. И мы нас-счит вас скажем с-старшему лейтенанту Лебедеву из отдела разведки. Плохо только, что придется с-сменить морскую форму на пехотную. Лебедев с-сказал: под гимнастеркой пехотиника должна быть матрос-ская душа. И душа р-разведчика. Вот! — многозначительно закончил Коля-один.

О душе разведчика ничего сказать не могу, но меня, признаться, удивило, что трех Николаев — Даманова, Лосева и Рябова, которых я обучал ходить на лыжах и метать гранаты, зачислили в отряд разведчиков, а про меня забыли. Я вопросительно посмотрел на старшину первой статьи Алексея Радышевцева, с которым часто оссаривал первенство в различных соревнованиях. Алексей обнадеживающе улыбнулся:

— Отряд только формируется... Все будет в порядке.

Оказалось, что представитель штаба флота поехал в Мурманск отбирать для отряда группу комсомольцев, другую группу пришлет Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта, а основной состав разведчиков будет комплектоваться из моряков.

— Народ подберется один к одному, что н-надо! — важничал будущий морской разведчик Коля Даманов. — Здесь против нас действуют отборные части Гитлера. Горные егеря. Д-дадим егерям жару...

Друзья еще раз пообещали похлопотать за нас и ушли.

Мы с нетерпением ждали вечера, когда можно будет написать рапорт члену Военного совета Северного флота.

2

Если бы можно было на листочке бумаги передать обуревающие тебя чувства! Написать так, чтобы, прочитав этот листок, контр-адмирал сказал: «Откомапдировать

старшего матроса Виктора Леонова, третьего года службы, в отряд морских разведчиков!» Мне так не написать...

«Прошу откомандировать меня в разведотряд штаба флота»... И все? К чему — и расписаться? Откуда же контр-адмирал узнает о моем стремлении и призвании служить в разведке? Я и об этом написал, но потом зачеркнул последние строчки, порвал рапорт и стал писать новый. Не мне судить о призвании, да и звучит нескромно. Я и Саша одержимы горячим желанием стать морскими разведчиками. Но желание — это еще не призвание!

Тут я вспомнил, как, еще будучи школьником, вбил себе в голову, что призван стать поэтом. Прочитав в школьной стенгазете стихотворение семиклассника об охоте на бекасов, я решил, что могу написать лучше. Пришел домой, сел за стол и так долго сочинял стишок, что отец, не привыкший видеть меня усердно занимающимся уроками, спросил:

— Витя, чем так увлечен?

Я показал отцу начало стихотворения. Отец покровительственно улыбнулся, но, разобравшись в написанном, стал хмуриться. Наконец, медленно и весьма невыразительно, прочел вслух первые строки:

Когда-то был я богомолем,
Я верил в бога и царя.
Теперь же стал я пионером,
Борцом за общество труда!

— Ты это что?! — строго спросил он меня. — Когда это ты был богомолем у отца коммуниста? И царь у тебя в голове книжный... Какой же это стих, если в нем нет правды? Читаешь много, а пишешь коряво...

Такой щелчок по самолюбию юного стихотворца не проходит бесследно. Когда Саша Сенчук помогал мне сочинять стихи о Северном море, о флотской службе, то я, как мог, сдерживал его неумный поэтический запал.

Саша декламировал первые две строчки последней строфы:

Нам радостно встречать рассветы зоревые
И песней звонкой хочется сказать...

Что сказать? И как сказать? Саша выразительно посмотрел на меня: ждал подсказки. Долго думали...

— Нашел! — Саша хлопнул меня по спине. — То, что нужно для моряков-североморцев:

И песней звонкой хочется сказать:

— Седое море! Сопки снеговые!

И с вами жизнь готов навек связать...

Я вспомнил прыткого богомольца из пятого «Б» класса, который сразу стал «борцом за общество труда», и рассказал об этом Саше.

— Глупости! — обиделся он. Саша не мог согласиться, что покривил душой. — Ты учти, Виктор, — наш стих для всего флота.

А «для себя» мы перед войной мечтали, как вернемся после флотской службы домой — я в Зарайск, под Москвой, Саша в Киев — и будем рассказывать о далеких плаваниях в Ледовитом океане, в котором еще не побывали, о Студеном море и гранитных скалах в глубоких фьордах, о царстве вечной ночи, озаряемой всполохами северного сияния, и о многом другом, что звучит привлекательно, но с чем мы никак не собирались связывать себя навек.

Связать свою жизнь... Вот сейчас я пишу рапорт контр-адмиралу, и этот рапорт может круто повернуть мою жизнь. Надо подумать и обдумать. Еще и еще раз проверить: подготовлен ли я к трудной службе морского разведчика? Хватит ли у меня стойкости и мужества, чтобы сдержать обещание, которое рвется сейчас на бумагу: звание морского разведчика оправдаю!

Я мечтал о флоте. Когда был фабзайцем московского завода «Калибр», любил читать книги Станюковича и даже записал на память слова старого адмирала, провожающего юнца-племянника на флот: «Ты полюбишь море и полюбишь морскую службу, — говорил адмирал. — Она благородная, хорошая, а моряки прямой и честный народ». Это из книги «Вокруг света на «Коршуне». Я учился вечерами в морском клубе Осоавиахима. Занимался спортом, чтобы выдержать самую суровую проверку призывной комиссии. Врачи довольно равнодушно отнеслись к тому, что при росте в 175 сантиметров я вешу 75 килограммов, имею значок ГТО второй ступени и справку активиста морского клуба Осоавиахима. Они придиричиво выстукивали и выслушивали сердце, легкие, кружили меня на каком-то вращающемся стуле, долго

Виктор Леонов. Снимок 1940 г.

проверяли зрение и слух, пока, наконец, не вынесли приговор: годен к службе в Военно-морских силах.

Комсомольцы «Калибра», провожавшие меня в Ленинградский учебный отряд имени Кирова, дали наказ быть достойным представителем шефа Военно-Морского Флота и, шутя, конечно, предсказывали головокружительную карьеру капитана дальнего плавания. Девушки пели песню о капитане, улыбка которого — это флаг корабля... Отец попрощался коротко:

— Служи честно, сынок!

Все три года пребывания на севере я служил как положено. Когда меня приняли в партию, отец прислал большое поздравительное письмо. «Вся семья Леоновых гордится тобой, — писал он. — Ты сам понимаешь, какая сейчас международная обстановка. Верю, что в грозный час испытаний ты оправдаешь доверие нашей партии».

Вот и наступил этот грозный час испытаний.

Над моим верстаком пламенеет плакат. Художник изобразил женщину — мать. Она обращается ко мне, ко всем сыновьям:

«Родина-мать зовет!»

— Виктор! — обрывает мои мысли Саша Сенчук. — Что ж ты не пишешь?

— Уже все! — я решительно берусь за перо и громко диктую себе последние слова рапорта:

— Звание морского разведчика оправдаю!

— У меня то же самое! — откликается Саша.

Мы прячем наши рапорты, чтобы утром передать их начальству.

А через две недели я и Саша Сенчук сдаем на вещевой склад морскую форму и получаем взамен зеленую — защитную форму пехотинцев. После просторных клешей матросских брюк и легких матросских ботинок мы чувствуем себя неловко в штанах, обтягивающих колени, и в тяжелых сапогах с непомерно широкими кирзовыми голенищами. Металлическая каека то сползает набок, то давит на голову, привыкшую к бескозырке. Получаем винтовки-полуавтоматы с ножевыми штыками, гранаты РГД и вещевые ранцы, рассчитанные на солидный груз.

Смущенные своим необычным видом, предстали мы перед старшим лейтенантом Георгием Лебедевым. Он настороженно приглядывался к нам, точно сомневался: брать таких в отряд или не брать?

— С подплава? — строго спросил Лебедев. — Это хорошо! Старшина Мотовилин!..

В дверях появился высокий русоволосый моряк, тот самый знаменитый разведчик Степан Мотовилин, о котором уже писала газета «Краснофлотец».

— Новички, — Лебедев кивнул в нашу сторону. — Займитесь...

После завтрака Мотовилин уводит нас в горы и показывает, как надо ползать и маскироваться в камнях, метать гранату и колоть штыком. Мы стараемся, и уж через два дня Мотовилин, довольный первыми нашими успехами, говорит:

— Ребята вы хорошие, ничего не скажешь! Надо бы, конечно, учить вас еще и учить, да некогда: ночью собираемся в поход.

3

Саша Сенчук погиб в первом походе.

Он был первым убитым, которого я увидел на войне. Смерть Саши сильно меня потрясла, хотя перед товарищами я старался не выдать своего волнения.

В кубрике спят вернувшиеся из похода разведчики. На нарах, слева от меня, пусто: место Саши Сенчука. Справа блаженно посапывает Коля Даманов, который из-за моей оплошности чуть не погиб там, в горах...

Я думаю о Саше, смотрю на Колю Даманова, и меня одолевают невеселые мысли.

Усталое тело требует покоя. Закрываю глаза, силуюсь заснуть и не могу избавиться от одного и того же навяз-

чивого вопроса: гожусь ли я для службы в морской разведке? Степан Мотовилин в присутствии Лебедева похвалил меня за храбрость. Да и сам старший лейтенант сказал: «Дрались вы, Леонов, здорово! Егерей не бойтесь — это главное. А умение придет». Никто не заметил и никто, вероятно, не догадался, что происходило со мною, когда мы пересекали лощину в горах. Это было уже после гибели Сенчука. Преследуемые врагами, мы отходили к морю, к своему боту. Сзади меня полз разведчик Григорий Харабриш, бывший шофер Дома моряка. Нещадно ругаясь, он кричал мне: «Живей! Падай! Убьет!» А я не падал. Я шел, полусогнувшись, совершенно безразличный к свисту пуль. Бежать не было сил, а лечь на землю боялся. Да, я боялся упасть на землю! Мне казалось, что тогда ноги опять сведет судорогой и я уже не встану, как не встанет больше Саша Сенчук...

Гриша Харабриш ругал меня потом за ухарство и за мальчишество:

— Прет, выставив егерям корму! А они мажут...

Коля Даманов никому не рассказал о конфузе с гранатой. Я утешаю себя тем, что в первом бою с каждым может такое случиться. За это меня не осудят. Я сам себя осуждаю. Я писал в рапорте контр-адмиралу, что буду хорошим разведчиком, а сейчас начинаю в этом сомневаться. Хорошие разведчики вернулись с задания и спят. Спят Мотовилин и Харабриш, Радышевцев и Даманов. Спят, отрешившись от всяких забот, и утром, свежие, отдохнувшие, готовы будут к новым походам, к новым боям. А я копаюсь в своих переживаниях. Для меня, правда, это первый бой, и еще неизвестно, как я буду себя чувствовать после второго, третьего...

Зарываюсь головой в подушку, но долго не могу заснуть, и на этот раз спокойно перебираю в памяти каждую деталь минувшего боя.

* * *

...Нас было двадцать два разведчика.

Мы погрузились на бот, вооруженный двумя пулеметами, и взяли курс к устью реки Большая Западная Лица. В пути Лебедев сказал нам, что в районе высадки придется атаковать опорный пункт неприятеля. Наша задача — разгромить этот пункт и при возможности захватить «языка».

На море штиль. Тихо и на побережье Мотовского залива, покрытом камнями и валунами, куда почти вплотную причалил бот. По сходням сошли на берег; три разведчика тотчас же ушли вперед, а мы цепочкой — за ними следом.

Опорный пункт находился на высоте 670, примерно в восьми километрах от берега. Лебедев приказал Мотовилину (в его группу входил и я) обойти высоту с юга. Старшина первой статьи Червоный должен со своей группой обогнуть с севера опорный пункт, после чего двенадцать разведчиков во главе с Лебедевым начнут атаку с центра.

Самый длинный и трудный участок пути выпал на долю группы Мотовилина. Каменистая сопка была густо покрыта валунами, и когда мы, наконец, достигли последнего яруса высоты, разведчики Лебедева и Червоного уже были на исходных позициях. Я не знал, что Лебедев находится рядом, был уверен, что мы сейчас одни перед укреплениями егерей, и неотступно полз за Мотовилиным. Он чуть приподнял левую руку и подался вправо. Я понял его сигнал и пополз влево, к большому камню.

Чуть высунув голову, я увидел врагов — пять или шесть немцев. Так вот они какие эти егеря! Высокие, в темно-серых брюках, заправленных в короткие чулки, и в такого же цвета мундирах с красными кружочками на рукавах. Они стояли во весь рост, с непокрытыми головами, и руки их спокойно лежали на висевших впереди автоматах. Егеря с любопытством и, как мне казалось, с гордым видом оглядывали местность. Это меня взъярило: сами лежим, прячась за камни, а они на нашей земле чувствуют себя хозяевами!

Со стороны укрытий показался офицер и что-то сказал солдатам. Те стали расходиться, а я прильнул к пулаutomату и взял на прицел приближающегося офицера.

— Не стреляй! — услышал я голос Лебедева и вздрогнул от неожиданности. — Надо его взять живым. Товсь!..

Потом выяснилось, что Лебедев из своего укрытия не видел егерей. Но и я забыл о них. Больше того, я даже забыл примкнуть штык к винтовке, когда ринулся вперед, сближаясь с офицером. Тот выхватил пистолет, выстрелил, но промахнулся.

Я юркнул за камень.

Кругом поднялась стрельба.

Треск выстрелов эхом отдавался в горах. Я не знал, кто куда стреляет, боялся высунуть голову и в то же время понимал, что нельзя долго прятаться за камнем: вдруг наши пойдут вперед или отступят, а я останусь один?.. Надо действовать, а что делать — не знал.

— Коля, сюда! — крикнул я ползущему в мою сторону Даманову.

Бой шел своим чередом. Воспользовавшись тем, что егеря ведут с нами перестрелку, Лебедев повел своих разведчиков в обход укрепления. Ему это удалось. Разведчики Лебедева и Червоного захватили «языка» и из двух трофейных пулеметов вели огонь по ложине, где скапливались егеря.

А мы оборонялись, сдерживая натиск врага.

Ранило в живот матроса Николая Рябова. Он, когда Мотовилин вытаскивал его с поля боя, отчаянно вопил. Я, Даманов и Харабрин прикрывали Мотовилина и Рябова огнем своих полуавтоматов. Все же егеря приблизились настолько, что в ход пошли гранаты. Я тоже достал гранату, но запал не входил в отверстие.

— Ручку оттяни, в-вояка! — услышал я голос Даманова.

Обескураженный своей неопытностью, я вставил запал и тут же метнул гранату. Взрыва не было. А через две — три секунды я увидел, как граната летит обратно. Она упала недалеко от Даманова и тут же взорвалась. К счастью, Даманов был надежно укрыт в камнях.

— С-спасибо, Виктор, удружил! Вс-страхни гранату. Дай ей зашипеть...

Я поразился спокойствию Даманова и теперь уже не спеша далеко метнул две гранаты...

После их взрывов стало тихо. Никто не стрелял.

— Пошли? — спросил я Даманова и Харабрина.

Мы отползли назад и присоединились к Мотовилину.

— Я его спрятал в камнях, — сказал Мотовилин Даманову. — Егеря не найдут.

«Неужели он говорит о Рябове? Почему спрятал?» Я хотел спросить об этом Мотовилина, но за гребнем высоты разгорелся бой, и мы поспешили на помощь разведчикам Лебедева и Червоного.

Обогнув отвесную скалу, мы поднялись на гребень сопки и тут увидели трупы трех егерей. В стороне, лицом вниз, лежал наш разведчик.

— Сенчук!

Я сразу узнал Сашу, кинулся к нему, перевернул его на спину. Черные пряди волос рассыпались по высокому Сашину лбу. Лицо потемнело настолько, что уже нельзя было различить черные точки угрей. А рот чуть открыт, и, кажется, Саша вот-вот спросит нас: «Как же это, братцы, со мной такое случилось?»

— Саша! Саш!..

Не знаю зачем, но я тормошил друга, искал рану, говорил что-то несвязное и пришел в себя, когда на плечи мне легли тяжелые руки Николая Лосева. Его прислал к нам Лебедев.

— Будет! — он тянул меня назад. — Слышишь, Виктор? Отходим к морю. Группа Лебедева уже пересекла ложбину. Живей!

Выстрелы приближались к вершине сопки. С соседней высоты ударили минометы. Мотовилин, Харабрин и Даманов отошли и что-то кричали нам, угрожали кулаками. Только теперь я понял, что мы оставлены для прикрытия группы и Сашу Сенчука не удастся унести.

По очереди, короткими перебежками, приближались мы к лощине, обстреливаемой противником. Ползли друг за другом. И тут, совершенно неожиданно, ноги перестали меня слушаться — их свело судорогой. Я еле поднялся и, полусогнувшись, пошел вперед. Мотовилин, Даманов и Харабрин вели плотный огонь, сдерживая егерей, пока я пересекал лощину.

...Когда мы, наконец, оказались в боте и, лежа на палубе, подставляли разгоряченные лица освежающим брызгам студеной воды, меня окликнул старший лейтенант Лебедев. Он стоял позади нас, широко расставив ноги. Кожанка, перехваченная ремнями, плотно облегла его фигуру. Лебедев пристально смотрел на меня. Он, видимо, хотел что-то спросить, но махнул рукой: уж очень, должно быть, выглядел я растерянным и расстроенным. Впору было повернуться и уйти, а я все еще топтался на месте. Лебедев усадил меня, сам сел рядом и сказал:

— Тяжело потерять друга. Ты видел убитых егерей на гребне высоты? Саша первым туда поднялся и сразил троих. Сгоряча ринулся вперед во весь рост. Такая у

него, должно быть, натура. Проложил нам дорогу, а сам погиб. У тебя, Виктор, был очень хороший товарищ. Жаль, похоронить не удалось. Ни его, ни Рябова. Вот Рябов... Жили — дружили три Николая. Одногодки. Все с одного катера, в одной футбольной команде играли. А в базу возвращаются двое. Что поделаешь? Война... К этому надо привыкнуть.

4

И мы привыкли.

Не все сразу, каждый по-своему, но свыкались с опасной и, несмотря на это (а может, именно поэтому), привлекательной службой в отряде морских разведчиков. Об опасности старались не думать — где на войне спокойно?

Через три дня мы уже готовились к походу всем отрядом. Половина отряда состояла из повичков, в отличие от нас, «старичков», побывавших в одном или двух рейдах.

Этим рейдом командовал старший офицер из отдела разведки штаба флота майор Добротин, тот самый Леонид Васильевич Добротин, который отбирал будущих разведчиков в комсомольских организациях Мурманска. Еще не познакомившись с майором, мы уже многое о нем слышали. Добротин сражался на фронтах гражданской войны против Юденича, Деникина и Мамонтова. Командовал эскадрой в коннице Буденного. Награжден ВЦИКом почетным оружием. Окончил морской факультет инженерной академии.

Лебедев сказал о майоре:

— Каждого разведчика видит насквозь. Имейте это в виду!

Добротин явился в отряд накануне похода. Это был не молодой, но стройный, высокий офицер со светлым ежиком волос на голове. Лицо у майора продолговатое, плотно сжатые губы наглухо закрывают маленький рот. С виду майор показался суровым. Но вот, после рапорта Лебедева, раздалась команда «Вольно» и завязалась непринужденная беседа Добротина с теми, кого он уже знал, так как сам отбирал их в отряд. Потом майор познакомился с нами, моряками из подплава, и, наконец, с «артистами» — так мы называли добровольцев, которые пришли в отряд из ансамбля краснофлотской песни и пляски.

— Тех, кто еще пороку не пюхал, — сказал Добротин, — и кто в нашем деле ищет... — тут он задержал взгляд на группе «артистов», — одни только романтические приключения, я хочу предупредить: никакой особой романтики не предвидится. Проникнув в ближний тыл врага, мы должны оттянуть часть его войск с передовой позиции. Чем труднее будет нам, тем легче станет на передовой. Значит, надо, чтобы нам было трудно! Вот и вся романтика...

И больше — ни слова о разведке. Майор Добротин рассказывал о замыслах врага, который рвется к Мурманску, не считаясь с потерями. Если Гитлеру удастся захватить Мурманский порт и Кировскую дорогу, мы потеряем важные коммуникации, связывающие нас с союзниками, и лишимся огромных природных богатств севера. Защитники Заполярья самоотверженно сражаются за каждую сопку на дальних подступах к Мурманску, за каждый камень на этой сопке. Особенно ожесточенные бои развернулись сейчас на реке Большая Западная Лица. На западном берегу этой реки, в тылу врага, мы и будем действовать.

Двумя группами отряда командовали старший лейтенант Лебедев и капитан Инзарцев. Мы хорошо знали капитана. Флагманский физрук бригады подводных лодок Николай Аркадьевич Инзарцев выступал недавно на спартакиаде, где завоевал титул чемпиона флота по штанге. Тех, кто не знает Инзарцева, это может удивить. Среднего роста, слегка сутулый и сухощавый, Николай Аркадьевич мало похож на тяжелого атлета. А между тем это очень сильный человек. Штангист и футболист, лыжник и яхтсмен.

Л. В. Добротин

Своим вестовым майор Добротин назначил матроса Виктора Тарзанова. Маленький и юркий Тарзанов, Витек, как мы его называли, — нос кнопкой, всегда смешливое лицо усыпано веснушками, — был очень разбитным, ловким и смелым матросом. Появившись в кубрике после своего назначения, Витек гордо выпятил грудь и задорно крикнул:

— Шире дорогу! Вестовой командира идет!

Мы только улыгнулись, не решаясь подтрунивать над Витьком. Знали, что он за словом в карман не полезет. А матрос Белов, доброволец из группы флотского ансамбля, этого не знал.

— Витек! — Белов преградил дорогу вестовому. — Как ты в разведку попал? Ты, говорят, на рыбном траулере поваренком у кока служил? Правда?

— Правда! — согласился Тарзанов, хотя он пришел в отряд с «морского охотника». — А что? Поварское дело — занятие умственное. Это тебе не на сцене погами дрыгать.

Зная, что Белов числится в ансамбле танцором, Тарзанов тут же выкинул перед ним смешное коленце. Все рассмеялись. А Белов с высоты своего почти двухметрового роста пренебрежительно посмотрел на Витька, отступил назад и только сказал:

— М-да! На язык ты боек. Салага-салага, а бьет фонтаном, как кит...

— Нет, погоди! — уже вцепился в него Тарзанов. — Вот пойдем в разведку — держись рядом. Не пропадешь! Я тебя научу и рыбку ловить и уху варить.

Кругом одобрительно зашумели.

— Иди ты!.. — окончательно смущенный Белов вырвался из рук Витька. — Скажи, какой учитель объявился. Это ты в походе держись около меня. Не затопчут! А когда выдохнешься, я тебя, клопа, в ранец запакую и понесу.

— А что? Я с полным удовольствием! — Витек нисколько не обиделся и повернулся к нам. — Вот майор говорил, что в горной войне нет лучшего транспорта, чем вьючный — на ишаках. Так я скажу майору, что — спасибо флотскому ансамблю — нам уже ишак не нужен...

5

Бой в районе Большой Западной Лицы складывался для нас вначале благоприятно. Немцы, испуганные появлением советских разведчиков в своем тылу, оставили

одну сопку, потом другую. Сбив боевое охранение, мы оказались на господствующей высоте. Внизу, в покрытых мглой ущельях, противник сосредоточивал силы для атаки. Майор Добротин приказал Лебедеву разведать соседнюю сопку.

Майор предвидел ход событий. Не всегда, оказывается, господствующая высота является лучшей для боя. Под нами сейчас был ровный гладкий гранит. В землю не зарыться, маскироваться негде, а противник, вероятно, вызовет самолеты. Соседняя сопка значительно ниже, зато ее пересеченный и покрытый валунами хребет пригоден для обороны. Сбить нас с той сопки будет нелегко. Но майор не только это имел в виду. Он хотел создать видимость нашего отступления. И когда под натиском превосходящих сил мы начнем отход к берегу и в сторону передовой, то егеря, чтобы отрезать нас от моря, вызовут дополнительные силы. А мы по уже разведанному маршруту — узкому ущелью — ускользнем от них.

Таков был замысел командира, и, в конечном счете, майор навязал противнику свой план боя. Мы целый день оборонялись и нанесли большой урон врагу. Оттянув часть вражеских войск с передовой, мы тем самым помогли нашей пехотной части контратаковать неприятеля и занять более выгодные позиции.

Задача выполнена, а наши потери не велики. Почему же мы возвращаемся домой с таким чувством, будто нас постигла неудача? Вот и знакомый пирс. Мы сошли на берег, построились и в тягостном молчании ждем, зная, что команды «Разойдись!» не будет.

Среди нас — четыре безоружных разведчика. Старшина отряда Григорий Чекмачев сверяет по списку номера четырех винтовок — кому какая принадлежит. Около старшины крутится Витек и размахивает сапогом — одним солдатским сапогом, принадлежность которого не оставляет никаких сомнений. На правом фланге стоит босой матрос Белов. Без винтовки и босой...

Что же произошло?

До полудня мы отбили несколько атак, а когда враг получил подкрепление, начали постепенный отход к соседней сопке. Первая группа уже заняла новый рубеж, а наша еще удерживала господствующую высоту. Вражеские атаки нарастали. Егеря настолько приблизились, что мы слышали их крики и топот кованых сапог. Потом на

высоте остались два отделения прикрытия — Лосева и Даманова. С нами — майор и капитан.

Напряжение боя нарастало, и тут нервы матроса Белова не выдержали. Оглянувшись, он крикнул: «Уже все отошли!» — и побежал. За ним последовали еще три разведчика. Они скатились вниз и, чтобы сократить дорогу к сопке, кинулись напрямик, к озеру. Мы яростно оборонялись на высоте. Стрельба усиливалась, а беглецы решили, что это противник уже ведет по ним огонь. Побросав винтовки, они бултыхнулись в воду, а Белов освободился даже от своих сапог.

В это время майор распекал старшину Лосева:

— Где ваше войско? Половину растеряли? Эх вы, горе-разведчики!

Добротин и Инзарцев легли в цепь, и мы отбили еще одну атаку неприятеля.

Я видел в бою майора — он спокойно целился и стрелял из автомата. Короткими очередями строчил из пулемета Инзарцев. Изредка поглядывая по сторонам, Гриша Харабрин, Николай Лосев, Алексей Радышевцев и другие разведчики с ожесточением, но без страха вели огонь и, готовясь к ближнему бою, положили рядом гранаты. Коля Даманов воевал лихо, с каким-то озорством, и мне было легко рядом с ним. Хотелось даже подмигнуть Николаю и крикнуть что-нибудь веселое. Утром, когда вдали только показались егеря, настроение было совсем другим. Томила неизвестность и какая-то смутная тревога: как сложится бой? Все это прошло. Даже в критические минуты вражеской атаки страха не было. Рядом — твои командиры и твои товарищи! И если два наших отделения с одним пулеметом сдерживают целую роту егерей, то тебе уже все кажется нипочем!

По команде майора мы отошли к сопке и соединились с группой Лебедева. Позже других на сопку взобрались Инзарцев, Лосев, Харабрин и Тарзанов. Лосев и Харабрин несли подобранные у озера винтовки.

— Трофеи героического прикрытия! — объявил Харабрин. — Приказано доставить в базу в полной сохранности.

А Витек, грозно потрясая сапогом, уже направился к побледневшему Белову.

— Сейчас у меня этот ишак попляшет! — объявил нам Тарзанов, но тут же замер под строгим окриком майора:

— Отставить!

...И вот мы стоим в строю в своей базе и ждем, когда придет майор Добротин, который задержался на мотоботе. Что он нам скажет? Как оценит минувший бой? Какое наказание ждет паникеров?

Завидев майора, капитан Инзарцев уже собирался отдать рапорт, но Добротин только рукой махнул: не надо, мол! Он близко подошел к нам и заговорил тихо — спокойно и тихо. Но каждое его слово стучало в ушах и в сердце:

— Паникеры передают в трибунал. Там их судят сурово, по законам военного времени. Мне стыдно, больно и стыдно, что среди добровольцев отряда, среди отобранных и проверенных, оказались такие, которых должен судить трибунал. Позор! Я был с вами в бою. Знаю, для многих это было первым испытанием, и надеюсь, что виновные смоют с себя это позорное пятно. Поэтому я не передам их в трибунал. Но никогда — слышите? — никогда и никому мы не позволим бросить тень на отряд, который дрался отважно. Кто в отряде останется, тот станет настоящим морским разведчиком, тот будет гордиться этим званием. А теперь, друзья, отдыхайте.

И, козырнув, ушел.

Вечером в кубрике только и было разговору, что о первом «чепе».

Старший лейтенант Лебедев в небольшом кругу моряков беседовал о призвании и долге разведчика, об истинной и ложной романтике морской службы. Нам, ушедшим с кораблей для боевых действий на суше, Лебедев рисовал картины, которые могут одних отпугнуть, других зажечь. И это тоже было своеобразным испытанием для каждого добровольца, пришедшего в отряд.

Здесь, на севере, мы столкнулись с очень сильным и опасным противником. Егеря Гитлера натренированы в горной войне. Полки и батальоны из корпуса генерала Дитла, угрожающие Мурманску и всему Кольскому полуострову, имеют большой опыт боев в горах юга — в Греции и Югославии, в горах севера — в Норвегии. Егеря умеют воевать. Чтобы сокрушить такого врага, надо быть сильнее его. Сила силу ломит.

Хочешь победы — будь не только смелей и отважней егеря, но одолевай его своим мастерством, хитростью, сноровкой. Это придет не сразу. Для разведчика-северо-

морца легкой жизни не предвидится. Разведчику-североморцу опасность будет угрожать и на море, когда десант только идет к берегу, занятому врагом, и там, на берегу. Будут тяжелые и непрерывные бои в ближних и глубоких тылах неприятеля.

Скоро наступит осень, а следом за нею все покроется мраком круглосуточной полярной ночи, и тогда начнется самая страдная пора для разведчиков. Воевать и спать придется на каменистом грунте, под леденящим ветром, в пургу и в метель. По нескольку дней, а может, и недель не будет горячей пищи — в рейдах пельзя разводить костер. По кручам скал, по тонкой тундре, через горные ручьи и болота трудно даже без боя пройти один километр, а придется совершать марши с боями на десятки километров, забираться на еще более крутые горы и сопки, чем те, какие мы уже видели, пробираться через ущелья и пропасты.

Трудно воевать на скалистом побережье моря, еще трудней — вдали от его берегов. Но если ты решил стать разведчиком — да еще морским разведчиком! — в твоём сердце не должно быть робости перед сильным и коварным врагом и страха перед суровыми испытаниями. Страх врагу и неистребимую ненависть к захватчику должен ты нести в своём сердце!

Действуешь ли в составе отряда, в мелкой группе или тебе придется сражаться в одиночку, — вся твоя надежда в оружии. Владей им в совершенстве. Но самое сильное оружие советского разведчика — это его чистая совесть и высокий долг перед Родиной.

...Об этом говорил нам старший лейтенант Георгий Лебедев, и мы слушали его не перебивая. Никто ни о чем не спрашивал. Все было предельно ясно, а выбор — остаться в разведке или вернуться в базу — еще был свободен для каждого моряка.

Но выбор уже был сделан.

После второго рейда я тоже долго не мог заснуть, но уже не потому, что меня томили какие-то сомнения. Нет! Я вспомнил строй разведчиков на пирсе и босоногого Белова на правом фланге. Я отчетливо представил себе позор, до которого лучше не дожить, чем его испытать. Лучше пасть славной смертью Саши Сенчука, лучше уж,

на самый худой конец, мучиться перед кончиной, как тяжело раненный матрос Николай Рябов, чем, подобно Белову, здоровому и невредимому, не иметь силы поднять голову, чтобы посмотреть в глаза своему командиру, своему товарищу.

Испытания только начинались. Но второй рейд уже не похож был на первый.

Спокойней и уверенней смотрел я в будущее.

СИЛА СИЛУ ЛОМИТ

1

В истории отряда североморских разведчиков можно встретить названия различных мысов и фьордов. Чаше других упоминается мыс Пикшуев на побережье Мотовского залива, близ устья реки Большая Западная Лица. Этот отлогий мыс косой вдавался в Мотовский залив. Если учесть, что через залив шло снабжение наших войск, оборонявших хребет Муста-Тунтури, то станет ясным, какое значение придавал враг мысу Пикшуев. Здесь были его наблюдательные пункты, доты. Постоянный гарнизон горных егерей-пехотинцев и артиллеристов оборонял мыс с моря и с суши.

Накануне первого похода на мыс Пикшуев к нам в отряд пришла Ольга Параева, Оленька, как ее тут же прозвали разведчики, — маленькая, стройная, миловидная блондинка, карелка по национальности. Параеву направили в отряд как санитарку и переводчицу. Она знала финский язык, а по данным разведки мыс Пикшуев обороняли наряду с егерями и финны.

Появление Оленьки Параевой вызвало необычайное оживление среди разведчиков. Некоторые моряки вспоминали старую примету о незавидной судьбе корабля, который примет на борт женщину. «Да какая она женщина — девчушка!» — говорили те, кто с особым усердием стал следить за своей внешностью. Едко подтрунивали над мнимо больными, повалившимися на прием к «доктору», у которого чуть «скуластое с румянцем личико и озорные серые глаза с необычайно длинными ресницами.

Я демонстративно высказывал свое равнодушие к «разведчику в юбке», зло подшучивал над ее пациентами и поплатился тем, что совершенно неожиданно стал объ-

ектом внимания Ольги Параевой. Ей не понравилась моя пышная шевелюра. В присутствии других разведчиков Параева сделала мне замечание и посоветовала постричься.

— Что вы, Олечка! — тут же вмешался в разговор Витя Тарзанов. — У Леонова вся сила в волосах, как у Черномора — в бороде. Читали «Руслан и Людмила»?

Но Параева совершенно серьезно смотрела на меня и только мигала своими длинными светлыми ресницами.

— Разве у вас прическа? — спрашивала она, явно недовольная тем, что мне как раз нравилось. — Лес дремучий! И потом — это же негигиенично! Хотите, Леонов, я сама вас подстригу? Аккуратненько...

— Конечно, хочет! Что за вопрос! — увивался вокруг Параевой Витек. — Принести ножницы? Мы его мигом из Черномора в Беломора превратим.

Я вспыхнул и сказал Параевой, чтобы она оставила меня в покое. Мне этого показалось мало, и я посоветовал Параевой заниматься лучше мазями и таблетками для своих пациентов. Их и без меня хоть отбавляй.

— Вот какой вы!..

Параева смутилась и отошла.

Через два дня уже при совершенно иных обстоятельствах Параева припомнила мне этот разговор.

В первом рейде на мыс Пикшуев я больше наблюдал за боем, чем активно в нем участвовал. Сразу после высадки меня ранило: осколок мины впился в правую ступню.

Боец, раненный в тылу врага, особенно остро переживает свое бессилие. Он видит, как трудно товарищам, не может им помочь, и сам им в тягость, если рядом нет санитаров. Я находился в небольшой группе старшего лейтенанта Клименко. С моря к Пикшуеву направились взводы Лебедева и младшего лейтенанта Бацких во главе с майором Добротинным. С ними была санитарка Параева. Разведчики Клименко должны перерезать дорогу к тылам противника, когда основная группа ударит по гарнизону мыса. Чтобы не ослабить группу, я отказался от сопровождающего и попросил лейтенанта оставить меня одного — пусть все следуют по своему маршруту.

Разрезав голенище, Степан Мотовилин снял с меня сапог и перевязал раненую ногу. Клименко, оставив мне запасной диск к автомату и две гранаты, сказал:

— Это на всякий случай... Спрячьтесь в камнях и ждите. После боя приходем за вами.

— Не тужи, Виктор, приходем! — подбодрил меня Степан и побежал догонять ушедших вперед разведчиков.

Я остался один и вскоре понял, что одиночество тяготит меня еще больше, чем ранение. Кругом тихо, и эта тишина настолько томила своей неизвестностью, что я обрадовался, когда в горах прогремели выстрелы. Они то приближались, то опять удалялись. Солнце уже пригревало. Олений мох — ягель отдавал солнцу скопленную за ночь влагу, и невидимые в камнях ручейки журчали все сильнее. А выстрелы раздавались все реже, приглушенней, и не с той стороны, откуда их следовало ждать. Я знал, что звук в горах обманчив, верил, что такой опытный следопыт, как Мотовилин, найдет ко мне дорогу. И все же никак не мог унять охватившего меня беспокойства.

Вдруг я решил, что рана у меня пустяковая и я смогу двигаться. Встал, попробовал опереться на пальцы правой ноги и тут же прикусил губу, чтобы не выдать себя криком.

Настороженно оглядываясь по сторонам, я пополз. Нестерпимо болела раненая нога, ломило шею. Потом началось головокружение. Ощувив слабость во всем теле, я уже пожалел, что покинул место, где меня будут искать. Теперь я не найду этого места и могу заблудиться. Выстрелы прекратились. По ним нельзя ориентироваться. За каждым чахлым кустом, за каждым камнем чудилась мне засада. Отчаяние придало силы и, прыгая на одной ноге от камня к камню, я забирался все выше на вершину мыса.

Я догнал разведчиков, чтобы тут же с ними расстаться. Сбив боевое охранение, взводы ушли вперед и сосредоточились для атаки дотов гарнизона мыса. Майор Добротин приказал Параевой остаться со мной и, если нам будет угрожать опасность, дать сигнал.

— Что у вас? — недовольным тоном спросила Параева, когда мы остались одни.

От этого тона мне стало не по себе.

— Ничего! — грубо огозвался я и отвернулся. — Отдохну и пойду дальше. А вы, между прочим, можете сейчас идти. Я вас не задерживаю.

— Послушайте, Леонов, вы не в базе, и мы не о при-
ческом спорим. Что за капризы?..

Чувствую себя виноватым и потому молчу.

Мы сидим на одном камне, спиной друг к другу. Мне
висколько не легче оттого, что санитар рядом. Параева
нервничала: где-то впереди раздались выстрелы, застро-
чил пулемет...

— Слышите? — Ольга тревожно посмотрела на меня.

Я не выдержал, закричал:

— Что ж вы сидите? Там бой идет. Бегите туда!

— Но майор? Он мне приказал...

— А мы, Оля, — я первый раз назвал ее по имени, —
вместе пойдем. Ладно? Вдвоем веселой, вы только чу-
точку помогите мне.

Опираясь на автомат, я встал. Ольга положила мою
левую руку себе на плечо. — И — точно не было никакой
размолвки — мы пошли туда, где все сильнее разгорался
бой.

Через десять минут я уже лежал в цепи, рядом с пу-
леметчиком, показывал ему цели и сам бил из автомата.

Ольга Параева присоединилась к разведчикам, ата-
кующим доты.

2

В каждой схватке есть тот критический момент, когда
решается судьба боя.

Мотовилин, Даманов, Лосев и Радышевцев — все из
группы Клименко — огибали большой дот на вершине
Пикшуева. Из амбразур дота егеря поливали свинцовым
дождем камни, где засели разведчики Лебедева. Я видел,
как Мотовилин и Даманов метнули по две противотанко-
вые гранаты, ослепив на несколько секунд амбразуры
дота. Этого было достаточно, чтобы разведчики Лебедева
ринулись в атаку.

Большой дот пал.

Допрыгав до разгромленного дота, я увидел погнутые
стволы пулеметов в развороченных взрывами амбразу-
рах. В просторном доте уже находились майор Добротин,
лейтенант Клименко, Ольга Параева и еще пять развед-
чиков. На полу, у порога, лежал убитый немецкий офи-
цер. Другой офицер, высокий финн, стоял навытяжку пе-
ред маленькой Ольгой и что-то быстро говорил. Шесть
обезоруженных финских солдат выстроились у стены и

смотрели на Параеву. На столе лежали финские автоматы и одна винтовка с оптическим прицелом. И еще на столе был телефон.

Ольга тревожно поглядывала на телефон, когда переводила речь финского офицера.

— Это фендрих, прапорщик по-ихнему. Его зовут Хейно,— рассказывала она майору. — Фендрих говорит, что немецкий обер-лейтенант пришел сюда из штаба, что в Титовке, договориться о смене. Немцы должны их сменить через два часа. Обер-лейтенант доложил по телефону своему начальнику, что наша атака отбита и теперь они нас контратакой сбросят с высоты.

Майор повернулся к фендриху, спросил его по-немецки:

— Вы вели наблюдение за заливом?

— Да, тетрадь с записями наблюдений забрал обер-лейтенант,— слегка коверкая немецкий язык, ответил фендрих,— но последние данные я помню наизусть. Повторить?

— Не надо, тетрадь эта уже у нас. В чьем подчинении вы находились? С кем поддерживаете сейчас связь по этому телефону?

— С комендантом укрепленного района Титовка. Ему и подчинен непосредственно.

— Ясно! — майор не отрывал взгляда от фендриха, который, прижав руки к бедрам, стоял по стойке «смирно». — Какое последнее донесение передали коменданту Титовки?

— Час назад доложил о вашем нападении на опорный пункт и тут же побежал к переднему краю.

— Эй, кто тут? Где майор? — кричали снаружи.

В дот спустился матрос Куприянов из взвода Лебедева. Увидев майора, он близко подошел к нему и глухо сказал:

— Старшего лейтенанта убило. Разрывной — прямо в голову. Наповал...

Добротин побледнел, тихо вымолвил: «Не может этого быть...» Потом так же тихо Куприянову: «Бегите во взвод, скажите, что скоро приду».

Куприянов выбежал из дота.

— Передайте фендриху,— обратился Добротин к Параевой,— что ему и его солдатам ничего не угрожает. Пусть лягут в котловине за дотом. А охранять их будет...

Сможете? — он посмотрел на меня и, не дождавшись ответа, скомандовал: — Остальным — за мной!

Но тут загудел зуммер телефона. Майор подошел к аппарату, взял трубку и, подражая голосу фендриха, заговорил по-немецки:

— У аппарата Хейно. Я вас слушаю... Нет, не надо открывать огня. Атака отбита. Обер — в соседнем доте. Скоро придут?.. Благодарю!

Мы недвижно стояли, настороженно прислушиваясь к этому разговору, и облегченно вздохнули, когда майор положил трубку.

— Комендант Титовки благодарит вас, Хейно! — едва сдерживая улыбку, обратился майор к фендриху, а потом сказал нам: — Обещает прислать подкрепление и сам сюда пожелует. Что ж! Встретим гостей...

Майор вышел из дота. Разведчики последовали за ним.

Пленные вели себя смирно и лишь тревожно поглядывали в одну сторону. Насколько можно было их понять, они показывали, откуда ожидается опасность.

К доту подошел раненный в руку матрос Волошенюк — его прислал Клименко — и рассказал, как был убит старший лейтенант. Лебедев поднял в атаку взвод и тут же был сражен пулей.

— Должно быть, финский снайпер стрелял разрывными, — сказал Волошенюк.

Снайпер? Я вспомнил про винтовку с оптическим прицелом.

— Проверь, Волошенюк, чем заряжена винтовка, что лежит на столе в доте?

Волошенюк зло посмотрел на пленных и спустился в дот.

Винтовка оказалась незаряженной. Сняв с нее оптический прицел, Волошенюк уже собирался уходить, как опять загудел зуммер. Услышав «алло! алло!», я побежал к доту, чтобы предупредить Волошенюка, но было уже поздно.

— Та шо ты брешешь, як собака? — спрашивал Волошенюк, отчаянно продувая трубку, и только после моего окрика оторвал ее от уха и бросил на стол. — Та хибя ж я знал? — оправдывался он, когда я ему рассказал, что он наделал. — Может, бежать до майора?..

Пока разведчики уничтожали склады, доты и оборудование наблюдательных пунктов, из Титовки к мысу по-

дошла колонна егерей. Пленные финны еще издали заметили немцев и дали мне знать. Волошенюк побежал к майору предупредить об опасности.

Из Титовки по Пикшуеву били пушки и минометы. Ранило радиста и разбило радиостанцию.

А с моря к берегу уже шли два наших «морских охотника» и мотобот майора — «Касатка». Забравшись на вершину мыса, Коля Даманов флажками просигналил кораблям: «Поддержите нас огнем!» Моряки ударили из пушки и пулеметов, не дали егерям обойти нас со стороны побережья.

Первыми к берегу вышли раненые. Четыре разведчика несли на плащ-палатке убитого Лебедева. Волошенюк и я сопровождали военнопленных. Позади нас разведчики вели неравный бой с наседавшими на них егерями. Последними на командирский мотобот погрузились разведчики из отделений Мотовилина и Радышевцева.

«Касатка» отстала от катеров, и на полпути к базе ее настигли «мессершмитты». Пулеметчик с «Касатки» отбивался от вражеских истребителей и поджег один самолет. Но на палубе «Касатки» уже были убитые и раненые. Недалеко от берега сильно поврежденный мотобот стал тонуть, и майор приказал всем добираться до берега вплавь.

Раненый Добротин последним покинул мотобот.

Через три дня в госпиталь, где находились на излечении раненые разведчики, пришли Радышевцев и Даманов. От них я узнал, что Ольга Параева помогла майору Добротину выплыть к берегу и что наши катера забрали всех спасшихся с «Касатки». Добротин находится пока в морском госпитале, а его вестовой Тарзанов, тяжело раненный в грудь, отправлен в тыловой госпиталь. Отряд с большими почестями хоронил Лебедева. Могила его находится на высокой скале, обращенной к морю.

Командиром отряда назначили капитана Инзарцева, — он и послал Радышевцева с Дамановым проведать нас.

— Ждем большого пополнения! — это была последняя новость, которую передали нам друзья.

3

Мотовилин и я лежим в одной палате. У Мотовилина легкое ранение. Взлохмаченный и небритый, в длинном до пят халате, Мотовилин ходит из угла в угол и нещадно

ругает себя за то, что согласился эвакуироваться в госпиталь. Мне обидно, что Степана выпишут из госпиталя раньше меня и я останусь здесь один.

Я тоже не бреюсь, даже не причесываюсь. Злясь на себя, зачем-то рассказываю Степану, как можно ошибиться в человеке и какой, например, славной девушкой оказалась Ольга Параева. Степан, конечно, не понимает меня. Поскольку мы находимся в госпитале, он тут же ставит свой «диагноз»:

— Виктор, ты начинаешь портиться. Тебе вреден постельный режим. Как только меня выпишут, смазывай раненую пятку. Я тебя подожду у ворот госпиталя.

Время тянется бесконечно долго, и свет нам не мил. Если, вспоминая былое, я решил все же говорить о днях, проведенных в госпитале, то лишь потому, что они связаны с Добротиным, которого вскоре туда привезли. Много часов скоротали мы в беседах с майором. И эти беседы запомнились надолго.

Майора положили в палату тяжелораненых. Узнав об этом, мы обманули бдительность сестры и вскоре оказались у дверей этой палаты, но столкнулись с дежурным врачом.

— Что сие значит? — строго спросил он. — Кого вам нужно?

— Майора Добротина! — выпалил Степан, и это нас спасло. Майор услышал знакомый басок разведчика.

— Пропустите их, доктор, — попросил майор дежурного врача.

— Пять минут! — строго объявил доктор и, хмуро посмотрев на нас, ушел.

Мы юркнули в палату.

Майор полулежал на высоко взбитых подушках. Он как-то удивленно смотрел на нас, потом угрожающе поманил указательным пальцем.

— Садитесь, раз это вы!.. Что с тобой? — спросил он Степана.

— Пустяки, царапинка. Боюсь, товарищ майор, что тут по-настоящему заболею.

— Так... Как ваша нога, Леонов?

Я поморщился и сказал, что врачи грозят продержать меня в госпитале около двух месяцев.

— Ух ты! — облегченно вздохнул майор. — А я как увидел вас — испугался!

Мы со Степаном недоуменно переглянулись.

— Что за вид? — строго спросил майор и окинул нас осуждающим взглядом. — Обросшие, растрепанные! Как же мне сказать врачу, что вы — морские разведчики? Не поверит... Хотите быстрее выписаться — следите за собой! Не раскисайте. Чтобы не сердить врача, — он посмотрел на часы и, хотя положенные пять минут еще не истекли, решительно сказал: — Давайте на этом кончим. А вечером обязательно приходите ко мне. Идет?

Мы с радостью согласились и поспешили к выходу.

Вечером, тщательно побрившись и освежившись одеколоном, застегнув халаты на все пуговицы, мы явились к майору, а покинули его палату лишь в час отбоя. Потом уже каждый день навещали его. Майор знал, что в строй вступит не скоро, и уж во всяком случае в разведке по тылам врага ему не доведется бывать. Может, поэтому он и говорил с нами о том, что считал крайне важным.

— Почему я не наказал Белова и других паникеров? — повторил он вопрос, заданный ему однажды Степаном. — В самом деле — почему? — Он так искренне удивился этому, что я решил поругать Степана за то, что тот вспомнил этот неприятный случай из жизни отряда. — Ну, слушайте...

Майор поправил подушку и чуть прикрыл глаза, будто сился что-то вспомнить.

— В ваши годы я уже немало повоевал и все-таки однажды чуть не праздновал труса... Вот тогда-то я и узнал истинную цену самообладания в бою. Для разведчика это особенно важно.

Меня с взводом курсантов выслали в разведку — Юденич тогда наступал на Питер. После ночного поиска расположились мы на отдых в небольшой рощице. Отпустили подруги, дали коням корму, сами начали подкрепляться. И тут прискакал высланный на опушку рощи дозорный с паническим криком: «Беляки! Целый эскадрон вытянулся из села. Нас окружают!..» Курсанты бросились к коням, уже кой-кто, забыв подтянуть подруги, болтается с седлом под брюхом лошади. И смех и горе! Сам чуть было не сорвался с места... И вот это «чуть» до сих пор простить себе не могу. Выскочили бы мы врассыпную из рощи и — как зайцы на борзых! Но я взял себя в руки и приказал всем спешиться.

Надо вам сказать, что село было от нас в пяти километрах, а противник вряд ли мог знать о нашем присутствии именно в этой рощице — таких рощиц кругом много, и окружить нас было не так-то просто. Но у страха глаза велики. Когда теряешь самообладание, то уже мысли скачут вкривь и вкось. «Ты что панику разводишь?» — закричал я на дозорного. «Своими глазами видел!» — убеждает он меня.

К опушке рощи мы подошли в полной боевой готовности и тут же установили, что из села вышел не эскадрон, а только взвод и о нашем местоположении он ничего не знал. Мы внезапно атаковали его, разбили наголову и даже пленных захватили...

...Так вот — о Белове! — продолжал майор. — Всю дорогу, пока шел к вам от пирса, я думал, как мне поступить с Беловым? И вспомнил тогда этот, уже давний случай с дозорным. Фамилию его забыл. Дразнили его потом Паникадилом. И был он Паникадилом до тех пор, пока не заслужил орден за храбрость. Уж он старался! А в первом бою, как видите, оплошал. Это бывает...

— Точно, товарищ майор! — не выдержал я. — По себе знаю!

Майор Добротин около месяца пробыл с нами в госпитале, потом его отправили на окончательное излечение в тыл. В последний вечер майор показал нам два письма, которые он хранил в одном конверте. Первое письмо, от жены старшего лейтенанта Лебедева, пришло из Баку. Лебедева благодарила майора и всех разведчиков за заботу и внимание к ней.

«Вы просите меня быть стойкой,— писала она.— Об этом и Жора просил меня в своем последнем письме. Вот его слова: «Идет второй месяц войны. Я верю в жизнь и в нашу победу. Ты — жена советского разведчика. У тебя должно быть спокойное и храброе сердце. И чтобы наш малыш никогда не видел слез в твоих глазах... Помнишь, когда мы только познакомились, твоим героем был Овод. Ты восхищалась его стойкостью и верностью. И ты часто повторяла строчки, которыми он закончил свое последнее письмо любимой женщине: «Я счастливый мотылек, буду жить я иль умру...»

Майор оборвал чтение.

Я не решался поднять головы, чтобы не заметили моего волнения. Я помнил роман «Овод» и эти строки. И

еще я не забыл, что говорил мне Лебедев после гибели Саши Сенчука...

— Такой он был, наш старший лейтенант Георгий Лебедев! — сказал майор. — А вот другое письмо, не отправленное. Его писал немецкий оберлейтенант, тот, что был убит в доте Финнов на Пикшуеве. Тоже адресовано любимой. И здесь есть стишок, видимо, сам обер сочинил. Переводится он так: «Нас занесло в холодные края по воле фюрера. Молись за меня! Мне уже теперь снятся страшные сны... Полярная ночь и вьюга.

Я еще живу, а меня считают убитым. И я никому не могу сказать, что меня, живого, похоронили. Только дикий олень приходит на мою могилу и трубит свою тоскливую песню...»

— Скажите, какой чувствительный немчик! — удивился Степац. — Только этот обер, между прочим, был отчаянным! Строчил, гад, из пулемета, пока мы к самой амбразуре не подползли. Олень трубит?.. — Степан усмехнулся. — Может, товарищ майор, это моя противотанковая протрубила ему последнюю песню?

— Возможно, — медленно отозвался майор, думая, видимо, о чем-то своем, так как заговорил потом горячо, убежденно: — Вот они с немецкой точностью подсчитали, насколько у них больше самолетов и орудий, измерили силу своих ударных горных дивизий, бригад, полков. По расчетам их штабистов получается, что должны они в самый короткий срок взять над нами верх. Только этого, — майор грозно потряс письмами, — этого они не приняли

Георгий Лебедев

во внимание. Это не поддается их учету! Их обер-лейтенанту за гранитной стеной опорного пункта чудилась смерть и всякая чертовщина. Отчаянно дрался? — майор повернул голову к Степану. — Отчаянный — это не значит храбрый. Наш старший лейтенант шел на смертный бой, штурмуя дот, и верил в жизнь, верил в победу. До последнего дыхания верил! Пусть эта вера никогда нас не покидает. А сила? Сила наша еще скажется!

4

Календарь показывал осень, а на севере началась зима.

Неистовый шальной ветер гнал с моря снежную крупу, заметая сугробы и оголяя камни. Мне после длительного пребывания в госпитальной палате ветер казался особенно лютым. Пряча голову в поднятый воротник и опираясь на палку, я шагал осторожно, чуть прихрамывая. В кармане гимнастерки лежало направление, в котором сказано, что Леонов «временно к строевой службе не годен». Из-за этой бумажки я изменил маршрут и вместо штаба флота пошел прямо в отряд.

— Как же нам быть? — спросил меня капитан Инзарцев, прочитав направление и перелистав лечебную книжку. — С базой, допустим, я договорюсь. Но в боевую группу зачислить не могу. Куда такого, с палкой? — и вдруг лыжная палка с металлическим наконечником, которую я держал в руке, навела капитана на мысль: — А не послать ли тебя, дружок, на лыжную базу? Займешься пока хозяйством, а там видно будет.

Так я остался в отряде, а к концу зимы, когда рана окончательно зарубцевалась, уже принимал участие в рейдах по тылам врага.

Теперь в поход отправлялись закаленные в боях и спаянные крепкой матросской дружбой разведчики, о делах которых я много слышал на лыжной базе, читал во фронтовых газетах и листовках.

Вместе с ветеранами отряда выросли новые отважные следопыты Заполярья. Были среди них моряки разного возраста. Отделениями командовали призванные из запаса мичманы, главстаршины, старшины, такие, как Александр Никандров, Анатолий Баринов, Андрей Пшеничных и другие. Прославились и недавно призванные на флот комсомольцы Александр Манин, Зиновий Рыжечкин, Евгений Уленков и многие их ровесники. Большим

авторитетом среди моряков пользовались люди, умудренные житейским опытом, — мурманский инженер Флоринский и ленинградский слесарь Абрамов, мастера и умельцы, в совершенстве знавшие не только свое, но и трофейное оружие, походное снаряжение. Были среди нас отличные спортсмены — студенты ленинградских институтов Головин, Старицкий, Шеремет. На лыжной базе я подружился с Василием Кашутиным, который пришел в отряд из пограничных войск. Бывалый разведчик и отличный стрелок, сержант Кашутин ревностнее всех обучал свое отделение скалолазанию, маскировке, наблюдению в горах.

Ветераны отряда с радостью встречали новичков, а особенно тех, кого давал нам флот. Мы приняли в свою семью старых знакомых по базе — электрика Павла Барышева, моториста Ивана Лысенко, штурмана Юрия Михеева, кока с подводной лодки Семена Агафонова, списанного, кстати, на берег за какой-то неблагоприятный поступок. Агафонов был единственным моряком, для которого капитан Инзарцев сделал исключение, зачислив в отряд под свою личную ответственность. Если строгий Инзарцев пошел на такой шаг, то, видимо, высоко ценил этого хладнокровного и безгранично смелого помора. Как показало время, Инзарцев не ошибся в Агафонове.

Теперь в отряде были партийная и комсомольская организации. На должность комиссара политотдел прислал старшего политрука Дубровского, опытного политработника. К нему я и обратился с просьбой разрешить мне пойти в очередной рейд и, если можно, — в отделение Кашутина. Комиссар посоветовал Инзарцеву взять меня в связные.

— После большого перерыва в боях, — сказал мне комиссар, — вам надо находиться поближе к командиру. А отделение Кашутина пойдет замыкающим.

Темной выюжной ночью высадились мы на скалистом берегу и начали марш через горы к вражеской базе. Дорогу отряду прокладывали неутомимые ходоки Мотовилин, Радышевцев и Агафонов. Впереди идущие ненадолго задерживаются у препятствия. А замыкающие преодолевают препятствие, когда первые уже далеко ушли вперед. Комиссар шел с замыкающими — разведчиками Кашутина, с теми, кто не отставал и кто следил, чтобы не было отстающих.

Полночь. В горах свирепствует снежный буран. В пяти метрах уже не видно идущего впереди разведчика, и, чтобы не потерять друг друга, мы движемся плотной цепочкой почти до самого конечного пункта.

Недалеко от вражеской базы все залегли. Только двое, Алексей Радышевцев и Николай Даманов, ушли вперед, чтобы первыми забраться на площадку близ базы, где выставлены часовые. Мы с нетерпением ждем развязки короткой, драматической схватки, которая на языке разведчиков называется: тихо «снять» часовых...

Два егеря в длиннополых шинелях с высоко поднятыми воротниками шагают навстречу друг другу. Они не видят облаченных в белые маскхалаты разведчиков, распластавшихся на снегу. Да и разведчики видят часовых лишь тогда, когда те сходятся в центре площадки. Потом егеря растворяются во мраке ночи, чтобы через две — три минуты появиться на этом же месте. Егерей надо «снять» одновременно, иначе первый часовой заметит исчезновение другого и поднимет тревогу.

Егеря разошлись. Теперь за каждым из них пополз разведчик. Радышевцев притаился за валуном близ тропинки, утоптанной часовыми, и замер. Когда, уже возвращаясь, егерь, сутулясь и глядя себе под ноги, проходил мимо валуна, Радышевцев одним прыжком настиг его, оглушил прикладом и тут же загнал ему в рот кляп. Только потом он полез в карман за ремешком, чтобы связать егерю руки на спине.

Пока Радышевцев это делал, ему послышался приглушенный хрип борющихся людей. Он побежал в противоположную сторону, но Даманова не нашел, а увидел следы, по которым можно было определить, что здесь недавно происходило. Вот тут была засада Даманова, отсюда он напал на егеря и свалил его с ног. Егерь, видимо, сопротивлялся, когда Даманов скручивал ему руки. Следы на снегу показывали, как двое отчаянно боролись, катались по земле, приближаясь к обрыву, где след оборвался.

Радышевцев вздрогнул, услышав внизу шорох, и отскочил назад, схватившись за автомат. Во мраке ночи не видно того, кто, цепляясь за камни, карабкается вверх. Свой или чужой? Радышевцев увидел пальцы левой руки, потом нож, зажатый в правом кулаке, и, наконец, показалась лыжная шапчонка Даманова.

— Коля! — шепотом позвал Радышевцев.

Даманов подполз. Пот градом струился с его лица.

— С-сиг-налы! — выдохнул он.

Радышевцев просигналил нам ручным фонариком.

Обгоняя друг друга, мы поднялись на площадку.

Инзарцев повел свою группу к стоявшей под навесом колонне автомашин, а Дубровский своих разведчиков — к казарме и к складу.

Когда сноп огня взвился над складом, группа Инзарцева уже громила автоколонну и подожгла цистерну с горючим. Освещенные пламенем егеря металась между казармой и складом и падали, сраженные меткими очередями из наших автоматов.

Мы отошли вовремя. На складе боеприпасов начали рваться снаряды. Вражеская артиллерия открыла огонь по своей базе.

Десантные катера уже были далеко от берега, а мы все еще видели бушующее пламя пожаров над сопкой, где недавно побывали. И долго еще потрясали окрестность взрывы рвущихся в огне снарядов.

Операция была проведена внезапно, стремительно и дерзко. Больше всего, помню, меня поразила спокойная уверенность разведчиков в исходе боя. Точно иначе и не могло быть!

Да, это был уже другой отряд, и сила другая — та, что ломит вражью силу, та, в которую наказали нам верить и сами безгранично верили майор Добротин и старший лейтенант Лебедев.

НА ВЫСОТЕ 415

1

Нас, разведчиков, в шутку называют моряками сухопутья.

Море провожает нас в трудный опасный путь. При высадке шум прибоя заглушает шаги десантников, ступивших на вражий берег. А бой мы нередко ведем далеко от моря — в сопках и в поросшей мхом-ягелем тундре, на вершинах гор и в расщелинах скал.

Когда возвращаемся к берегу, к катерам, темная ночь, надвигаясь с Баренцева моря, укрывает нас от преследователей. Моряки с катеров помнят, сколько нас вы-

садились, и видят, сколько нас вернулось. Разделяя нашу скорбь, они ничего не спрашивают о тех, кто остался в горах...

Каждый поход в тыл врага имел свои особенности. Так было и с памятной для нас операцией, названной потом в истории отряда «Майским рейдом».

Началась эта операция в канун Первого военного мая 1942 года. К тому времени я, в звании старшины второй статьи, командовал группой управления в составе десяти разведчиков.

* * *

Мы сидели в кубрике, не спеша готовили свое снаряжение к походу. Больше всего забот выпало на долю Семена Васильевича Флоринского: он проверял пулеметы — наши и трофейные. Флоринский как всегда придирчиво осматривал оружие, но вдруг, оторвавшись от дела, сказал:

— В прошлом году, как раз в это время, сидел я со своей Еленой Васильевной на концерте в Мурманском театре. Концерт, конечно, большой, майский. Жена — в праздничном платье, а сам я — в новой бостоновой тройке. При галстукке. При галстукке, ребята! Чудно...

Я представил Семена Васильевича в штатском, темно-синем бостоновом костюме с жилеткой. Рядом — нарядно одетая жена. Обычная, как будто бы, картина, но сейчас она показалась действительно чудной и, главное, очень далекой.

— Наш-шел что вспомнить: жену да бос-стоновый костюмчик... — снисходительно пожурил его Николай Даманов. — Раз-звечтался!

Но Даманов тут же спохватился, что это может обидеть уважаемого в отряде оружейника, и, сменив тон, добавил:

— Не будем вс-споминать прошлое. Будем глядеть вперед. Пройдет, допус-тим, десяток лет и расскажешь ты, Семен Вас-ильевич, своим деткам, как в ночь под Первое мая нанес-ли мы визит егерям — лапландцам. Это интерес-но будет ребятам послушать.

Наступила пауза.

— Хорошо бы, — тихо отозвался Флоринский. — Хорошо бы, Коля! — воскликнул он. — Вот, скажу, ребята, жил да был в нашем отряде электрик с подводной лодки,

лихой разведчик, отважный старшина второй статьи по фамилии Даманов. Отчаянная душа! И вот однажды...

— В глухую полярную ночь!.. — в тон ему продолжал Евгений Уленков.

— Пош-шел травить! — беззлобно оборвал Уленкова Даманов.

У нас не принято было много говорить о предстоящих походах. Днем командир отряда капитан Инзарцев четко определил задачу разведки, и всем стало ясно, что на этот раз уходим не в обычный рейд. А вечером с нами беседовал комиссар отряда Дубровский. Он вспомнил разгромленные нами опорные пункты неприятеля, захват «языков», а потом сказал:

— Каждая наша операция продолжалась ночь или сутки. Не больше. А что, если бы не удалось сразу вернуться в базу? Чего только на войне не случается! Вдруг обстановка изменится и придется действовать в тылу врага несколько суток — как тогда?

Вероятно, об этом думал каждый из нас, но расстраиваться на эту тему не хотелось. «Начальству виднее, как в таких случаях поступить», — полагали одни. «Разве моряки оставят нас в беде? Выручат!» — твердо верили все.

А комиссар, чтобы не оставлять никаких сомнений на этот счет, продолжал:

— Неожиданность и внезапность — к этому нам, разведчикам, не привыкать. Однако надо быть готовым и к длительным, упорным боям. Следом за нами в десант уйдет подразделение морской пехоты. У них — своя задача. А мы, разведчики, будем высаживаться первыми. И не бесшумно, не под покровом ночи, а в открытую, с боем, привлекая внимание противника. Так мы поможем пехотинцам. Это будет не тот скрытый, короткий и ошеломляющий удар, который хорошо знаком многим разведчикам нашего отряда.

И комиссар несколько раз подчеркнул одно слово:

— Стойкость!

Вспоминая потом майский рейд, мы уже отлично знали истинную цену той стойкости, о которой говорил нам комиссар. Но это было потом. А пока мы усердно упаковывали рюкзаки, проверяли оружие, одежду, обувь и закончили приготовления только после веселой команды старшины:

— Построиться! Сегодня праздничный ужин...

...Ночь. Первая майская ночь.

Два катера, ревя моторами, бороздят воды Мотовского залива. На полном ходу идут они к берегу знакомого нам мыса Пикшуев.

Боевое охранение неприятеля на чеку. Его посты наблюдения нас заметили, и в бой вступила вражеская батарея на Пикшуеве. Небо озаряется ракетами, и мы видим, как вокруг нас сближаются фонтанчики воды — следы разрывов.

Мористее, на малом ходу, идут еще несколько наших катеров. Комендоры открывают огонь по прибрежной сопке мыса. Они стреляют метко, и вот уже сопка охвачена пламенем, точно ее покрыли ярко-красной шапкой, обдуваемой ветром. Прильнув к иллюминаторам, мы скандируем:

— Дай-дай-дай!

Точно повинувшись этой команде, катерники отвечают залпами по мысу Пикшуев.

Над морем разыгралась артиллерийская дуэль, а наш катер, не сбавляя хода, уже разворачивается для высадки первого десанта.

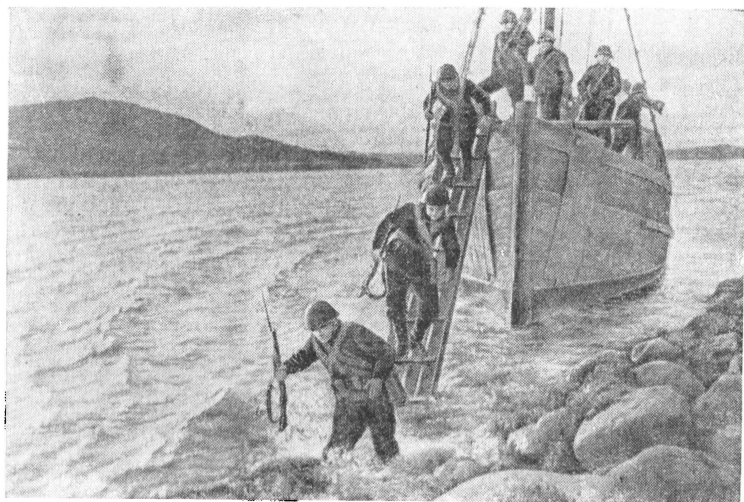
С высокого мыса ведут огонь вражеские пулеметчики.

Не ожидая, пока спустят вторую сходню, прыгает в воду матрос Шерemet, за ним — Даманов и комсорг нашего отряда Саша Манин. По трапу, с пулеметом на весу, сбегает Флоринский и Абрамов. Штурмуем первую высоту. Шерemet на бегу кидает гранату. Она разорвалась за большим валуном, и следом за ней метнулись вперед Даманов и Манин. Раненый Шерemet, споткнувшись о труп вражеского пулеметчика, сцепился в рукопашную с огромным егерем, вторым номером пулемета. Но трофейное оружие уже в руках Даманова. Он карабкается вверх, устанавливает пулемет на самом срезе скалы и дает длинную очередь, которую обрывает взрыв гранаты.

Сраженный насмерть Коля Даманов медленно сползает, вот-вот сорвется со скалы. Его подхватывает подоспевший Флоринский.

— А-а-а-а! Га-а-ады! — слышим мы крик Флоринского.

Абрамов и Флоринский, прильнув к пулеметам — своему и трофейному, — поливают огнем разбегающихся

Май 1942 г. Не ожидая, пока спустят вторую сходню, разведчики прыгают в воду

егерей. А справа и слева от них нарастает матросское «ура».

Мы ринулись в штыковую атаку и, уничтожая на ходу небольшие заслоны неприятеля, прорвались в горы.

2

Скоро, должно быть, начнет светать, но пока еще очень темно.

В лощинах лежит глубокий, вязкий снег. Ходить нездоров, да еще с нашей поклажей, невероятно трудно. Днем где-где на сопках образовались озера, а за ночь подморозило, и они покрылись предательски тонким слоем льда. Впереди и по сторонам господствующие высоты заняты егерями. Они, конечно, видели наш десант, подсчитали наши силы — не более двух взводов — и теперь, отрезав путь к морю, преследуют нас, глубоко убежденные, что мы попали в ловушку, в западню и обречены на верную гибель. Егеря знают, что матросы-разведчики в плен не сдаются.

А мы, петляя по ущельям, пробиваемся вперед к тому конечному пункту, который на карте командира обозначен цифрой 415.

До этой высоты еще далеко.

Капитана Инзарцева беспокоят отстающие — молодые разведчики из отделения мичмана Никандрова. Они могут стать легкой добычей преследователей. Инзарцев приказывает:

— Леонову, Харабрину и Манину — подтянуть колонну. В случае чего — задержать егерей. Будете отходить — дайте сигнал ракетой.

Занимается утро. Теперь мы различаем гребень самой большой высоты — 415. На гребне — фигуры в длинных шинелях. Егеря спешно сооружают из камней укрытия и устанавливают пулемет. Разведчики Кашутина и Радышевцева обходят высоту 415, чтобы атаковать неприятеля с тыла.

Завязывается перестрелка, и это подстегивает отстающих разведчиков — они прибавляют шаг. А мы бежим к замыкающим колонну, торопим товарищей.

Два разведчика несут на плащ-палатке Владимира Шеремета. Он ранен в ноги, в живот. Шеремет тяжело дышит и кричит идущему рядом лейтенанту медицинской службы Заседателеву:

— Не имеете права! Позови комиссара! Позови...

Заметив нас, он просит остановиться, протягивает руки к Харабрину:

— Гриша, Гриш... Дай мне пистолет! Или, Гришенька, лучше сам... Как друга прошу!..

Харабрин подходит к Шеремету, пытается его успокоить, но Шеремет только скрипит зубами и качает головой:

— Не друг ты мне... Запомни! Я ведь вам в обузу. Ну, умоляю...

Харабрин отворачивается и говорит Заседателеву:

— Егеря идут следом. Несите быстрее.

Замыкают колонну Барышев и Коликов. Коликов хромотает и опирается на плечо Барышева. Мы их поторапливаем и залегает в камнях.

Ждать пришлось недолго.

— Идут! — объявляет Харабрин.

— Глянь-ко! — слышим мы вологодский говорок

Саши Манина.— Егеря-то! Жмут вдоль озера, прямо, на виду...

Манин удивленно смотрит в мою сторону, а я, стараясь говорить спокойно, поясняю:

— Торопятся... Им, Саша, хочется кресты в награду заработать.

Впереди цепи егерей уверенно шагает офицер. Его можно снять пулеметной очередью. Но Харабрин не стреляет. Егеря приблизились, и мы ударили одновременно из пулемета и автоматов. Цепь разорвалась, рассыпалась, залегла. Только офицер, точно заговоренный от пуль, даже не пригнулся. Выхватив парабеллум, он что-то кричит солдатам, поднимает их в атаку и, повернувшись к нам боком, опять идет первым.

— Силен! — говорит Харабрин.— Знает, что не миновать ему моей пули, а прет, стерва...

Мы слышим несколько крепких слов, сказанных в сердцах. Это не мешает Харабрину прицелиться и дать меткую короткую очередь. Офицер взмахнул руками, потом согнулся и повалился на бок. Егеря этого только и ждали: побежали назад, в кусты, и оттуда открыли беспорядочный огонь. А мы лежали за надежным укрытием и чутко прислушивались к стрельбе позади нас.

Гранаты рвались уже на высоте 415.

Я дал сигнал отходить.

Догоняя отряд, мы чуть не наскочили на Павла Барышева, который тащил на себе долговязого Коликова. Я подумал, что Коликов ранен, но оказалось, что «чемпион по лыжам», как он себя назвал, впервые явившись в отряд (Коликов действительно считался одним из лучших лыжников Северного флота), попросту скис: он натер ноги, спину. На гонках, по накатанной лыжне, Коликов оставлял Пашу Барышева далеко позади, а в первом же походе по горам и бездорожью, да еще с полной выкладкой выдохся и вот взгромоздился на широкую спину низкорослого Барышева. А тот, широко расставляя ноги, обливаясь потом, кряхтит, но тащит «чемпиона».

Увидев нас, Барышев сбросил с себя Коликова.

— Бревно! Ну куда мне с ним?! — закричал он, обращаясь к нам. — Мичман Никандров приказал: не бросай его! А там бой... А я тут с ним нянчусь...

В голосе Барышева столько обиды, что мы осуждающе смотрим на Коликова. И тут Харабрин, пугливо озираясь по сторонам, стал рассказывать, что за нами по пятам гонятся егеря, вот-вот нас настигнут.

— Братки! — взмолился Коликов. — Дойду, ей-богу, дойду сам! Только одного меня не оставляйте.

— Дуй в гору! Прикрывать тебя будем! — подбодрил его Харабрин.

И, действительно, Коликов до того резво заковылял, что мы еле-еле поспевали за ним.

— Видал? — спросил Харабрин Барышева. — Зря ты, Паша, спину гнул. Ведь что получается? Он — чемпион, а из тебя дух вон. Несправедливо! А теперь даже бога вспомнил. Ишь чешет!

3

Через час мы с боем заняли высоту 415.

С ее вершины просматривались две дороги, идущие из Титовки к Западной Лице и к морю — к мысу Могильному. Но нас привлекали более важные объекты наблюдения. На ближних сопках, пытаясь охватить кольцом высоту 415, скапливались егеря. Их было много.

Василий Кашутин подбадривал новичков:

— На этой высоте обороняться можно. Скрытно не подползешь. Пусть егеря сунутся.

Но егеря не торопятся атаковать и занимаются непонятными маневрами — залегают в одном месте, потом переходят на другое.

— Выбирают исходные позиции, — поясняет Кашутин.

С моря подул резкий ветер с липким снегом, и видимость резко ухудшилась. Наконец, завязалась перестрелка и началась первая атака на наш левый фланг. Потом группа вражеских автоматчиков, просочившись меж камней и кустов, угрожала уже правому флангу. Егеря упорно лезли вверх, цепляясь за каждый камень.

Группы Барина и Никандрова спустились по склону, чтобы задержать автоматчиков.

В это время с правого фланга прибежал связной с тревожным донесением:

— Немцы подбрасывают силы! Готовятся к новой атаке...

— А вы их не ждите, контратакуйте! — приказал Ин-

зарцев. — Пулеметчикам Флоринскому и Абрамову сменить позиции...

Неожиданно, как это часто бывает весной на севере, снегопад прекратился. Небо прояснилось, и ветер утих.

Наступила ночь. Высадившийся в районе Западной Лицы батальон морской пехоты устремился к дороге на Титовку, а противник не решался развернуть против нового десанта свои силы, опасаясь контратак нашего отряда.

Егеря наращивали атаки на высоту 415.

Миновал второй день боя.

Тяжелый переход, две бессонные ночи, пронизывающий холодный ветер со снегопадом и непрерывные бои утомили некоторых разведчиков настолько, что они едва держались на ногах. Никогда раньше, находясь в разведке, мы не дотрагивались до вина, а сейчас, когда забрезжил мутный рассвет, лейтенант Заседателев поднес кой-кому из коченеющих разведчиков считанные граммы разведенного спирта.

Закаленные в походах только покрывали с досады, когда «доктор» обносил их. Семен Агафонов упросил доктора дать ему понюхать пустую мензурку.

— Порядок! — сказал он, потирая кончик носа. — Сейчас бы шей флотских!

— Цайку с калистратом! — с блаженной миной объявил Манив, имея в виду чай с клюквенным экстрактом, к которому питал большую слабость.

— Гуся с яблоками! Шашлык по-кавказски! А Манину — вологодских отбивных! — весело дразнили разведчики друг друга.

— По местам! — скомандовал я, заметив сигнал наблюдателя.

И снова бой, который не прекращался уже до сумерек.

В этот день мы отбили двенадцать атак. Должно быть, у егерей был с нами, с морскими разведчиками, особый счет. Они решили любой ценой разгромить отряд.

Следующее утро выдалось пасмурным. Повалил снег. Командир решил связаться с морскими пехотинцами и договориться о взаимной поддержке.

Инзарцев приказал мне, Николаю Лосеву и Степану Мотовилину собираться в дорогу. Нужно было просо-

читься между сопками, занятыми неприятелем, и пройти около шести километров до высоты, где располагался штаб батальона.

Выждав, когда буран покрыл снежной пеленой всю окрестность, мы кубарем скатились по обрывистому склону и оказались в расщелине скалы.

— Здесь проскочим! — сказал Мотовилин.

Пурга свирепствовала. Над головой ветер кружил снежные вихри. А еще выше нарастал бой.

Мы торопились как можно быстрее выйти из расщелины, но, когда буран прекратился и можно было осмотреться, выяснили, что цель еще далека от нас.

Горы скрадывают расстояние. Идешь-идешь, а кажется, будто топчешься близ одной и той же сопки. Даже такой искусный ходок, как Мотовилин, еле передвигал ноги. Наконец, мы приблизились к сопке, на которой должны быть морские пехотинцы. Мотовилин решил не огибать ее, а пойти напрямик, через лощину, и мы поплатились за это.

На открытой местности морские пехотинцы встретили нас «с огоньком». Я зарылся в снег, съежился под свистом пуль и нещадно ругал Мотовилина за его дурацкую храбрость. Чтобы искупить вину, Степан первым встал на колени и закричал:

— Дурни, по своим стреляете! Прекратить огонь!

— Кто тебя услышит, агитатор? Ложись... — уговаривал его Лосев.

Но тут мы заметили, что хотя пулеметчик видит нас и продолжает изредка строчить, но пули летят высоко. Видимо, он на всякий случай держит нас «на мушке».

Деваться некуда — полусогнувшись идем вперед.

— Как в зайцев целятся, — зло ворчал Степан, ускоряя шаг.

Неожиданный окрик «Стой руки вверх!» остановил нас. Мотовилин сверкнул глазами. Зная его характер и опасаясь новых неприятностей, я выступил вперед.

— Руки вверх поднимать не приучены! — крикнул я невидимому за камнями пулеметчику.

— Ясно! А кто такие? — спросил тот же голос.

— А ты кто такой! — не удержался Степан и рванулся вперед. — Ослеп, что ли? Ты и по егерям так стреляешь, орел?

Пулеметчик высунул голову:

— Ладно, проходи стороной. Там разберут, что ты за орел.

— Курица общипанная! — ругался Степан.

Но словесная перепалка сразу оборвалась — появился лейтенант. И, опознав нас, рассмеялся:

— Уж очень вы подозрительно выглядите. Не то финны, не то немцы...

Мы были в лыжных матерчатых шапочках с длинными козырьками, в меховых куртках и брюках с вывернутой наизнанку оленьей шерстью. Не удивительно, что, увидев нас издалека, пулеметчик открыл огонь.

Пришел капитан, заместитель командира батальона, и я доложил ему обстановку.

Морские пехотинцы знали, что своими действиями на высоте 415 мы сковали силы неприятеля и тем самым помогли десанту выполнить задание в тылу врага. Сейчас штаб батальона располагал только взводом охраны. Подразделения еще не вернулись с заданий. Как только придет взвод минометчиков, его тотчас же бросят к нам на выручку. И капитан спросил нас, сумеем ли удержаться на высоте еще одни сутки. Что мы могли ему ответить?

— Надо, — сказал я, — значит выстоим.

И стал договариваться о маршруте движения минометчиков, о корректировке огня и других способах связи.

Нам предложили отдохнуть. Плотно перекусив и на чисто опорожнив портсигар лейтенанта, мы собрались в обратный путь. Проходя мимо знакомого пулеметчика, Степан подмигнул ему:

— Эй, ловец на мушку, гляди в оба! Попадешь к разведчикам, тебя научат не только руки поднимать, но и на четвереньках ползать.

Пулеметчик не обижался. Он провожал нас сочувствующим взглядом.

4

Мы возвращались с добрыми вестями и поэтому, превозмогая усталость, торопились к своим.

День выдался ясный, снег на сопках стоял. Но он еще лежал в ложине, которую егеря просматривали и простреливали. Разведчики, чтобы мы могли безопасно проскочить через ложину к подножию высоты 415, затеяли

ложную атаку и привлекли к себе внимание противника. Василий Кашутин, Семен Агафонов и Зиновий Рыжечкин пошли нам навстречу, подсобили быстрее преодолеть подъем.

Пока я докладывал командиру о связи с морскими пехотинцами, мои спутники уже повалились спать. Я забрался между Мотовилиным и Лосевым. Тесно прижавшись, согревая друг друга телами, мы беспробудно спали до утра. Никто не тревожил наш сон, хотя в эту ночь егеря особенно яростно штурмовали высоту 415 и кое-где вплотную приблизились к ее вершине.

...Пошел пятый день нашего пребывания в тылу врага.

С каждым часом возрастало напряжение боя. Порой казалось, что наступает предел испытаниям. Мы экономно расходовали патроны и разделили последний сухой паек. Снег стоял, и мы лишились воды. Кашутин, разбудив меня утром, облизывая сухие, потрескавшиеся на ветру губы, спрашивал:

— Виктор, вы тут вчера вокруг да около ходили. Не заметили ручейка?

— Так ведь озерцо рядом.

— Там уже егеря воду пьют... Худо, Виктор!

Вдруг он повернул голову, и я увидел в его глазах жадный блеск. Рядом с нами, на большом плоском камне, темнела маленькая лужица. Вася Кашутин смотрел на нее, как заипнотизированный.

— Грязная очень,— говорю Кашутину.

Подходит Павел Барышев. Ему самому до смерти хочется пить, но находка принадлежит Кашутину, и Барышев пускается на хитрость:

— Брось, Вася! Вчера тут никакой воды не было. Может, Коликов ночью с перепугу...

— Э, была не была!

Кашутин становится на колени, закрывает глаза, и через минуту на камне темнеет только влажное пятно.

Опять, но уже совсем рядом с нами, разгорается бой. Егеря стреляют почти в упор, хотя их и не видно. Прильнув к каменной глыбе, Манин высовывает наружу краешек своего трехуха, и его начисто срезает пулеметной очередью. Тогда я подползаю к Манину, приказываю ему пробраться к командиру, чтобы доложить обстановку, а сам веду наблюдения.

Внимательно осматриваю местность и замечаю холмики из камней, которых вчера не было на склоне высоты. Какой-то матрос бежит в мою сторону, вот он уже почти рядом, но короткая и близкая пулеметная очередь сразила его. И хотя я заметил огненные вспышки в камнях одного из холмиков, но не могу удержаться: инстинктивно вскакиваю и тут же, оглушенный ударом в голову, теряю на мгновение сознание.

К счастью, егеря стрелял не очень метко. Пулеметная очередь прошла рядом и лишь одна пуля, срикошетив о камень, поразила левую щеку. Конец пули торчал во рту.

Я отполз в сторону.

— Бывает же такое! — удивлялся лейтенант медицинской службы Заседателев, пытаясь извлечь пулю из щеки. Ему это не удалось. Обмотав мою голову бинтами, он оставил только два отверстия — для рта и глаз.

Я побежал к Инзарцеву и рассказал, где маскируются вражеские пулеметки и автоматчики.

— Старый прием! — догадался Инзарцев. — Ночью, во время атаки, их оставили вблизи нас. Накрыли плащ-палатками, камнями. Сейчас мы их выкурим.

Семен Агафонов из снайперской винтовки ударил по одному холмику, потом по другому. Оттуда выскочили автоматчики, завопили и побежали. «Ожили» и другие холмики — егеря покатались вниз.

Как раз в это время над одной из сопок взвилась красная ракета, и мы услышали многоголосое «ура». С помощью подоспевшего взвода морских пехотинцев мы очистили весь склон высоты.

Егеря закрепились на соседней сопке, и началась нудная минометная перестрелка.

Разведчики получили запас патронов и продуктов. Пехотинцы закрепились на флангах высоты 415. Теперь можно воевать.

А у меня сильно разболелась голова, и я даже не мог открыть рта, чтобы принять глоток свежей озерной воды. Заседателев потребовал, чтобы меня с сопровождающим отправили в санбат. Я вспомнил томительное пребывание в госпитале после первого ранения и поэтому, приняв бравадный вид, заявил командиру, что сам дойду до берега, где курсирует санитарный бот, а в базе доложу обстановку. Инзарцев согласился.

Долго сидел я на берегу, ожидая, когда появится санитарный бот. Наконец, он показался, заметил мои сигналы и пошел к берегу. Но неожиданно бот круто повернул и показал корму. А я не могу кричать — трудно подать голос. Я только неистово размахиваю руками, потом даю очередь из автомата. Куда там! Бот ускорил ход и скрылся по другую сторону нависшей над водой скалы.

Я почувствовал себя куда хуже, чем под пулями егерей. Оставалось только, напрягая последние силы, лезть на скалу в надежде, что с ее вершины меня опять приметят и возьмут на борт. Кое-как перевалил через хребет и увидел матросов, убирающих сходню. Они кричали, показывая в мою сторону:

— Вот он! Вот он!

Оборачиваюсь — позади никого нет: что за наваждение?

К счастью, в боте находился раненый офицер моряк, который узнал меня:

— Стройте! Какой, к черту, фашист вам мерещится? Это же Леонов! Из отряда морских разведчиков...

Я спасен!

Измученный, спотыкаясь на каждом шагу, подхожу к берегу.

— Кто их разберет, этих разведчиков! — ворчал уже потом капитан бота. — Нацепят на себя всякую дрянь, — он даже погрозил мне пальцем. — Я ведь тебя за егеря принял и, грешным делом, думал, что враги у берега — в засаде, а ты нас заманиваешь...

Заманиваю!.. Экипаж бота, даже раненые, хохочут.

Я бы, наверное, тоже посмеялся над таким злоключением, но мне даже улыбнуться больно. Мотаю забинтованной головой, и только по глазам люди догадываются о моих переживаниях.

* * *

Через четыре часа бот был в базе, а через двое суток отряд вернулся с задания.

Санитарная часть пополнилась разведчиками, которые получили легкие ранения или обморозились в этом майском рейде. Таков уж май в нашем Заполярье!

Врачи нас быстро вылечили. Лосева, Манина, Мотовилина и меня выписали одновременно. Я помню, как мы бодро шествовали в отряд и Манин горячо говорил:

— Воевали днем, воевали ночью и в каких только разведках не бывали! Семь дней дрались в обороне. Семь дней! Нам сейчас ничто не в диковинку!

Мы, конечно, соглашались с Маниным и считали, что выдержали самый суровый экзамен на стойкость. Теперь сам черт — нам не брат!

Если бы наш разговор подслушал первый наставник отряда бывалый разведчик майор Добротин, он бы снисходительно улыбнулся и, быть может, намекнул бы нам на присущую молодости беззаботность, беспечность и даже некоторую самонадеянность. Да, мы были молоды и не очень опытные. Мы меньше всего думали о неожиданных и коварных опасностях, которые подстерегают разведчиков в тылу врага.

А между тем самые трудные испытания и самые тяжелые бои были впереди.

В ОТРЯД ПРИБЫЛ ПОВИЧОК

1

С небольшой партией новичков к нам, в отряд морских разведчиков, прибыл Макар Бабилов, старшина первой статьи, бывший писарь из дивизиона береговой обороны, которого я раньше изредка встречал в политотделе.

Бабилова определили в мое отделение.

Старшина отряда Григорий Чекмачев, хорошо знавший Бабилова по учебному отряду Объединенной школы, где они вместе служили, рассказал мне о новичке все, что полезно знать каждому командиру отделения о своем бойце.

Во времена давние на берегах Печоры поселялись бежавшие от царской немилости староверы-раскольники. Они занимались землепашеством, промышляли охотой, ловили рыбу. Суровый и богатый край щедро одаривал трудолюбивых пришельцев, упорно хранивших старобрядческий уклад жизни.

В далеком от железной дороги селе Усть-Цыльма, где родился и вырос Бабилов, лишь в тридцатых годах нашего века началась ломка этого уклада. Новое боролось со старым. Молодежь потянулась к знаниям и, нередко, ослушавшись отцов и дедов, уезжала на учебу в Архан-

гельск, а то и в Москву. Строили свои школы, техникум. Девтора и та противилась сковывавшим ее обычаям. Когда девятилетнего Макарку Бабикова приняли в пионеры, он открыто повязал вокруг шеи красный галстук и так смело посмотрел бабке в глаза, что старая только перекрестилась, заохала да рукой махнула на мальчика.

Отец умер рано, и заботу о маленьких — а в семье Бабиковых их было четверо — разделил с матерью старший Макарка. В зимние вечера Макарка запрягал лошадей и возил почту «на перекладных» за тридцать с лишним километров. Возвращался за полночь. Лошади сами трусили домой, а в санях, закутанный в отцовскую оленью малицу, в потайном кармане которой лежала заработанная пятерка, спал двенадцатилетний ящик.

Утром, с уже приготовленными уроками, Макарка бежал в школу.

Когда наступало лето и Печора разливалась на десятки километров, Макарка снаряжал омулевую лодку, причаливал к облюбованному, густо покрытому зарослями, берегу, мастерил шалаш, хитро маскировал его и, выпуская на воду чучело утки — «маниху», терпеливо ждал зари. Дикая стая, пролетавшая над Печорой, кружилась над «манихой», садилась на воду и, не вспугнутая чужим звуком, приближалась к берегу.

После страдной поры уборки урожая Макарка снова садился за парту.

В четырнадцать лет его приняли в комсомол.

Книги, кружки, вечера молодежи открывали перед ребятами новый мир, полный заманчивых далей. Из тех далей приезжали в Усть-Цыльму демобилизованные, рассказывали о больших городах, в которых жили-служили, о морях-океанах, по которым плавали. Вернулся в родное село и дядя Макарки, командир запаса. Он возглавил сельскую осоавиахимовскую организацию и стал учить ребят стрельбе по мишеням. Неизменным помощником у осоавиахимовского командира был его племянник.

В семнадцать лет Макар окончил десятилетку. Ровесники собирались уезжать в разные институты, а обладатель отличного аттестата Макар Бабилов, чтобы опекать младших в семье и дать им возможность закончить школу, согласился занять должность учителя начальных классов. Сам занимался вечерами, заочно.

Через год Бабикова приняли в кандидаты партии, а еще через год призвали в армию.

Военком Усть-Цыльмы, рекомендовавший молодого учителя в партию, знал, что Макара признали годным к службе на флоте. Но будет ли в Усть-Цыльме комплектоваться команда на флот? Молодежь жила неистребимой мечтой попасть на корабли. Не было одежды, которая так привлекала бы усть-цыльминских ребят, как форменная морская, или хотя бы бескозырка с развевающимися на ветру лентами. И не было больших героев, чем те, что из кинофильма «Мы из Кронштадта».

За день до отъезда из Усть-Цыльмы остриженный под машинку Бабиков сидел в кабинете райвоенкома, и старший политрук, именем и словом своим поручившийся перед партией за Макара Бабикова, уже не как официальное лицо — как старший товарищ с младшим — беседовал с призывником о разных делах и событиях, волновавших в те годы миллионы людей. Шел разговор о Хасане, Халхин-Голе, о грядущей решающей схватке с фашизмом и главным образом о том священном долге перед Родиной, который для каждого гражданина Страны Советов, а для коммуниста в первую очередь превыше всего.

Допризывники ехали к месту службы по Печоре, потом морем до Архангельска, где в порту их ждали командиры из различных родов войск.

К строю, на левом фланге которого стоял Макар, направились морской офицер, и лица будущих моряков посветлели. Назначили еще один строгий медицинский осмотр, а после него мандатная комиссия занялась распределением пополнения в разные учебные подразделения. Пока Макар гадал, кем он будет — комендором, сигнальщиком или рулевым, — его определили в Объединенную школу, в учебную роту будущих писарей, во взвод, которым тогда командовал пынешний наш старшина отряда Григорий Чекмачев.

Началась война, Чекмачева перевели в отряд морских разведчиков, а писарь из дивизиона береговой обороны, старшина первой статьи Макар Бабиков еще целый год хлопотал и писал рапорты о направлении в наш отряд. Наконец, его просьбу удовлетворили.

И вот новичок переступил порог двухэтажного дома, где мы размещались, и увидел тех, с кем ему так хоте-

лось разделить трудную и заманчивую судьбу разведчика.

Как его здесь примут? Как встретят?

2

Низкорослый и худощавый, светловолосый и сероглазый, с умным, иногда каким-то пронизывающим взглядом, Макар Бабилов сразу обратил на себя наше внимание, хотя в разговор не вступал и только пытливо, настороженно присматривался к окружающей обстановке.

Старшина второй статьи Иван Поляков отметил появление Бабилова язвительной шуткой:

— Полундра! Писарь в разведку пришел... Смерть егерям!

Сказал, даже не взглянув на Бабилова, и, презрительно поводя широкими плечами, вышел из кубрика.

Бабилов не смутился. Только метнул острый взгляд в спину уходящему Полякову и медленно обвел нас недоуменным взглядом. Всем стало неловко от выходки Полякова. Но тут нас выручил и рассмешил Павел Барышев.

— А ты на эту балаболку Полякова не обращай внимания, — приветливо обратился он к новичку. — Мы с тобою, правда, ростом не вымахали, так ведь малый топор большое дерево рубит! В писарях служил — эка важность! Вот Семен Агафонов — тот коком был. И что же? Пошел в разведку кок и двух «языков» приволок. Так что ты не обижайся..

— Да я и не обижаюсь...

— Вот и хорошо! — обрадовался Барышев. — А вот был у нас такой Коликов...

Взрыв смеха оборвал словоохотливого рассказчика, и тут Бабилов смутился. Он не знал, что Паша сел на своего «конька» и начнет теперь расписывать, как в майском рейде таскал на спине «чемпиона» Коликова. Приходу Бабилова Павел был рад главным образом потому, что новичок оказался такого же, как и он, роста и, возможно, сменит его на левом фланге. Барышев даже примерился к новичку и крикнул с досады: Бабилов был чуть-чуть выше его.

Кто-кто, а разведчики умели ценить бойца не по внешнему виду. Мы знали, что Иван Лысенко, Алексей Радышевцев и другие сильные и рослые воины спортс-

мены выходили победителями в единоборстве с врагом, что атлет Владимир Лянде без оружия отважился на рукопашную схватку с вооруженным егерем. Но мы знали и многое другое. Бывший кок подводник Семен Агафонов, коренастый, низкорослый, с виду увалень, дрался бесстрашно, с неистощимой энергией и упоением и в то же время с таким мастерским расчетом, что все считали его самым лучшим разведчиком отряда.

А Павел Барышев? А маленький, кудрявый Зиновий Рыжечкин, «наш Рыжик», который ростом был на целую голову ниже иного егеря-альпийца, а ловким ударом сшибал с ног такого егеря и обезоруживал его? А комсорг отряда малоросток Саша Манин, от которого, когда мы бывали в базе, корреспонденты никак не могли вытянуть нескольких слов о тех боевых эпизодах, героем которых он был? Саша буквально преображался в бою, сражался умело и весело, личным примером и шуткой подбадривая товарищей.

Нет, мы не торопились судить о новом разведчике по каким-то внешним признакам или анкетным данным. Пусть писарем, но Макар Бабилов уже служил на флоте, а вот комсомолец Борис Абрамов армейскую службу вовсе не знал, и, вероятно, никто из нас не предполагал, что в паре с Семеном Флоринским Борис скоро станет отличным пулеметчиком. Флоринский сам выбрал Абрамова в напарники, привил ему любовь к оружию, сильно переживал, когда его дружок не получал писем из блокированного Ленинграда, и помогал ему в первых боевых походах.

Глядя на них, я вспоминал, кем был для меня сержант Василий Кашутин, член бюро партийной организации нашего отряда. Его советы — не пазидательные, а товарищеские, его помощь — не показная, а как будто случайная оказали мне большую поддержку. Потом это «шефство» прекратилось незаметно, как незаметно оно и возникло. А дружба осталась и крепла с каждым боем.

Я никогда не забуду, как в одну из особенно холодных ночей мы лежали с Васей в ложбинке на высоте 415. Прижимаясь друг к другу «валетом», чтобы можно было под меховую куртку товарища спрятать коченеющие ноги, в короткий час отдыха после боя, когда внизу, обложив нашу высоту, егеря ждали рассвета для новых атак, мы полупшепотом беседовали о самом сокровенном, самом

интимном, делились тем, что каждый считал своей личной, бережно оберегаемой тайной. Потом, уже благополучно вернувшись в базу, я поразился тому удивительному чувству, иногда ложно принимаемому за человеческую слабость, которое в трудную минуту легко открывает душу товарищу. Об этом не жалеешь, если дружба крепка, бескорыстна и проверена в таком суровом испытании, как бой в тылу врага.

Так учила нас сама жизнь. Она наглядно доказывала великую силу личного примера бывалого разведчика для новичка.

Мы еще ничего не знали о Бабикове, а он уже, оказывается, знаком с боевой историей отряда, с его героями, хранил все вырезки из газет, где писали о наших рейдах, и втайне мечтал стать таким же отважным и умелым следопытом, как Мотовилин, Радышевцев, Кашутин. Если бы злую шутку о грозном писаре, подавшемся в разведку, высказал один из тех, кто был образцом для новичка, то как это несправедливо и жестоко обидело бы Макара Бабикова!

Но этого не было. Было другое.

3

Мы готовились к глубокому рейду в тыл врага.

Избегая стычек с неприятелем, наш отряд должен будет незаметно проникнуть к важным объектам его обороны, разведать их и вернуться в базу. А пока решили провести большой учебный поход, максимально приближенный к боевой обстановке. Для новичков такой поход — первая проверка их сил. Вдали от базы молодые следопыты постепенно освоятся с новыми условиями, ближе познакомятся с бывалыми разведчиками, короче говоря — на людей посмотрят и себя покажут.

Первый привал.

Разведчики, замаскировавшись, сидят небольшими группами, едят, отдыхают. Только собрались в путь, как слышу — Степан Мотовилин кличет Макара Бабикова. Поскольку это касается разведчика из моего отделения, подхожу к Степану.

— Разрешаю, Виктор, поучить уму-разуму новичка, — говорит Мотовилин, — в твоём присутствии...

Степан зря обижать новичка не станет. Пусть учит.

Подбегает Бабиков и не знает, к кому из нас обратиться.

— Уходишь? — тихо спрашивает его Степан.

— Уходим...

— А это что?..

Носком сапога Мотовилин показывает на воткнутый в мох окурок самокрутки.

— Я не курил! — горячо оправдывается Макар, обращаясь ко мне. — И потом вот доказательство — у меня папиросы...

— Неважно! Ты на этом месте укладывал свой рюкзак? А раз собрался в дорогу — осмотришься, не наследил ли сам или кто другой... Ты не курил и я не курил! А почему меня это касается?

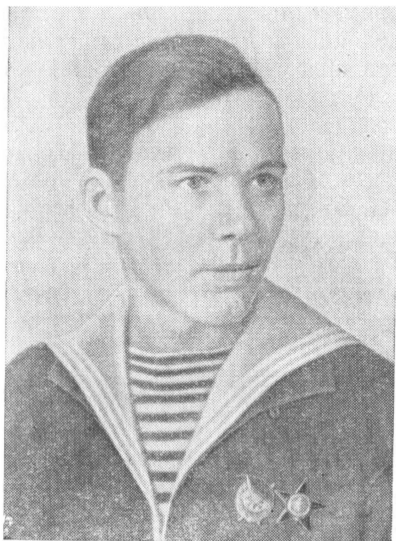
Бабиков молчит.

Мотовилин поднимает окурок, разворачивает его, сдувает табак с ладони, разглаживает обрывок уже пожелтевшей бумаги и хотя ему ясно, что окурок валялся здесь задолго до нашего прихода, укоризненно качает головой.

— Представь, товарищ Бабиков, что мы — в тылу врага, а этот самый окурок оставил кто-либо из нас. Егерь, да еще опытный разведчик, подобрал окурок, — теперь Мотовилин и Бабиков идут рядом, мирно беседуют и, для вящей убедительности своих доводов, Степан переходит на «вы». — Посмотрим, что здесь напечатано? «ТАСС». А вот и число. Егерь уже знает, когда русские проходили, и внимательно осматривает окрестность. Вам это ясно?

— Понимаю...

— Теперь смотрите вперед, — все тем же невозмутимым тоном продолжает Степан. — Видите, как дозор обходит кусты? А почему? Другой, допустим, попрет на-

Степан Мотовилин

прямик и, глядишь, обломает ветку. Егерь-разведчик подойдет к кустам, внимательно осмотрит их и установит: так обломать ветку мог только человек. Смотрит он на еще свежий излом и видит, в какую сторону прошел человек. Началась слежка, облава, преследование. Враг предупрежден, усиливает охрану и прочесывает всю местность. Он может сорвать нашу операцию. А все из-за обломанной веточки... Не притомился, Бабилов? Рюкзачок не тянет?

— Нет, спасибо. Я могу ходить долго и быстро...

— Это хорошо. Ходи быстро — ходи осторожно! — многозначительно заключает Мотовилин и сворачивает в сторону.

Я приказываю Юрию Михееву держаться поближе к Бабилову, чтобы ориентировать его на местности.

— ...А один раз я чуть не напоролся на егерей! — рассказывает Михеев Бабилову уже на следующем привале. — Шли мы к «лощине нервов» — так прозвали ту ложину потому, что егеря ее насквозь просматривали и простреливали. А кругом ложины — сопки. И до того одинаковые, что смотреть на них тошно. Когда бог сотворил полярную землю, то, должно быть, что-то напутал. Везде наворочал скалы, ущелья, глыбы камней, а эти гладенькие сопки смастерил на один манер.

Михеев собирался еще многое сказать о капризах и чудесах природы в Заполярье, но, заметив нетерпение слушателя, которого интересовала сама суть происшествия, оборвал свои мысли:

— Об этом в другой раз... Так вот, посылают в дозор меня и Зиновия Рыжечкина. Знаете его? Мы его Рыжиком зовем. Я впереди, а он, как новичок, следом. Я повертываю вправо, а Рыжечкин догоняет меня, кладет руку на плечо и знаком показывает, что надо свернуть влево. И ведь оказался прав! Приметил, глазастый, когда мы в прошлый раз проскочили через «ложину нервов», что одна сопка близ ложины имеет чуть заметный срез. Значит, у Рыжика глаз наметанный, память крепкая. Мне даже стыдно стало перед молодым разведчиком — чуть егерям в пасть не угодил! Спасибо Рыжику... В нашем деле, товарищ старшина первой статьи, только и знай — смотри да примечай!

После этого похода я был в командировке и не смог участвовать в очередном рейде. Знал, что отряд пойдет нехоженными тропами, избегая встречного боя, и все же беспокоился за Бабикова, как, вероятно, беспокоились и другие командиры отделений и групп за своих новичков.

Рейд завершился успешно. Единственное маленькое «чепе» было как раз с Бабиковым. При падении лопнул его туго набитый рюкзак, и все содержимое — галеты, консервы, патроны — рассыпалось. Запасного рюкзака не оказалось. Пришлось Бабикову завернуть груз в плащ-палатку и с тюком на спине продолжать марш. Он устал, но не отстал и от помощи товарищей отказался. Командир отряда сказал новичку: «Надо внимательнее собираться в поход». А я упрекал себя и заменившего меня в этой рейде Агафонова: нам следовало тщательнее проверить снаряжение Бабикова.

И все же это был только поход, а не та насыщенная боевыми эпизодами и полная различными приключениями разведка, о которой мечтали новички. Пока же молодые разведчики с необычайным интересом слушали рассказы бывалых. Степан Мотовилин поведал им о некоторых дерзких налетах, о подвиге Григория Харабрина, который ворвался в землянку егерей, трех скосил из автомата, четвертого вытащил из-под стола и всю дорогу приговаривал: «Хороший «язычок» мне попался, послушный!»

— Нет, уж таких «языков», каких доставлял Радышевцев, никому пока брать не удавалось! — вступал в разговор Барышев. — Помните историю с братьями баварцами?

Как не помнить! Но Барышев умеет рассказывать обстоятельно, новичкам полезно его послушать, да и сам случай уж очень примечательный.

Это было, примерно, полгода назад. Мы долго шли по обледенелым сопкам, незаметно просачивались в горы и, когда полярная ночь озарялась всполохами северного сияния, недвижно лежали на заснеженных хребтах скал. Потом опять пробирались вперед, пока не увидели белые холмики у подножья той сопки, к которой шли. Это и были покрытые снегом землянки егерей.

Группе Кашутина приказали овладеть укреплением на вершине сопки. Радышевцев, Агафонов и Харабрин по-пластунски подползали к часовому, маячившему у крайней землянки. Но разведчики Кашутина уже завязали бой. Из крайней землянки выскочил офицер в распахнутом мундире с автоматом наперевес и наскочил на Радышевцева. Треск автоматов, лязг стволов и придуренные крики... Началась та ожесточенная схватка, когда внезапность и стремительность нападающих дают перевес небольшому отряду над целым батальоном.

Отход прикрывала группа Кашутина. Впереди Радышевцев вел своего «языка» — немецкого офицера Карла Курта.

А через день, в базе, комиссар читал нам недописанное письмо Карла Курта. Он настойчиво просил родных застраховать имущество от пожара и, невесело пропонируя, сокрушался, что нельзя застраховаться от русских разведчиков. «И еще бы мне застраховаться от этого ужасного холода. Боюсь, мама, что когда-нибудь у меня замерзнут кишки в животе. Когда Ганс кончит военное училище, пусть не вздумает проситься на Север, в Лапландскую армию. Покажи ему это письмо...»

Младшему Курту не довелось читать это письмо. Младший Курт выхлопотал себе назначение в Лапландскую армию. И мы благодаря тому же Радышевцеву убедились в этом три месяца спустя.

...Дул лобовой шквалистый ветер. Бот зарывался носом в волну и долго шел к берегу. Переход к тому же опорному пункту неприятеля был более тяжелым, чем в первый раз. Бушевавшая накануне мартовская поземка оголила лёд на сопках — лыжами нельзя было пользоваться.

Противник ночью усилил охранение, и еще до подхода к землянкам нам пришлось выдержать бой. У нас появились раненые. Все же мы подожгли склад, захватили несколько землянок. Егеря засели в главном блиндаже, который они соорудили в стене отвесной скалы. Подступиться к блиндажу трудно. Пробовали атаковать в лоб — опять понесли потери. Тогда Радышевцев и Шерстобитов обошли скалу и стали в нее врубаться ступеньками. Оказавшись наверху, они спрыгнули на крышу блиндажа. Только одному егерю после взрыва

гранат удалось выскочить из блиндажа. Он кинулся бежать.

— Врешь, не уйдешь! — крикнул Радышевцев и погнался за «языком».

Налегке одетый егерь уходил все дальше, и главстаршина понял, что медлить нельзя. Он вскинул винтовку и выстрелил. Егерь тотчас же пропал из виду, а Радышевцев стал осторожно пробираться вперед.

Труп егеря лежал меж камней. Расстегнув офицерский китель с лейтенантскими погонами, Радышевцев извлек из внутреннего кармана документы убитого и поспешил к своим.

Вот одна запись из книжки-дневника Ганса Курта:

«Прибыло извещение, что Карл пропал без вести. Как это понять? Я твердо решил проситься на Север, в часть Карла, чтобы заменить его. Так повелевает мой долг и мой фюрер!»

— Ну и дурак! И зачем только он побежал? — сокрушался Радышевцев. — В плену встретил бы своего Карла, а в моем счете прибавился бы еще один «язык». А то — долг, фюрер!

* * *

...Павел Барышев рассказывает о Радышевцеве. Радышевцев вспоминает, как на Пикшуеве майор Добротин разговаривал по телефону с комендантом немецкого гарнизона в Титовке. Рассказывают и многое другое. А новички слушают нас, и им кажется, что самое интересное, самое героическое уже совершилось без них.

— Когда пойдем в настоящую разведку? — спросил меня как-то Бабилов.

— Об этом не спрашивают. Но пойдем, обязательно пойдем!

Кто мог тогда знать, что следующий рейд будет самым тяжелым, что авангардную группу отряда через несколько дней будут считать погибшей, что только восемь разведчиков из этой группы вернутся в свою базу, и среди них — недавний новичок, маленький старшина первой статьи Макар Бабилов с большим и отважным сердцем настоящего разведчика.

В ДВОЙНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мы находимся в новой базе.

В ясные дни хорошо виден противоположный берег Мотовского залива с двумя нацеленными на нас выступами — мысами. Один мыс — Пикшуев — хорошо знаком разведчикам. Он исхожен вдоль и поперек. Сейчас нас интересует другой мыс, за которым начинается широкое устье реки Титовка. Появится ли днем в заливе наш катер или над полуостровом Рыбачий взлетит самолет — наблюдатели со второго мыса сразу засекают их, а вражеские батареи открывают огонь.

— Вредный мыс! — сказал кто-то из разведчиков, имея в виду опорный пункт егерей, оборудованный у самого моря. — И название этому мысу дали невеселое: Могильный.

В тяжелый и сложный рейс на мыс Могильный нас поведет новый командир. Недавно капитан Инзарцев попрощался с разведчиками и уехал на учебу.

Только после отъезда Инзарцева мы по-настоящему поняли, как его не хватает, как он сейчас нужен; дорог и незаменим. Инзарцев знал силу и слабость каждого разведчика, трезво оценивал способности каждой группы и всего отряда. Наше доверие к командиру было безгранично и безгранична была любовь к нему — та с виду сдержанная, солдатская любовь, которую порождает скрепленное в боях воинское братство. Но, забегаая вперед, скажу лишь, что бой на Могильном складывался бы иначе, если бы отрядом командовал Николай Аркадьевич Инзарцев.

Уже пришла осень, и день заметно убавился. Новый командир старший лейтенант Фролов доложил начальству о готовности к походу. Наступление осени нас не печалило. В предстоящем рейде долгая осенняя ночь — надежная союзница. Она позволит отряду — разведчикам и подразделению морских пехотинцев — высадиться западнее мыса Пикшуев, совершить марш и до рассвета сосредоточиться для атаки в тылу гарнизона мыса Могильный.

В этом и состоял первый этап предстоящей операции.

Инзарцев часто напоминал нам, что первый этап не менее важен, чем второй, то есть самый бой, и во многом предопределяет успех каждого рейда.

Моя группа высадилась близ мыса Пикшуев. Море — справа от нас. Уступами влево идут группы Кашутина и младшего лейтенанта Шелавина.

Проводником к мысу выделили Агафонова. Я тороплю Семена:

— Шире шаг! До рассвета не так уж много осталось.

А по цепи передают, чтобы мы замедлили движение, а потом и вовсе остановились.

Даже молодой разведчик Бабилов понимает, что это грозит нам неприятностями: мы можем лишиться основного преимущества — внезапности ночной атаки. Бегу назад узнать, в чем дело.

— Растянулись! — с плохо скрытой досадой говорит командир отряда. — Пехотинцам за вами не угнаться.

— Но время?..

— Успеем!

Хорошо, когда такая уверенность зиждется на точном расчете. Время неумолимо ведет свой счет, и нам кажется, что командир нас попросту успокаивает. Все понимают, что морским пехотинцам придется вести бой и надо дать им отдохнуть, собраться с силами. Но постепенно и командира охватывает беспокойство:

— Как бы не получилось, как у той незадачливой сойки: хвост вытянула, а коготок увяз...

Получив, наконец, сведения о местоположении пехотинцев, командир разрешает трем авангардным группам разведчиков — моей, Кашутина и Шелавина — совершить бросок к опорному пункту на Могильном, завязать там бой и тем самым облегчить подход пехотинцев к мысу. Но скоро мы убедились, что эта последняя возможность для внезапной атаки уже упущена.

Забрезжил рассвет, когда мы приблизились к ровной ложине, за которой начинался крутой подъем к двум опорным пунктам на вершинах седловидного мыса. Егеря заметили колонну морских пехотинцев и открыли по ней огонь из батарей Могильного. Тотчас же заговорили огневые точки на подступах к Титовке. Это означало, что немецкий гарнизон за Титовкой уже знает о десанте и к Могильному бросят подкрепления.

«Что делать? Какое решение примет командир?» Эти мысли волновали разведчиков передовых групп. Дорогой ценой мы расплачивались за прежнюю медлительность и теперь уже не могли лежать, прижимаясь к холодным

камням, и ждать приказаний. Враги ведут огонь, наши несут потери, и священный долг взаимной выручки подсказал нам единственно правильное решение: неприятель превосходит нас числом, вооружением, он обороняется на крутых высотах — тем стремительней надо его атаковать, тем неудержимей должен быть наш порыв.

— Вперед! За Родину!

Точно вихрем подхваченные, мчались мы через лошину и с ходу стали взбираться на первую возвышенность.

Позади рвутся мины, впереди — гранаты. В неуемном грохоте мы не слышим ни свиста пуль, ни крика раненых. Уже два, от силы — три десятка метров остаются до первого немецкого дота.

Граната взрывается под ногами младшего лейтенанта Шелавина. Он падает, катится вниз и, поравнявшись с нами, кричит:

— Вперед, моряки! Вперед!

Меня обгоняет Зиновий Рыжечкин. Рядом с ним бежит такой же маленький, быстрый, ловкий... Да ведь это наш повичок!

— Впер-ед! — слышим мы восторженный клич Макара Бабикова.

Егерей ошеломила наша атака. Они отступили на конец мыса, ко второму опорному пункту.

Разгоряченные боем и упоенные первой победой, мы закрепились на возвышенности, осмотрелись и тут только поняли, в каком положении оказались. Воодушевленные первым порывом, мы не оглядывались назад и не заметили, как на подходе к лошине наша колонна была прижата к земле массированным огнем неприятеля, как потом ее атаковали свежие силы, прибывшие из Титовки, и стали теснить морских пехотинцев к берегу, к месту высадки.

Позднее мы узнали, что командир пехотного подразделения за преступную халатность и медлительность был отдан под суд военного трибунала, а командир отряда безуспешно пытался установить с нами связь. Он повел к мысу две группы разведчиков, но был ранен и эвакуирован с поля боя. Ранило также комиссара отряда Дубровского, секретаря партбюро старшину Тарашнина и многих других. Разведчики из группы Мотовилина яростно пробивались к нам. Попад в окружение, они прорвали

кольцо и ушли к морю. Прикрывая их отход, два неразлучных друга, пулеметчики Семен Флоринский и Борис Абрамов, стреляли до последнего патрона и с пением «Интернационала», с гранатами в руках ринулись на врага.

Скошенные пулеметной очередью два моряка пали разом, лицом к мысу.

И еще я тогда не знал, что погиб Кашутин, что Шелавин с раздробленными ступнями, до крови искусав губы и руки, чтобы не выдать себя криком, прячется от спящих вокруг егерей, ползет и ползет на вершину Могильного. И даже находившиеся рядом Баринов и Шерстобитов никому не сказали, что они ранены.

Одно было совершенно ясно: мы отрезаны от основных сил, окружены егерями на их же опорном пункте.

Прежде чем действовать, надо привести группу в боевой порядок.

Я подсчитал силы. На маленьком клочке каменистой земли, на «пяточке» мыса Могильный, было пятнадцать разведчиков.

2

С трех сторон мыс Могильный омывает море.

Егеря впереди и позади нас. Они пристрелялись к нашему «пяточку», и если бы не укрытия из камней, осколки вражеских мин и снарядов вывели бы из строя всю группу.

— Товарищ старшина! Разрешите? Товарищ старшина!..

Кто-то тянет меня за рукав. Оборачиваюсь — Макар Бабинов! Тревожно поблескивают серые сузившиеся глаза. Мокрая прядь волос выбилась из-под шерстяного подшлемника, а на бледном лице выступили капельки пота.

Макар смотрит на склон горы.

— Вон там, я видел, как за теми камнями он упал. Может, ранен?

— Кто? О ком ты?

— Кашутин...

— Вася Кашутин!

Я готов сорваться с места и бежать вперед, но Макар не выпускает рукав моей гимнастерки, прижимает к земле.

Мы встречаемся взглядами, и я вижу в глазах новичка решимость и мольбу.

— Я — маленький, я подползу незаметно...

На открытом, почти голом склоне трудно маскироваться. Нельзя рисковать жизнью почти необстрелянного в боях моряка.

— Не горячись, — говорю Макару, успокаивая заодно и себя. — Ты не горячись! В атаке зачем-то вперед вырвался... Хочешь показать, что тебе море по колено?

— Это я со страху рванул... Боялся от вас отстать.

Мне нравится чистосердечное признание Бабикова, если только он не хитрит.

— А теперь вдруг не страшно стало?

Бабилов промолчал и вдруг, еще не получив разрешения, выюном мелькнул среди камней и исчез.

Мы уже отбили третью атаку, когда неожиданно наступила тишина. Егеря что-то замыслили. Я приказал усилить наблюдение и беречь боеприпасы.

Макар не возвращался, а внизу изредка постреливали. Должно быть, егеря все-таки обнаружили Макара.

— Воздух!

С истошным воем пронеслись над нами три «мессера». Взмыв к зениту, они стали пикировать на наш «пяточок» и сбросили бомбы. Снова ударила вражеская батарея, и егеря пошли в атаку вслед за огненным валом. Они приблизились настолько, что мы слышали их гортанные крики:

— Русс! Сдафайс! Русс капут!

«Пяточок» безмолвствовал. Разведчики ждали, когда егеря подойдут на дистанцию броска гранаты.

Кто-то в стороне от егерей резко свистнул, и оттуда раздался крик Бабикова:

— Ату, ату их!

Макар метнул гранату. Она разорвалась в цепи атакующих, и мы пустились следом за ней еще несколько «лимонок».

Егеря с истошным воем откатились.

— Вовремя поспел! — услышал я рядом знакомый голос.

Бабилов подполз незаметно. Он был по-прежнему бледен и чем-то очень взволнован. Еще более сузившиеся глаза виновато смотрели в сторону.

— Хорошо, что вернулся, — строго сказал я Баби-

кову. — К Кашутину трудно подползти, зачем зря рисковать? Сейчас каждый моряк — взвод.

И тут Бабилов вытащил из голенища кортик с костяной ручкой. Это был тот самый кортик в черном чехле, на котором я вырезал ножиком инициалы: «В. Л. — В. К.», «Виктор Леонов — Василию Кашутину». В походах и на маршах Вася никогда не расставался с моим подарком.

— Убит Кашутин, — тихо сказал Бабилов. — Я подполз, хотел взвалить его на себя, а егеря меня заметили, открыли огонь.

Отлежался в ложбинке за его спиной. Так он, мертвый, меня спасал... Потом началась атака, и я кинулся к вам.

— Спасибо, Макар! Кликни Уленкова...

Любимец отряда, гармонист и затейник, Евгений Уленков находился вместе с Зиновием Рыжечкиным на левом фланге «пяточка», чтобы держать под обстрелом лошину, по которой могли просочиться егеря. Даже здесь, на Могильном, Уленкову не изменил его веселый нрав. Явившись по вызову, он присел на корточки, козырнул и бойко доложил, перефразировав слова песни:

— Врагу не сдастся наш гордый десант!

— Не сдастся, Уленков, веселая матросская душа! И Шелавин, даже раненный, не сдастся. Где он? Надо его разыскать.

Уленков ушел, а через две-три минуты егеря, лучше нас знавшие, в каком мы положении, опять пошли в атаку. Они решили покончить с нами до наступления ночи. А мы твердо знали, что надо держаться до темноты и при этом бережно расходовать каждый патрон, каждую гранату.

Василий Кашутин

Самая широкая часть мыса Могильного не превышает ста метров. Егеря точно определили расположение наших бойцов, и когда, после ухода Уленкова, огонь на левом фланге ослабел, они воспользовались этим и стали просачиваться в лощину.

Мины теперь рвались только на левом фланге, откуда Рыжечкин продолжал стрелять. Друг Рыжечкина, Юрий Михеев, уверял меня, что эти короткие очереди из автомата неуверенные. Будто стреляет не Рыжечкин, а кто-то другой.

— Может, у Рыжечкина автомат заедает? Он там один...

Курносенко и Барышев побежали на помощь Рыжечкину.

Когда и эта атака была отбита, Курносенко остался на левом фланге, а Барышев принес на руках смертельно раненного Рыжечкина. Осколки мины изуродовали лицо Зиновия. Еще раньше он был ранен в плечо, потом в голову. Положив автомат на камень, Рыжечкин стрелял одной рукой, несколько раз терял сознание. Короткие очереди, которые мы недавно слышали, вел уже еле живой моряк.

Юрий Михеев расстегнул Рыжечкину куртку и зло стукнул по своей уже пустой фляге: воды ни у кого не было. Зиновий открыл глаза, узнал Михеева и как-то обычно, с потрясшей всех нас простотой, сказал:

— Нет воды... А мне бы, Юра, напиться и... умыться надо перед смертью.

— Что ты! Рыжик! — замахал на него руками Михеев. — Не говори так! — голос его сорвался.

— Все, братцы! Живите, воюйте до самой победы. А мне водички бы...

— Сейчас, сейчас, Рыжик!

Юрий побежал к отвесной скале, где из-под камня чуть-чуть пробивалась вода. Скала была на виду у противника. Прячась за камень, Юрий протянул руку с пустой консервной банкой, в которую стала стекать тонкая струйка воды. Раздался одиночный выстрел немецкого снайпера. Выронив банку, Юрий схватился за руку. Но не отполз. Он опять протянул руку, теперь уже правую, и прислонил банку к скале.

Когда он вернулся с водой, Рыжечкин был мертв. Михеев обмыл его, и мы понесли нашего Рыжика к глубо-

кой расщелине скалы: там и похоронили, заложив вход большими камнями.

Кто-то позади нас застонал, и мы увидели Уленкова, тащившего на спине раненого Шелавина.

Пока разведчики делали Шелавину перевязку, Уленков шепнул мне:

— У егерей в ложине два пулемета. Обложены кругом. Два кольца...

— Об этом, Уленков, знают только двое: ты да я. А теперь попытайся пробраться к берегу. Одному легче проскочить через ложину. Если доберешься до базы,— расскажешь о нас. Ясна задача? Иди...

Небо прорезала красная ракета. По нашему «пятачку» снова ударила вражеская артиллерия. Разведчики отнесли Шелавина в укрытие и заняли свои места. На этот раз налет был особенно длительным. Большие камни с треском лопались и рассыпались. Рядом с Бабиковым разорвались четыре мины, и маленького разведчика окутало дымом.

— Жив? — крикнул ему Агафонов.

— Вроде жив, — чертыхаясь, ответил Бабиков.

— Вот брат! Хотя мы и не далеко от базы, а попали в такое пекло, куда и ты, Макар, телят не гонял...

3

Меня позвал Шелавин.

— Слушай, старшина! — превозмогая боль, младший лейтенант старался говорить спокойно, даже властно. — Вас тут с ранеными — одиннадцать. Я — не в счет... Так вот, если проскочить через ту ложину, которую мы утром пересекли? А?.. Ты меня понял?

Я молчал.

— Начнете спускаться — егеря кинутся за вами. А я здесь останусь и прикрою отход. Все равно уж...

Тут я не стерпел:

— Младший лейтенант Шелавин, обидно, что вы так могли подумать о разведчиках. Я им, конечно, ничего не скажу. Но группой я команду и...

— Прости, Виктор, — дрогнувшим голосом перебил меня Шелавин. — Надо же искать выход!

— А это уже не выход. В ложине егеря установили два пулемета. Нет, нам только до ночи бы продержаться...

По окончности мыса, по второму опорному пункту егерей, ударила наша береговая артиллерия. Эх, перенести бы огонь с батарей Рыбачьего через наши головы к перешейку мыса! Но как без радиостанции корректировать стрельбу батарей? Ракетами? И мы, и егеря пускали их множество. Артиллеристам с Рыбачьего трудно определить, кому какой сигнал принадлежит. А разрывы снарядов приближаются, вот они уже накрывают наш «пяточок»...

Кто-то, прячась за камень, кричит:

— Братцы, по своим лупите!

Артналет, к счастью, прекратился, но вскоре огонь открыли немецкие батареи.

— Егеря с тыла лезут! — доложил Бабинов, наблюдавший за перешейком.

Я обернулся и увидел «психическую» атаку взвода пьяных егерей, прибывших из Титовки. Они протрезвели не скоро. Когда, наконец, атаки прекратились, наши боеприпасы были на исходе.

Полдень миновал.

Мы сидели за скалой и ждали, когда начнет темнеть. Ночью будет легче. Нас немного, но если мы прорвемся вниз, то в хаотическом нагромождении камней трудно будет обнаружить нас. Ночью легче просочиться в ущелье, скрыться от преследователей, вынести к берегу тяжело раненного Шелавина. Десантники это понимают и бодрости не теряют. Агафонов даже пытается шутить. Только самый молодой среди нас, Николай Жданов, стройный красивый матрос, который до этого держался молодцом, вдруг загрустил и поник головой.

— Эй, моряк, красивый сам собою! Не дрейфы! — хлопнул его по плечу Семен Агафонов.

Жданов вздрогнул, потом в сердцах сказал:

— Все! Песенка спета... Нам отсюда не выбраться...

— Дура, чего мелешь! — набросился на него Агафонов.

Жданов вспыхнул, побледнел, резко ответил:

— Николай Жданов живым врагу в руки не дастся! Понял?

И отошел в сторону.

Никто из нас тогда не понял истинного смысла этих слов.

Солнце уже наполовину скрылось за горой. Исчезли длинные, причудливые тени от скал, сгущались сумерки. Мы начали готовиться к прорыву.

Я отобрал пять разведчиков, которые должны пробить брешь в обороне егерей, трех — чтобы прикрыть отход, а двум легкораненым приказал положить на плащ-палатку Шелавина.

В это время ко мне подбежал Алексей Каштанов и шепнул:

— Егеря рядом.

— Откуда ты взял?

— Я был у Курносенко на левом фланге. Мы слышали, как их офицер кричал: «Кто повернет назад — расстреляю! Русских надо уничтожить до ночи!»

Каштанов знал немецкий язык. То, что произошло вслед за этим, подтвердило его сведения.

С неистовыми криками «аля-ля!», цепляясь за камни, егеря упорно лезли вверх. Теперь наш редкий огонь не мог их остановить.

— Кончились патроны! — крикнул Бабилов.

— Кончились! — тревожно отозвался Барышев, отползая назад.

Егеря втаскивали пулемет на гребень «пяточка». Шелавин поднялся на колени и дрожащей рукой поднял пистолет.

Наступил критический момент боя.

— Всем ко мне! — скомандовал я.

И тут мы услышали надрывный крик Николая Жданова:

— Братцы, конец!

Не успели мы опомниться, как он выдернул чеку из гранаты, прижал ее к груди и лег лицом к земле.

— Прощайте, товарищи!..

Это уже матрос Киселев, подбежавший к труп Жданова, рванул кольцо зажатой в кулак «лимонки» и медленно стал опускаться на колени.

— Встать, Киселев!

Я вскинул автомат.

Злоба, боль и стыд за товарища захватывают дыхание. Я с трудом выпаливаю каждое слово:

— Трус! Застрелю! Бросай гранату!

Киселев метнул «лимонку» в сторону егерей, и всем сразу стало легче.

Дальше медлить нельзя. Люди ждут команды.

— Агафонов — уничтожим пулеметы! Курносенко, Бабилов — прикрыть отход. Остальным — к Шелавину.

В моем диске остались последние патроны. Есть еще возможность вклиниться в расположение противника для рукопашной схватки, есть еще надежда прорваться! Поднимаюсь во весь рост, вижу две головы немецких пулеметчиков и нажимаю спусковой крючок. Пулеметчики нырнули за камень, и Семен Агафонов тотчас же метнул туда гранату, ринувшись следом за нею.

— Сюда, старшина!

Это кричал Агафонов, поворачивая захваченный, но, к сожалению, поврежденный пулемет.

Я подбежал к нему.

Бабилов, Михеев и Каштанов прокладывали себе дорогу гранатами. За ними Баринев и Барышев несли на плащ-палатке раненого младшего лейтенанта.

Мы прорвали внутреннее кольцо окружения.

Мыс остался позади. Но было еще одно, внешнее кольцо. Наш путь лежал через простреливаемую егерями ложину. Легко ранило Агафопова, Барышева, Каштанова.

Выход к ложине преграждал неумолчно строчивший из блиндажа пулемет. Егеря пускали ракеты. Пришлось остановиться.

И тут вперед выступил Юрий Михеев.

— Товарищ старшина, прикажите приготовить мне связку гранат. Я в левую руку ранен. А правая...

Он поднимает сжатую в кулак правую руку, ждет, что я отвечу. А я думаю, что для такой связки каждый должен будет отдать свою последнюю гранату.

— Я справлю тризну по Рыжику! — Михеев говорит, уверенный, что ему не откажут. — Уж я не промахнусь!

Другого выхода нет. Лучший гранатометчик первым заявил о своем праве пойти на уничтожение вражеского блиндажа, о праве лучшего друга Рыжика отомстить за его смерть.

И Юрий Михеев пополз со связкой гранат.

Распластавшись на камнях, метр за метром приближался он к блиндажу. Вспыхнет в небе ракета — Михеев замирает, гаснет свет — он опять ползет. И все же егеря его заметили, открыли огонь. По тому, как Юрий дернулся, мы поняли, что он ранен. А если его убьют?

Если вражеская пуля угодит в нашу последнюю связку гранат?..

Слышен хлопок ракетницы, и синий мерцающий свет озаряет лощину и прикипшую к валуну фигуру разведчика. И вдруг Юрий вскакивает. Волоча ногу, он бежит вперед, потом припадает на правое колено, замахивается и сильно кидает связку гранат. Она еще в воздухе, а гранатометчик уже свалился на бок, сраженный пулеметной очередью...

Взрыв блиндажа отозвался в горах многократным эхом.

Так салютовал нам, живым, последний из погибших на Могильном разведчик.

Мы пересекли лощину и ушли в сторону моря.

Нас было восемь: двое здоровых и шестеро раненых.

4

Над мысом Могильным воцарилась зловещая тишина. Мы уходим от него все дальше, но егеря все же нас преследуют — уже слышны их истошные крики и ругань. Тогда мы проникли в ущелье. Егеря не решаются следовать за нами. Огибая ущелье, они побегут сейчас к морю, потом будут всю ночь прочесывать берег. Они знают, что мы обессилены, безоружны и не сможем оторваться от них далеко.

Я иду первым. Позади, на плечах Бабикова, тихо стоит Шелавин. Макару тяжело, и я замедляю шаг. Шелавин уже не просит, чтобы его оставили одного. Баринов, Каштанов, Курносенко и Барышев идут вплотную за Бабиковым, готовые смеяться над ним, когда он выбьется из сил. Только Семен Агафонов — его легко ранило в левую руку — отстал от нас. Он замыкает группу. Обнаженный кинжал Семен заткнул за пояс, в правой руке держит на взводе пистолет, в обойме которого есть еще три патрона — весь наш боезапас.

Вокруг рыщут егеря. Просвет неба над нами то и дело озаряется вспышками их ракет.

Начался снегопад. Это хорошо: запорошенные снегом тундра и скалы скроют наши следы. Надо торопиться к берегу.

Мы вышли из ущелья, спустились с кручи и забрались в прибрежный кустарник.

Полночь. Снег покрыл белой шапкой кусты, в которых притаились два клубка живых тел. Мы лежим недвижно, согревая друг друга. Только теперь мы почувствовали, чего стоило нам напряжение минувших боев. Стынем, но никто не решается шелохнуться, чтобы не выдать себя. Так проходит час, другой... Ох, как долги осенние полярные ночи!

— Что ж теперь делать? Что делать?..

Это шепчет Павел Барышев, шепчет, зная, что никто ему не ответит. И так все ясно: надо ждать катера.

К утру сильно похолодало, и Барышева свела судорога. Он недвижно лежал со скрюченными руками и ногами и, совсем не шутя, сравнивал себя с горбуном из «Собора Парижской богоматери». Бабилов стал его разминать и растирать. Барышеву очень больно, он до крови кусал губы.

— Ты плачь, а не кричи, — уговаривал его Макар. — Только не кричи. Егеря рядом...

Павлу стало немного легче. Он уже может поднять руку, чтобы смахнуть слезу.

— Чуть было калекой не стал, — оправдывается он.

Несколько раз цепочка егерей проходила мимо нашего куста, и мы замирали, стиснув рукоятки ножей, готовые к прыжку для смертельной схватки.

Если меня и Бабилова мучают жажда и голод, то как же раненым! Нас поддерживает надежда, о которой я не перестаю напоминать:

— Ночь долгая. Катера еще придут. А если не придут, мы с Бабиловым притащим бревна. Я видел недалеко отсюда три бревна, — сочиняю я и почему-то сам верю, что можно поблизости найти эти бревна. — Свяжем плотик и поплывем к нашему берегу.

Наконец, занимается рассвет.

Кто-то в забытьи бредит. Должно быть, и Каштанов говорит сейчас в бреду:

— Катер... В заливе катер... Катер идет...

Но это не бред. Не только Каштанов и я — все сейчас различают в белесом тумане контуры «морского охотника».

Я сигналию ручным фонариком. Катер все ближе подходит к нам.

— Что ж он! — закричал Барышев, теряя самообладание и забыв о егерях.

Мы цепенеем от ужаса: катер неожиданно развертывается и уходит в море.

— На катере решили, что сигналият егеря. А нас считают погибшими, — сокрушается Каштанов.

— Откуда егерям знать наши сигналы? — возражает Барышев.

— А ты их спроси! — сердится Каштанов, провожая недобрый взглядом уходящий катер. — Теперь-то уж не снимут.

И только Макар Бабилов бодро сказал:

— Снимут! Считайте, что скоро будем в базе. Как дважды два! Они за вторым катером пошли. К вечеру будут здесь.

Вспыхнула совсем было погасшая надежда на спасение, и я безгранично благодарен Макару.

Как потом выяснилось, на берегу, недалеко от нас, прятались еще два разведчика — мичман Никандров и матрос Панов. Отрезанные от основной группы, они и к нам, на мыс, не смогли пробиться. Ночью, так же как и мы, Никандров и Панов вышли к заливу, замаскировались в кустах и ждали катера. У Никандрова не было фонарика. Заметив катер, он высыпал порох из нескольких патронов и поджег его. Наши сигналы были приняты и поняты. Но что означали эти необычные вспышки? Опасаясь ловушки, командир катера решил проявить вполне понятную в таких случаях осторожность и ушел в базу за вторым катером.

...Совсем стемнело, когда в залив вошли два катера. Один пустил дымовую завесу, а другой — им командовал наш старый знакомый Борис Лях, ныне Герой Советского Союза, — развернулся и стал подходить к берегу.

Чтобы рассеять у экипажа катера всякие сомнения, я стал фонариком освещать фигуры моих товарищей.

На борту катера не стали ждать, когда подадут сходню. Кто-то прыгнул в воду, и мы услышали знакомый бас комиссара Дубровского.

— Братцы! Агафонов! Барышев! Леонов!.. А это кто? А, новичок...

Катерники сами по пояс в воде несли нас на руках и передавали на руки своим товарищам. В ту минуту я запомнил лицо Павла Барышева — закопченное, с потечками грязи, которую он еще более размазывал, вытирая слезы.

— Свои... Это же свои! — всхлипывал Павел.

Катера шли в базу.

Согретые доброй порцией спирта, мы спали мертвецким сном. Мне снился Юрий Михеев. Он высоко держал над непокрытой курчавой головой большую связку гранат и пел переложенную на новый лад Уленковым песню о гордом десанте, который врагу не сдастся и пощады не желает.

5

Комиссар Дубровский (песмотря на ранение он остался в строю) со свойственной ему обстоятельностью разбирал итоги минувшего боя. После разбора я подошел к Дубровскому и сказал, что разведчики осуждают поступок Ждапова, хотя понимают, чем был вызван этот акт самоубийства.

— А с Киселевым нехорошо получилось, — признался я. — Киселев потом отчаянно дрался, погиб в рукопашной схватке. А я его обозвал трусом. Сгоряча, конечно! Но, поверьте, тогда я иначе не мог. А теперь как-то совестно...

Я хочу, чтобы Дубровский знал, насколько необходимо было в тот опасный момент пресечь всякую возможность паники. Но, видимо, меня до сих пор волнуют пережитые, еще до конца не осмысленные события на Могильном. Мне попросту трудно объяснить и мотивировать свой поступок. Я совсем не хочу, чтобы комиссар подумал, будто я оправдываюсь. Если в чем виноват, пусть объяснит. Пусть взыщет! Так или иначе, но это будет конец сомнениям, которые меня одолевают.

Василий Михайлович Дубровский понимает мое состояние.

— Между прочим, — сказал он, — когда у контр-адмирала зашла речь о бое на Могильном, он напомнил всем нам, офицерам, о чувстве ответственности командира за своих подчиненных. Контр-адмирал не назвал твоей фамилии, но, поверь, Виктор, — впервые комиссар обратился ко мне по имени, — он и тебя имел в виду. В положительном смысле... В конечном счете, — тут Василий Михайлович подсел поближе и заговорил со мною доверительным тоном, — что, в конечном счете, главное в боевой жизни офицера? А то, что он отвечает

головой за судьбу вверенных ему людей. Это очень почетное доверие, очень большая ответственность. Тебе, Виктор, это сейчас особенно важно запомнить. Почему? Скоро узнаешь... Так вот, на войне не без жертв. Не тот офицер хорош, который думает лишь о том, как бы сберечь жизнь солдата, матроса. Нашему воину опекун не нужен. Но пустая, бесцельная смерть солдата всегда останется на совести командира.

Я насторожился. Комиссар пристально смотрел на меня, точно хотел убедиться, что я его понимаю, потом продолжал:

— Вот Макар Бабилов. Молодой разведчик, новичок. А каков!.. Нет, ты мне скажи, зачем Бабилов полез к Кашутину? Полез добровольно, рискуя жизнью? Отличиться захотел? Парень он неглупый, понимает, что так не отличаются. Макар знал о твоей дружбе с главстаршиной и боялся, как бы ты сгоряча не кинулся к Кашутину. Разведчик Бабилов оберегал твою жизнь. Коммунист Бабилов не мог допустить, чтобы там, на Могильном, командир вышел из строя. И он переборол страх, сам пополз к Кашутину. Это — святое чувство! А Жданов, потом Киселев боялись другого. В ту страшную минуту они испугались за себя. Только за себя! Как бы им не попасть в лапы егерей. А ты — командир! Ты в ответе за всех, за весь бой. Пока солдат живет — он сражается. А раз сражается, то может, должен победить! С этой меркой мы, командиры, да и все разведчики оценили твой поступок.

Так говорил Дубровский, беседуя со мной после разбора боя на мысе Могильном.

В тот же день вечером разведчики собрались в столовой, где за покрытым красным сукном столом сидели старшие офицеры флота. Прозвучала команда: «Встать, смирно!» — и в торжественном молчании слушали мы приказ о посмертном награждении наших товарищей-разведчиков.

Потом стали вызывать к столу присутствующих.

— Старшина второй статьи Агафонов Семен Михайлович!

— Старшина первой статьи Бабилов Макар Андреевич!

Макар подходит к члену Военного совета, получает из его рук орден, хочет что-то сказать, но, должно быть, ра-

дось в груди так клокочет, что, смущенный и счастливый, Макар молчит. А мне почему-то приходит на память мой первый бой. На долю Бабикова выпало куда более серьезное испытание.

— Старшина второй статьи Барышев Павел Сергеевич!

Может быть, Барышев скажет речь? Он за словом в карман не полезет. Барышев долго держит в руках орден Красного Знамени, чего-то ждет, потом решительно повертывается к контр-адмиралу и произносит:

— Служу Советскому Союзу.

Ордена получают Баринов, Каштанов, Курносенко. Меня вызывают последним. Дубровский провожает меня к столу многозначительным взглядом. Да и сам контр-адмирал, пожимая руку, тихо говорит:

— Скажи, Леонов, это сейчас нужно...

Смотрю на своих друзей-разведчиков, вижу среди них тех, с кем разделил горе и радость недавно минувших дней. Что им сказать?

— Мы выиграли тяжелый бой. Мы разгромили опорный пункт на Могильном и истребили много врагов. Нас сейчас поздравляют, как именинников. Но там, на Могильном, мы оставили своих товарищей. И были среди них храбрейшие в отряде.

Я называю Флоринского и Абрамова. Я хочу рассказать о Кашутине, моем лучшем друге, и о подвиге Михеева, и о Рыжечкине...

— Ведь вот как, товарищи, получается! Был среди нас разведчик по прозвищу Рыжик, маленький, с виду незаметный... И кто бы мог подумать, что окажется он таким стойким в неравной схватке с егерями? А Рыжечкин один прикрывал наш фланг и дрался, пока сердце билось. Пока руки сжимали автомат! Трусами многих своих егерей расплатился Гитлер за смерть Рыжечкина, за нашего маленького Рыжика... Мы похоронили его там, на Могильном, и продолжали сражаться.

Теперь можно рассказать о Михееве, а мне вдруг стало трудно, почти невозможно говорить. Но нельзя же на этом оборвать свое выступление! Я стараюсь думать о другом, а перед мысленным взором предстал Рыжечкин таким, каким мы увидели его в последнюю минуту его жизни. Он был очень спокоен, когда завещал нам сражаться до самой победы. Он, может, и просил умыться

перед смертью только для того, чтобы мы поняли: там, на Могильном, ничего страшного в его гибели нет. «Вот я, старший матрос разведчик Рыжечкин, свое дело сделал, выполнил, как мог, свой матросский долг. А вы, братцы, прощайте и воюйте до самой победы».

— Товарищи! — голос мой окреп, я знал теперь, чем закончить речь. — Вспомним, товарищи, слова из той песни, которую любил петь Ленин. Мы были еще детьми, кой-кого из нас и на свете еще не было, а Ленин уже произносил эти слова. И пусть сейчас они звучат для нас, как наказ погибших друзей, как призыв нашей партии, нашей Родины: «Не плачьте над трупами павших борцов... Несите их знамя вперед!»

* * *

Отличительной особенностью каждого разведчика является его способность не теряться в любой обстановке. Но я, признаться, растерялся, когда контр-адмирал в тот же вечер, в присутствии старших офицеров разведки, сказал мне:

— Ходатайствуют о присвоении вам звания младшего лейтенанта. После ряда боев, а особенно после рейда на Могильный, я убежден, что вы заслужили это звание. Быть вам, товарищ Леонов, офицером!

Смотрит на меня член Военного совета, смотрят офицеры разведки, готовые принять меня в свою семью. Сумею ли я оправдать такое доверие?

Есть у советского воина ответ, в котором заключен весь смысл его жизни. И я сказал то же, что час назад вырвалось из глубины души Павла Барышева:

— Служу Советскому Союзу!

«СУРТЕ ДЬЯВОЛЕ»¹

1

Контр-адмирал Николаев сказал нам, офицерам разведки:

— Большому кораблю — большое плавание, бывалым разведчикам — дальние походы.

И после небольшой паузы:

¹ Сурте дьяволе — черные дьяволы (норвежский).

— Не так, чтоб очень дальние, но берег норвежского полуострова Варангер надо прощупать.

Дубровский получил назначение в другую часть, и я в новой должности замполита отряда знакомлюсь с молодыми разведчиками, недавно прибывшими в отряд.

Первым, помню, явился к нам электрик с базы, стройный сероглазый старшина второй статьи Павел Колосов. Павлу двадцать один год. Десятиклассное образование он получил в Ленинграде. Там, в трудные дни блокады, умер его отец. Под Ленинградом, на фронте, погибли брат и другие близкие родственники Павла, а больную мать соседи эвакуировали в Сибирь.

Я смотрю на молодого моряка и думаю о том, что, оставаясь электриком в базе, он сохранил бы больше шансов встретиться с матерью. Приходит на ум и другая мысль: была семья Колосовых, большая рабочая, ленинградская семья. И вот, на третьем году войны, у вдовы и у матери остался из сыновей только этот светлоглазый, статный парень, который добровольно решил избрать трудную, полную опасностей и лишений дорогу разведчика. Может быть, его увлекли романтические рассказы о наших походах? Может быть, он видит одну лишь героическую сторону жизни разведчика? О ней преимущественно пишут в «Краснофлотце» и в других фронтовых газетах...

— Вы что-нибудь слышали, Колосов, о боях на Могильном?

Сказал и пожалел. Зачем задавать новичку такой вопрос? А Павел Колосов, вероятно, догадываясь, о чем я думаю, заговорил быстро, очень убежденно:

— Еще до вашего похода на Могильный я подал контр-адмиралу несколько рапортов с просьбой направить меня в разведку. И после Могильного писал... Я имею второй спортивный разряд... У меня погибли отец, брат, и... и я очень хочу быть в разведке. Вот увидите — я буду хорошим разведчиком!

— Это не довод...

Ищу слов, чтобы убедить Колосова серьезно подумать над своим решением, и не нахожу их.

— Новичков мы направляем в отделение старшины Манина. Запомните, Колосов, у Манина образование семилетнее, и то с натяжкой. Зато по части разведки он большой мастер. Строг, требователен, и если в чем про-

винитесь — отчислим из отряда. А уволепленный из отряда может позавидовать тому, кто просто списан на берег. У нас человек весь на виду. И уж если мы (я резко подчеркиваю слово «мы») кого-либо отчислили — значит человек этот растяпа, лгун, трус!

Удивительное дело: чем строже я говорю, тем больше светлеет лицо и радостней блестят глаза молодого моряка, понявшего, что судьба его решена — он зачислен в отряд морских разведчиков.

В канцелярию заходит дружок Колосова Михаил Калаганский. Павел медлит уходить, смотрит на меня с таинственной улыбкой, какая бывает у человека, который хочет что-то сказать и не решается. А устремленный на меня взгляд Павла красноречивее всяких слов говорит: «Это и есть Калаганский, тот самый Миша Калаганский!»

Милый Паша, напрасно ты волнуешься! Знаем твоего друга — он вполне подходящий для нас товарищ. И не потому, как ты это, Паша, считаешь, что в Доме офицеров, на борцовском ковре, Калаганский устоял против нашего отрядного силача Ивана Лысенко. Не потому, что Калаганский, еще будучи в институте, с первого курса которого ушел добровольно на фронт, считался там чемпионом по борьбе. Комсомольца Калаганского рекомендовало командование базы. В его характеристике записано, что он отлично знает все виды оружия и — это особенно для нас важно — радиодело. Нам нужен такой разведчик-радист, как Калаганский.

Павел, наконец, уходит. Я остаюсь теперь с широкоплечим, слегка сутулым, невысоким старшим матросом. Лобастое лицо с хищным орлиным носом обрамляют гладкие черные волосы. На вопросы отвечает коротко, четко, исчерпывающе ясно. Говорят, что Калаганский хорошо поет и играет на баяне. Внешне он кажется хмурым, замкнутым. Пройдет немного времени, и в дружной семье моряков-разведчиков скажутся достоинства и недостатки новичка. А пока пошлем его на выучку к опытному радисту-разведчику старшине первой статьи Дмитрию Кажажу.

Из подразделения ПВО в отряд пришел Андрей Пшеничных. Я знал Пшеничных как опытного лыжника, но никак не предполагал, что он попросится в разведку. Андрей демобилизовался в запас задолго до войны, обосно-

вался в Мурманске, женился, имел четырех детей. Когда я находился на лыжной базе отряда, Пшеничных часто навещался туда, помогал мне тренировать разведчиков. Семья Пшеничных эвакуировалась к родным, в Воронежскую область, и уже там оказалась на территории, оккупированной врагами. В газетах писали о зверствах фашистов, и Андрей с горестью думал о судьбе своей семьи.

— Вот я, наконец, попал в разведку! — сказал он, пристально глядя на меня своими черными, чуть раскосыми глазами. — Теперь повоюем!

Потом в отряд прибыли два комендора из одной береговой батареи, два Виктора, Соболев и Карпов, а с ними — молодой, очень красивый матрос Володя Фаткин. Все спортсмены, у всех среднее образование и горячее стремление служить в нашем отряде.

Мы придавали большое значение физической подготовке будущих разведчиков. Среди нас были чемпион флота по лыжам Тихонов, чемпион по борьбе Лысенко, чемпион по плаванию Максимов, наш Макс, как называли его разведчики.

Один из прибывших в отряд новичков рассказывал:

— Пришел к вам и растерялся; тут ли базируются морские разведчики? Думал, что в какую-то спортивную школу попал.

В часы физподготовки наше помещение действительно напоминало спортивную школу. В одном месте колдуют с лыжной мазью, в другом — демонстрируют бой невооруженного с вооруженным, в третьем — занимаются самбо или боксом. Разведчики любили следить, как на импровизированный ринг выходят Семен Агафонов и Павел Барышев. Роста они почти одинакового, а вес разный. Худенький, ловкий и быстрый Барышев раньше учился в Ленинградском техникуме физкультуры, был одно время чемпионом среди юношей в весе мухи. И вот, натягивая перчатки, ему навстречу идет медлительный в движениях, но упорный в бою и совсем не чувствительный к ударам противника бывший кок Семен Агафонов.

Семен дразнит Павла:

— Эй, мухач, берегись! Я из тебя сейчас муху сделаю...

Барышев злится, а виду не подает. Обрушивает на Агафопова целую серию стремительных ударов, а сам

пырками ускользает от его любовых атак и радуется, когда вокруг кричат:

— Силен, Пашка! Лупи медведя онежского! Кусай, муха!

Все «болеют» за Барышева, опасаясь, как бы тот не прозевал и не попал под тяжелый, как свинчатка, кулак Семена Агафонова.

Особенно шумно и весело было вокруг качающейся доски, которую мы прозвали «трапом морского разведчика». Новичок в полном боевом снаряжении должен по такому ненадежному трапу пробежать с конца в конец. «Держись за воздух! Утонешь!» — кричат отчаянно балансирующему на таком «трапе» новичку. Когда он под общий хохот сваливался, то становился в строй «мокрых». Соревновались отделениями. У кого меньше «мокрых» — тот и победил.

Новичкам мы говорили:

— Морские разведчики ведут тяжелые бои. Полярный холод, штормы, арктические вьюги и метели, крутые скалы — ничто их не остановит! Хочешь быть в отряде — закаляйся, будь сильным и ловким.

Закончена программа по одиночной подготовке и начались занятия групп по тактике, по другим дисциплинам. Нас радуют отличные успехи молодых разведчиков, и я слышал, как Агафонов сказал как-то командиру новичков Манину:

— Не знаю, Саша, как молодые покажут себя в бою, но сейчас мне с ними трудно по теории тягаться. Чертежи и, топографию, фотодело и астрономию — все, дошлившие, знают! Со всякими там Медведицами, большими и малыми, запросто обращаются. Профессора! Куда нам, вологодским да онежским! Нет, Саша, я не шутя спрашиваю: как ими командовать?

— А по уставу! — спокойно и уверенно ответил Манин.

* * *

Итак, в нашей боевой жизни скоро наступит новый этап — походы на норвежский полуостров.

Ветераны отряда рады. Им изрядно надоело бороздить ближние воды, или, как они говорят, «мотаться в Мотовском заливе». Передавая свой опыт молодым, ветераны понимают, что для решения новых задач и им, бывалым,

уже обстрелянным следопытам, старых знаний и навыков недостаточно. Надо учиться!

Да, мы умеем действовать в тылу врага, изучили сильные и слабые стороны противника, в совершенстве владеем своим и трофейным оружием, бесстрашно сходимся с егерями для ближнего боя. Но все это знает и умеет каждый разведчик полярной пехоты, воюющий за шестьдесят восьмой параллелью. А мы — морские разведчики! Нас привлекают морские дали, глубокие фьорды и вражеские базы в этих фьордах, прибрежные коммуникации...

Отряд опять перебазировался. В новой обстановке, на противоположных берегах бухты Н. тренируемся в высадке десанта.

Штаб флота направил в отряд Павла Григорьевича Сутягина, культурного офицера, разведчика, знающего норвежский язык и будущий театр боевых действий. Сутягин требует, чтобы разведчики изучали карту нового театра, язык и обычаи местного населения. Но уже наступила пора темных ночей с штормовой погодой, и мы стараемся использовать это время для выходов в море.

Новичкам трудно. Они гребут так, что слышен плеск весел. Швартоваться не умеют — гремят уключинами, точно находятся где-нибудь на базарной пристани. И ориентируются на чужой местности плохо. Но больше всего меня раздражает шум при высадке. Мечтой настоящего разведчика-десантника всегда была и будет тишина. Идеальная тишина!

Первый рейд, несмотря на «идеальную тишину» при высадке на берег Варангера, все же оказался неудачным. Уже была полночь, когда мы залегли в засаду близ дороги Варде — Вадсе, и долго лежали, так и не встретив ни одной машины, ни одного пешехода. Да и откуда им быть здесь в такой поздний час? Мы посоветовали командиру отряда разведать другие объекты, но он почему-то решил ждать, а потом уже, опасаясь рассвета, приказал вернуться к катерам.

Стыдно было смотреть в глаза катерникам, которые с таким трудом доставили десантников на берег: они ждали нас «с добычей».

На обратном пути море разыгралось, обдавая стоявших на палубе брызгами воды. Порывистый холодный

ветер покрыл ледяной коркой одежду. Но десантники, казалось, этого не замечали, до того были огорошены и сконфужены неудачей.

И на базе встретили нас более чем невесело. Начальник отдела разведки штаба флота капитан второго ранга Визгин вызвал к себе командира отряда, меня и Сутягина. Вид у нас был совсем не бравый. Но мы окончательно сникли, когда капитан второго ранга оказал нам «почести». Едва сдерживая досаду, он прочитал знакомые с детства строчки из монолога царя Салтана:

— Ой вы, гости-господа, долго ль ездили? Куда? Ладно ль за морем, иль худо?..

«Гости-господа» молчали.

— Худо! — зло отрубил капитан второго ранга и приказал мне и Сутягину удалиться.

Я не знаю, о чем говорил Визгин с командиром отряда. Вскоре он получил другое назначение, и мы без сожаления расстались с ним. Ветераны отряда хорошо помнили имена офицеров, которые их растили, воспитывали, закаляли. О Добротине, Лебедеве и Инзарцеве мы часто рассказывали молодым. Их дела служили для нас примером.

Меня вызвали в штаб и сказали:

— Повторить! Так приказал адмирал флота Головкин. Командовать операцией поручено вам. Задача — та же, срок подготовки — три дня. Обмозгуйте с Сутягиным все детали и доложите.

Я уже собирался уходить, но меня задержал вопрос:

— Неужели, Леонов, наши разведчики разучились брать «языков»?

2

«Как бы сейчас поступили на моем месте Добротин, Лебедев, Инзарцев?»

Их не было рядом, но я мысленно задавал им этот вопрос. Они были лучшими советчиками в эти ответственные для меня часы и минуты, когда разрабатывалась новая, первая моя самостоятельная операция.

«Ошеломил врага внезапностью и дерзостью! Ввергни его в панику! И действуй по-суворовски, по-ушаковски! Делай то, что враг считает невозможным!» — так, вероятно, сказал бы мне майор Добротин, умевший сочетать расчетливость со смелой фантазией.

«Не надо бояться егерей — пусть они нас боятся! — говорил нам Лебедев в первые, самые тяжелые дни войны. — Пусть, подлые, дрожат за свою шкуру в самом глубоком своем тылу».

«Не спеши! — предупреждал меня Инзарцев. — Не блох ловишь — за «языками» охотишься. Главное — добраться до объекта. Это уже половина успеха».

...Мы с Сутягиным склонились над картой, где сильно изогнутой линией изображен путь катеров в первом неудачном рейде к Варангеру. Зачем катера так огибали? Неужели только из-за этого маяка?

Сутягин рассказывает:

— Да, здесь на острове Лилле Эккере у них маяк. Это рядом с побережьем полуострова. Огибая его, мы потеряли много времени. Маяк небольшой. Но почему, Виктор, он тебя интересует?

— Прямая дорога...

— На войне прямая — еще не самая короткая. Тут своя геометрия, друг мой.

— Слушай, Павел Григорьевич, а если сначала навестись к маячнику? Ну, допустим...

— Понимаю! — в глазах Сутягина загорелись искорки. — «Язык» на маяке поможет взять других «языков». А что если...

И уж мы спорим, дополняем друг друга. Иногда увлекаемся до того, что расходимся в разные стороны, чтобы остыть, самостоятельно обдумать каждую деталь, а потом снова обсуждаем тот план операции, о котором командующий сказал свое короткое, но столь для нас радостное «добро».

В первую ночь я с шестью разведчиками высадился на побережье острова Лилле Эккере. Захватив маячника, мы доставили его к берегу, где нас ожидал катер. По дороге в базу Сутягин допросил маячника и, развернув карту, сказал:

— Пост квартируется на мысе Лангбунесс. Вот тут, недалеко от мыса, проходит автострада Варде — Вадсе. Маячник говорит, что в одиннадцать ночи движение по дороге прекращается.

Теперь ясно, почему в прошлый раз мы всю ночь пролежали в засаде, так и не дождавшись ни одной машины, ни одного пешехода. Назавтра три группы разведчиков, примерно половина отряда, снова отправляются в поход,

чтобы с наступлением темноты уже подойти к берегу полуострова Варангер.

Катером командует Александр Осипович Шабалин, ныне дважды Герой Советского Союза. Он не раз доставлял нас на побережье, занятое противником, и снимал оттуда. Небольшого роста, удивительно хладнокровный и необычайно смелый, он в самые ответственные минуты высадки одним только своим видом действует на нас успокаивающе. Его присутствие на катере бодрит десантников. И сейчас, узнав о моем плане, Шабалин говорит так, как будто речь идет об обычном рейсе:

— Добро! Я этот берег знаю. Скалы. Швартоваться не будем. Прикажи надувать лодки, а я вас буду поджидать у самого берега.

Мы готовимся к высадке, спускаем на воду шлюпки. Волны захлестывают их, и насквозь промокшие гребцы с огромным усилием сохраняют равновесие.

Когда выбрались на сушу, я проверил людей и хотел уже дать направление каждой группе, но прибежал взволнованный Агафонов:

— Машины идут! Сверху видно...

Мы поднялись на сопку и увидели автоколонну. Светлый пунктир медленно приближался. Машины еще были далеко, а дорога — это было мне известно — проходила в двух километрах от нас.

— Вперед! На перехват машин!

Ноги вязнут в глубоком снегу, а надо бежать через сугробы, через сопки. На ходу отдаю приказ, как расположиться в засаде. Предупреждаю всех, что первыми открывают огонь разведчики Баринава.

Машины приближаются, но мы уже залегли вдоль обочины дороги.

Кругом так тихо, что слышен мерный рокот моторов автомашин. Вот промчался один крытый грузовик, другой, третий... А сколько их уже прошло мимо группы Никандрова? Но к группе Баринава головная машина еще, должно быть, не подошла.

Бабилов шепчет:

— Что Баринов молчит? Может, начнем?

Я отрицательно качаю головой: нет, Макар, не будем спешить! Колонна еще движется, дорога идет в гору. Держи нервы в узде! А Баринов — тот сработает...

Анатолий Баринов

Сильный взрыв убедительно подтвердил, что группа Баринава была начеку. Вслед за первым на определенных интервалах дороги грохнули еще взрывы и рассыпался треск автоматов. И тут мы стали свидетелями совершенно неожиданной для нас сцены: вся колонна остановилась, все фары погасли, а егеря выпрыгнули из кузовов, из кабин и... стали смотреть вверх. Егеря, оказывается, даже мысли не допускали о возможности нашего появления на этой коммуникации. Они были уве-

рены, что колонну штурмуют наши самолеты.

Без единого выстрела захватили мы двух оторопевших егерей, и я приказал доставить их на катер.

Связной от Баринава доложил, что его группа подорвала первые две машины, взяла пленного. В это время тяжелый бой в хвосте колонны завязала группа Никандрова, и мы устремились к ней на помощь. Егеря залегли под машины и отстреливались, но несколько гранат утихомирили их.

Забрав документы из штабной машины (колонна, как потом выяснилось, принадлежала зенитному полку и направлялась на один из аэродромов), мы отошли к катерам, чтобы исчезнуть с полуострова Варангер еще до того, как противник узнает о случившемся.

Катерники горячо поздравляли нас. Только Александр Осипович был, как всегда, спокоен и, предложив мне свечить часы, сказал:

— Ровно два часа с момента высадки. Никогда так быстро не возвращался с операции. Веселая война!..

Теперь, по дороге в базу, когда опасность осталась по-

зади, повсюду слышался смех, шутки, живой обмен впечатлениями.

Маяк на острове Лилле Эккере все еще сигнализировал нам. Наконец и он исчез.

3

Это была большая удача отряда, но нам как раз и нужна удача, которая вселила бы уверенность в успех дальнейших походов.

В зиму 1943/44 года мы совершили несколько походов к северным берегам Норвегии, из которых наиболее примечательными были два — на мыс Кальнесс и в Босс-фьорд.

В декабре 1943 года (к этому времени я уже был утвержден в должности командира отряда) Шабалин доставил нас в район нового объекта — мыса Кальнесс. Катер подошел близко к берегу, и мы увидели, как вода плещется у подошвы обледенелой скалы. Высаживаться здесь трудно, но зато сравнительно безопасно: здесь нет постов.

Я договорился с Шабалиным о сигналах, о предполагаемом месте посадки уже после выполнения задания и прямо с борта катера прыгнул на первую вырубленную ступеньку.

Надо мной, врубаясь в лед, разведчики медленно забирались на гору.

Больше часа штурмовали мы эту скалу, а когда выбрались на вершину, то перед нами зиял провал оврага. Обходить овраг — значило теперь терять драгоценное время. Володя Фаткин обвязал себя веревкой, один конец ее передал Лысенко и прыгнул вниз.

— Тут снега много. Ныряйте! — услышали мы голос Фаткина.

Овраг был глубиной до шести метров. Падая, мы с головой зарывались в пушистый снег. Потом опять лезли наверх, снова штурмовали крутую сопку, кубарем скатывались по ее ледяному склону. Наконец, увидели дорогу, близ которой стоял домик, охраняемый двумя часовыми.

Недалеко от дома торчали воткнутые в снег шесть пар лыж.

Баринов и Манин тихо сняли немецких часовых, а я выставил секреты и сказал Агафонову:

— Сегодня рождество. Ты, Семен, любишь ходить в

гости. А вот рады ли будут в этом норвежском доме таким гостям, как мы? Узнай-ка.

— Это можно...

Агафонов направился к дому, мы — за ним.

Открыв первую, наружную дверь, Семен постучал кулаком в другую, обитую войлоком, которая вела в комнаты. Никто не ответил.

Мы прислушались. За дверью раздавался нестройный хор голосов, кто-то надрывно кричал или пел.

— Ага?! — Агафонов присел от удивления. — Это они нас приглашают... Честное слово, приглашают! Уже сердятся, что мы опаздываем к рождественскому ужину.

— Действуй, Семен!

Агафонов налег плечом на дверь, и она со скрипом подалась.

Окутанные клубами пара, мы ввалились в дом.

В большой, хорошо обставленной комнате было светло, уютно и тепло. За сервированным столом, дирижируя бутылками, горланила пьяная компания егерей. В углу мерцала разноцветными лампочками нарядно украшенная елка. Рядом с ней стоял высокий, худой старик норвежец, должно быть, хозяин дома.

Мы были одеты в белые маскировочные халаты и обсыпаны с головы до ног снегом. Мы совсем не напоминали тех, кого имел в виду хозяин дома, когда крикнул:

— Сурте дьяволе!

Что за черт! Эти слова точно столбняком поразили гостей. Трое уронили бутылки и подняли руки. Трое стали приседать, видимо, намереваясь спрятаться под стол, но наведенные автоматы привели их в чувство.

— Хох! Хох! Давай, егерь, вылезай по одному! — командовал Агафонов. — Тащи; Фатькин, веревку...

Егерей обезоружили, связали им руки одной веревкой, а хозяин дома, который при этом не выказывал никакой робости, пригласил нас к столу.

Но что за магические два слова произнес старик при нашем появлении? Почему возглас хозяина дома заставил егерей еще до нашей команды поднять руки?

«Сурте дьяволе» по-норвежски означает — черные дьяволы. Впервые жители Варангера узнали о моряках — «черных дьяволах» после боя на Могильном. Кто-то из раненых егерей, лечившихся в госпитале на полуострове Варангер, рассказал сиделке о группе советских моряков,

которая проникла на мыс Могильный и была там окружена двойным кольцом. Егеря были уверены, что моряков истребят или возьмут в плен. Но они целый день вели бой, а когда пришла ночь — исчезли. Растворились в темноте, не оставив никакого следа.

Спустя некоторое время была разгромлена колонна на дороге Варде — Вадсе, и немцам не удалось установить, кто это сделал. Тут уж норвежцы сами стали распространять слух, что это действует группа русских «сурте дьяволе», исчезнувшая с мыса Могильного.

Егерей эти слухи раздражали и пугали.

Нам нельзя долго задерживаться, но хозяин решил опровергнуть мнение о том, что северные норвежцы — молчаливые, замкнутые люди, и стал нам рассказывать то, что представляет для разведчика некоторый интерес.

Слышали ли мы о легендарном Ларсене? О неуловимом Ларсене, вожаке норвежского отряда народного сопротивления? Не может быть, чтобы по ту сторону фронта не знали о знаменитом Ларсене с полуострова Варангер! Нет, сам хозяин с Ларсеном, конечно, не знаком — не удостоился такой чести. Но любой норвежец вам расскажет, как даже в штормовые ночи Ларсен поднимает парус на своем боте и уходит в море. Он вооружен только автоматом, пистолетом и гранатами. Гитлеровцы не могут поймать его и не знают, где находятся бойцы его отряда. А Ларсен знает все тропинки в горах и все ручейки, которые впадают в фьорды. Гитлеровцы говорят, что он заодно с русскими, и поэтому тоже прозвали его черным дьяволом. Так что пусть русские не обижаются за эти слова. Везде, где есть дом рыбака, — а на побережье Варангера все рыбаки, — найдутся друзья Ларсена, друзья «сурте дьяволе».

— Тогда, может быть, друг Ларсена поможет «сурте дьяволе» выйти к морю, к ближнему причалу?

Старик пристально посмотрел на меня, немного помедлил и громко крикнул по-норвежски. Из соседней комнаты вышел средних лет мужчина, такой же высокий и узколицый, как старик.

— Это мой сын и мой гость. Он прятался в погребе. Он вас проводит.

Мы заметили, с какой ненавистью смотрят пленные на хозяина и особенно на его гостя. Старик с тревогой взглянул на сына, но тот был совершенно спокоен.

— Не волнуйтесь! — сказал я старику. — Если по дороге к морю с нами что-нибудь случится, то эти «языки», — я показал на пленных, — уже никогда не заговорят.

— Я вам верю. Сына посадите у загиба мыса Кальнесс. Там его друг живет.

Мы предложили старику шоколад, консервы, галеты, но он наотрез отказался что-нибудь взять. По дороге к причалу он сказал:

— Когда вернусь домой, то устрою погром. Я ничего не пожалею, даже то, что долгим трудом нажито. Скажу немцам, что ночью в дом нагрянули черные дьяволы и разорили мое хозяйство. Счастливой вам дороги!

...Катер Шабалина курсировал у мыса Кальнесс и сразу заметил наш сигнал. Александр Осипович признался, что и его, наконец, встревожило наше долгое отсутствие. Тем радостней была встреча.

В трюме катера вытрезвлялись шестеро гитлеровских офицеров военно-воздушных сил, которые, оказывается, вечером еще были в Киркенесе, ночью загуляли в Кальнессе, а утро встретят в нашей базе.

Вскоре мы узнали, что доставили штабу очень ценных, настоящих заполярных «языков». Они дали исчерпывающие сведения о дислокации противника и, кстати, сообщили о бое нашей подводной лодки у горловины Босс-фьорда.

Но сведения «языков» нуждаются в проверке, в подтверждении. И мы стали готовиться к новому, еще более ответственному походу.

* * *

В северной части полуострова Варангер есть небольшой фьорд Маккау-сан.

Если бы удалось проникнуть в этот фьорд, высадиться на берег и пойти строго на север, к выступу мыса, то мы оказались бы в тылу вражеской батарее, охраняющей вход в большой залив Босс-фьорд.

Что находится в глубине Босс-фьорда?

Это пока остается тайной. Есть все основания думать, что там базируются торпедные катера неприятеля. Горловина Босс-фьорда напоминает пасть зверя. Глаза зверя — его маяки, орудия на мысе — зубы зверя. Вот почему нас пока привлекал только маленький заливчик Маккау-сан.

Мы выступили 22 февраля, в ночь на воскресенье. Завтра наша армия, авиация, флот будут праздновать двадцать шестую годовщину славных Вооруженных Сил. Шабалину и мне, катерникам и разведчикам, хочется в канун праздника порадовать Родину боевыми успехами.

Случилось так, что к Маккау-сан-фьорду нам не удалось подойти. Замигали огни постов наблюдений, оттуда запросили сигналы, и Шабалин повел катер курсом норд-ост. Уходим мористее, меняем направление, и вот, разрезая волны, катер идет к далекому незнакомому норвежскому берегу.

Разведчики отдыхают в кубрике. Я и Шабалин на ходовом мостике напряженно всматриваемся в темень полярной ночи. Наконец, смутно забелел ледяной припай у берега, обозначились очертания гранитных скал, покрытых на склонах льдом, и вдруг блеснули два огонька — маяки мысов.

Мы приближались к самой горловине Босс-фьорда.

Шабалин отдал команду приглушить мотор, дать самый малый ход и посмотрел в мою сторону.

Я кивнул. Мы без слов поняли друг друга.

Катер неслышно вошел в залив.

Сразу прекратилась качка и унялся ветер. Кругом тихо, и в этой настороженной тишине два раза просигналили посты СНИС¹.

Мы им не ответили.

Батареи на мысах Босс-фьорда остались позади нас.

Знают ли отдыхающие в кубрике разведчики, где мы сейчас находимся? Может быть, по движению катера догадываются, что мы забрались в пасть зверя, и кой-кого тревожит исход этого рейда?

— Все в порядке, — спокойно говорит Шабалин. — Посты СНИС решили, что это их катер вернулся с задания. Прошел, не заметив сигналов. А как же иначе? Разве отважится советский катер заходить в Босс-фьорд, на верную гибель? Так они рассудили, и в этом, Виктор, наше преимущество. Сейчас дело за вами. Тихо сработаете — тихо уйдем. А начнется заваруха со стрельбой — сам понимаешь: пасть сомкнется...

Я жму руку Шабалину и быстро спускаюсь в кубрик. Мы высадились на пустынный берег.

¹ СНИС — служба наблюдения и связи.

Иван Лысенко и еще два матроса ушли в разведку, остальные залегли, замаскировались в камнях. Беспокоимся за катерников — им труднее маскироваться.

Прошло немного времени, и Лысенко привел норвежского рыбака из ближнего населенного пункта. Он подтвердил, что поселок Босс-фьорд находится в километре от нас, а крайний дом, подход к которому Лысенко уже успел обследовать, занимают два немецких моряка из экипажа катера. Рыбак видел этих моряков сегодня вечером. Они вернулись с плавания.

Я разбил отряд на две группы — захвата и прикрытия. Со второй остался мой помощник, лейтенант Кокорин.

Первыми ушли к поселку разведчики мичмана Никандрова.

— Только, чтоб без шума! — строго предупреждаю их. — Оружие пускать в ход в самом крайнем случае.

Мичман молча кивнул и, построив группу, увел ее в горы.

Связываемся с Шабалиным. Он одобряет наш план и тихо следует к поселку, прижимая катер почти к самому берегу фьорда.

Без шума все же не обошлось, хотя разведчики в этом нисколько не были повинны. Группа Никандрова выволокла из дома связанных по рукам «языков». Они барахтались, упирались ногами в землю, но кричать не могли: кляпы во рту лишили их голоса. Завидев нас, «языки» присмирели и, уже не сопротивляясь, пошли вперед.

Мы спускались к берегу между двумя скалами и вдруг услышали внизу песню. Свернуть некуда, а отходить нет смысла. Остается только ждать приближения певцов.

Мы замерли на месте, прижавшись к скалам, готовые по первой тревоге открыть огонь. А песня, хоровая, протяжная, нарастала. Ее пели молодые голоса. Наконец, мы увидели молодых норвежцев, парней и девушек, возвращавшихся, должно быть, с вечеринки.

Норвежцы нас заметили, когда подошли вплотную. Они остановились, нестройно оборвав песню, потом молча, приглушив шаги, прошли мимо, вглядываясь в каждого из нас. Мы были одеты в белые маскхалаты. Автоматы обмотаны марлей, гранаты спрятаны в белых сумках. Среди нас были только двое в черном: пленные немецкие моряки.

Эта немая сцена длилась две — три минуты.

Я ждал, когда норвежцы удалятся, чтобы продолжать движение. Но замыкавший группу высокий парень остановился недалеко от нас, повернулся, поднял сжатую в кулак руку и что-то громко сказал. По тону мы поняли, что он нас приветствует. И тотчас же, в ответ ему, опять возникла песня, но уже не тягучая, как раньше, а бодрая, похожая на марш.

Это была песня борцов сопротивления.

Мы не раз слышали ее потом, уже восемь месяцев спустя, когда начался освободительный поход в Норвегию. Ее распевали на митингах и на собраниях. Я запомнил лишь последние строчки припева:

Свободные мысли
Не выследит Квислинг¹.
Мы к синим фьордам уходим...

Синие фьорды!.. При свете полярного солнца норвежцы, вероятно, видели их синими, голубыми, ласковыми. Но нам в ночных разведках они представлялись черными-черными...

Песня замерла в горах.

Мы спустились к берегу, и вскоре катер, разрезая черную гладь Босс-фьорда, пошел на север. С постов снова запросили сигналы. Мы опять не ответили и на полном ходу вырвались в открытое море.

Может быть, позади нас, в Босс-фьорде, уже началась боевая тревога? Но если бы даже посты на мысах открыли стрельбу, мы бы все равно ее не услышали в неистовом свисте ветра, который обрушился на катер, как только он покинул фьорд. Штормовое море взъярилось. Вскоре борта и палубы обледенели, и мы стали скалывать лед с катера, замедлившего ход.

Шли к своей базе долго, и до самого рассвета на палубе продолжался аврал.

Так встретили мы двадцать шестую годовщину Советской Армии.

Сдав «языков», разведчики получили заслуженный отдых. Но в тот день никому не хотелось расходиться по

¹ К в и с л и н г — ставленник Гитлера, предатель норвежского народа.

кубрикам. Я и Шабалин пошли на праздничный офицерский обед. Главный распорядитель за столом, тамада, поднял первый тост за разведчиков и их боевых друзей-катерников.

— Когда подводники топят вражеское судно, — сказал он, — мы преподносим им жареных поросят. Это стало традицией. Морских разведчиков положено угощать жареными языками. Но эти «сурте дьяволе» наловчились таскать столько «языков», что интенданты завопили: «Не можем, говорят, управиться! Замените языки другим блюдом!»

* * *

...«Сурте дьяволе» совершали рейды к берегам Норвегии до наступления весны.

В норвежских походах мы не имели потерь — оказалось возросшее мастерство морских разведчиков. Катера возвращались в базу с большим числом пассажиров, чем их было на борту, когда уходили в рейд, так как принимали еще захваченных «языков».

Адмирал флота поблагодарил нас за боевые успехи и подчеркнул три фактора, которые эти успехи обеспечили: скрытность, внезапность, дерзость.

Отряд получил короткий отдых, вслед за которым должна была начаться серьезная подготовка к новым, еще более серьезным операциям.

Уже миновало лето 1944 года. Наши войска очищали от оккупантов Украину, Белоруссию, перешли рубежи СССР на границах с Румынией, Польшей. Мы знали: скоро последует сокрушительный удар по северной группировке фашистских войск. Жители Северной Норвегии встречали первых советских морских разведчиков как вестников скорого освобождения от фашистской тирании.

До окончания круглосуточного полярного дня еще оставался значительный срок, и мне предоставили отпуск для поездки в Зарайск, к родителям, с которыми я не виделся более пяти лет.

На время отпуска я сдал дела лейтенанту Кокорину. В политотделе мне сказали, что скоро в отряд пришлют нового заместителя командира по политической части.

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМ УДАРОМ

1

Иван Гузненков, высокий, худой, в короткой, до колен, серой шинельке пехотинца, с солдатским вещевым мешком за спиной, шел к нам в отряд и еще в дверях столкнулся со старшиной первой статьи Иваном Поляковым. Лучше бы Полякова в тот день не назначали в наряд...

— Куда прешь, пя-хо-та! — преградил старшина дорогу Гузненкову. — С курса сбился? Не видишь, кто тут располагается?

— Отставить! — резко скомандовал Гузненков и чуть щелкнул каблуками. — Как фамилия?

Поляков смерил долговязого пехотинца недоуменным изглядом, но так и не определил, с кем имеет дело: с офицером или рядовым? Полевые погоны на куцей шинели пришельца были закрыты широкими лямками заплечного мешка.

— Фамилия моя? — на всякий случай выжидательно спросил Поляков. — А зачем, служба, понадобилась тебе моя фамилия?

— Не тыкайте, старшина, докладывайте по форме!

— Вот как? Нет, это очень даже интересно...

Иван Поляков уже начинал опасаться, как бы не влипнуть в неприятную историю с этим странным пехотинцем. Но Поляков в тот день находился во внеочередном наряде и готов был на ком угодно сорвать свою злость. Полякову было скучно, и, наперекор здравому смыслу, верный своей дурной манере, он продолжал форсировать. Сначала демонстративно небрежно прикоснулся двумя пальцами к блином сидевшей на голове бескозырке, а большим пальцем тут же ловко сдвинул бескозырку на правое ухо, вздыбив при этом свой чуб. Пружина на ногах, Поляков стал вызывающе поводить широченными плечами, явно желая обратить внимание незнакомца на свой бледно-голубой, выцветший воротник, в разрезе которого чуть виднелась полосатая тельняшка.

Ох, уж эти специально вываренные в содовой воде матросские воротники! Глядя на обладателя такого воротника, неискушенный человек может подумать: «Вот бывалый моряк! Не раз, должно быть, соленая морская волна обдавала такой воротник, а крепкий ветер сушил и трепал его. Вот почему некогда голубой, он стал почти

белым». Поляков никак не предполагал, что стоявший сейчас перед ним пехотинец в кирзовых, с короткими голенищами сапогах, с мешком за плечами служил на флоте не меньше, чем любой разведчик нашего отряда. Вид травленного матросского воротника напоминал Гузенкову шалости и наивные проделки тех лет, когда он сам был «салажонком» — так иногда старый моряк называет юнца на флоте.

А Поляков между тем продолжал рисоваться. Заложив руки за спину, он выпятил грудь, на которой блеснул до яркости начищенный боевой орден, и сквозь зубы процедил:

— А в чем, собственно говоря?..

Но Гузенков не стал его слушать.

— Ступайте, доложите командиру, что прибыл замполит отряда. Отставить! — тут же скомандовал он мгновенно преобразившемуся Полякову, готовому сорваться с места, чтобы исполнить приказание. — Вы так и не называли себя. Не повторили приказа...

Оторопевший Поляков тут только вспомнил, что должен прибыть новый замполит. Поляков стоял перед Гузенковым навтыяжку и долго мигал глазами, пока не обрел дар речи.

— Я... да я, товарищ, не знаю, как вас по званию... А командира нашего нет — он в отпуске. Замещает лейтенант Кокориц. Докладывает старшина первой статьи Поляков, — уже совсем не бойко закончил он.

— Первой статьи? М-да...

Гузенков прошел вперед, а Поляков последовал за ним, озабоченно качая головой и поправляя на ходу поясной ремень и бескозырку.

В канцелярии за письменным столом склонился над пишущей машинкой еще один старшина первой статьи — маленький, светловолосый, даже чуть рыжеватый, с орденом Красной Звезды на фланелевке.

— Бабилов, встать! — гаркнул в дверях Поляков.

Переступив вслед за Гузенковым порог, Поляков, уже как следует по форме, обратился к Гузенкову:

— Товарищ замполит, разрешите позвать лейтенанта Кокорина!

Гузенков испытующе посмотрел на Полякова. Трудно было определить: продолжает ли тот форсить или старается исправить свою оплошность.

— Идите.

Гузненков скинул с плеч вещмешок, осмотрел канцелярию, потом подошел к все еще стоявшему по стойке «смирно» Бабикову и протянул руку:

— Давайте знакомиться. Лейтенант Гузненков. Сидите, пожалуйста, занимайтесь своим делом.

— Я уже кончил.

— Тогда побеседуем, — сказал Гузненков усаживаясь. Бабиков тоже сел. — Орден Красной Звезды за Могильный получили?

— Так точно! — опять вскочил с места Бабиков.

— Да сидите, пожалуйста, — мягко улыбнулся Гузненков. Ему нравилось поведение Бабикова. — Слышал о боях на Могильном, знаю, как вы там отличались. Кстати, парторга Тарашнина там ранило?

— При атаке. На самом мысу Тарашнина не было. У нас тогда комиссар Дубровский, сам легко раненный, из-под огня егерей вытащил нашего парторга и понес его на руках к морю.

— Вот как? — отозвался Гузненков, заметив про себя, что Бабиков, очевидно тоже кстати, вспомнил прежнего комиссара отряда офицера флота Дубровского. — Скажите, Бабиков, что вам из Усть-Цыльмы пишут? Вы ведь там до призыва учителем работали?

— Так точно! — Бабиков был настолько удивлен, что его белесые брови полезли наверх. — Учителем... Только разрешите спросить, товарищ лейтенант, откуда вы это знаете?

Гузненков многозначительно улыбнулся:

— Мне, старшина, многое положено знать. По должности...

Так состоялась встреча нового замполита с Поляковым и Бабиковым.

Не только их, но замещавшего меня лейтенанта Кокорина, старшину отряда Чекмачева, парторга и комсорга — всех поразила осведомленность нового замполита в делах отряда. Перед тем как получить направление в отряд, Гузненков заочно познакомился с личным составом и боевыми характеристиками разведчиков, с историей отряда. В разведотделе и в политотделе он получил исчерпывающую информацию о том, что в отряде хорошо, что плохо и на какие стороны нашей жизни следует обратить внимание. С Гузненковым долго беседовал член Военного совета флота.

— Работа предстоит интересная и нелегкая, — предупредил Гузненкова контр-адмирал. — В отряде вы встретите людей, у которых от наград да от восторженных похвал закружилась голова. И уж кой-кто из разведчиков любит подчеркнуть свою исключительность, свое особое положение на флоте. А раз оно особое, то нельзя ли пренебречь обязательной для всех дисциплиной? Комендант мне пожаловался: «Разведчики балуют... Известное дело: сорвиголовы!» Нельзя допустить, чтобы к доброй репутации отряда примешивалась другая. Разведчики — не сорвиголовы... Вы меня поняли?

— Ясна задача, товарищ контр-адмирал!

— Задача ясная, а решать ее надо с умом. Что ни говорите, а народ там, действительно, несколько своеобразный. Да еще условия боевой жизни накладывают на людей определенный отпечаток. Признаться, я и сам питаю слабость к разведчикам. Славные, боевые ребята! Но старая слава новую любит. Сейчас, как никогда раньше, надо крепить боеготовность морских разведчиков Северного флота. Большие дела ждут их.

И уже прощаясь, контр-адмирал сказал Гузненкову:

— Успех работы будет решать ваш авторитет. У разведчиков надо завоевать авторитет не только словом и не столько словом — делом! Имейте это всегда в виду. А начните с обычного знакомства. Расскажите, где служили-воевали, в каких рейдах по тылам врага сами участвовали. Разведчики — народ дошлый, поймут, почему штаб послал к ним офицера морской пехоты Гузненкова. Желаю вам успеха, товарищ лейтенант!

После короткой стычки с Поляковым лейтенант Гузненков вспомнил свой разговор с контр-адмиралом и его напутствие.

Еще до похода на мыс Могильный из отряда ушли такие признанные следопыты, как Мотовилин, Лосев, Харабрин, а сразу после рейда на Могильный — Радышевцев. Харабрин так и не вернулся к нам после окончания офицерских курсов. Мотовилина перевели в другое подразделение. А Лосев воспользовался тем, что на севере комплектовались экипажи катеров для боевых действий на юге, и подал рапорт о зачислении его в такой экипаж.

На проводы Лосева собрались все ветераны-разведчики. По такому случаю старшина расщедрился и выдал «авансом» из своего неприкосновенного запаса необходимую для проводов норму вина.

Как всегда при таких расставаниях, было шумно. Перебивая друг друга, вспоминали совместные бои и походы, живых и погибших. Глядя на уезжающих, и я вспомнил, как в мастерскую, где в первые дни войны работали я и Саша Сенчук, пришли три Николая и Алексей, как Мотовилин учил нас, еще не обстрелянных разведчиков, азбуке военного дела.

— До сих пор не могу забыть Сашу Сенчука, — сказал я Радышевцеву.

— А Рябова и Даманова? Лосев! Коля Лосев! Помнишь ты своих тезок? — кричал Радышевцев Лосеву.

Лосев опустил голову, потом потрянул ею, точно пытался отогнать какую-то невеселую думу. Он вышел из-за стола, снял со стены гитару и поднял руку, требуя внимания.

— Помню ли я своих тезок? — глухо спросил он Радышевцева. — Ну слушай, Алексей! Всем слушать...

Медленно перебирая пальцами по струнам, Лосев заиграл знакомый мотив и вдруг запел никогда до этого не слышанную нами песню о себе и своих друзьях:

Жили-служили три друга,
Пой песню, пой!
Рябов, Даманов и Лосев,
Не разольешь их водой.

Певец был явно не в ладах с рифмой и ритмом. Но это нисколько его не смущало. Он вел бесхитростный и правдивый рассказ:

Звали их всех Николаями,
Пой песню, пой!
Первый погиб в первом бою,
А через год — другой...

Лицо Николая Лосева исказилось болью. Будто только сейчас он ощутил горечь давних потерь и скорого расставания со своими товарищами. Всем хотелось его остановить, но никто не решался прервать певца.

Третий прощается с вами, друзья...

— Брось, Коля! — крикнул Степан Мотовилин и вырвал из рук Лосева гитару. — Ребята скоро в бой пойдут. Тебя на большие дела провожают, а ты?..

— А я хочу, Степан, чтобы никто никогда не забывал наше братство. Верно я говорю?

— Верно! — поддержал его Радышевцев.

Веселье возобновилось.

Проводили Лосева до пирса. Мотобот, принявший его на борт, ушел в Мурманск, а мы, неожиданно притихшие, возвращались домой. И тут Радышевцев сказал нам:

— Мне тоже скоро придется с вами распрощаться. Я торпедист, дело свое не забыл.

— Алеша, с чего это вдруг? Какая муха тебя укусила?

Но Радышевцев, видимо, не хотел на эту тему распространяться:

— Душа не лежит. А без души — какая служба в разведке?

Через несколько дней мы проводили Радышевцева, а вскоре еще один случай всполошил разведчиков: Черняев, ловкий, разбитной моряк, продал на толкучке часы из трофейного имущества отряда.

Я узнал о проступке Черняева перед первым походом к Варангер-фьорду. И хотя Черняев был включен в группу десантников и уже собрался в дорогу, я, скрепя сердце, применил к нему ту степень наказания, которая намного тяжелее, чем наряд вне очереди или лишение увольнительного отпуска в город. Разведчики считали ее равносильной списанию на берег.

— Старший матрос Черняев! — объявил я перед строем, когда группа десантников уже готова была следовать к пирсу, где нас ждал катер.

Черняев шагнул вперед.

— За присвоение трофейного имущества лишаю вас права участвовать в операции. Сдайте старшине рюкзак, оружие, боеприпасы.

Мы ушли в поход, а Черняев, зная, что его проступок не останется безнаказанным, стал жаловаться оставшимся разведчикам на свою судьбу и на то, что вообще «к нашему брату» придираются по пустякам. Он встретил сочувствие со стороны таких разведчиков, как Поляков и Бызов.

— Ну, продал часы, черт бы их побрал! — возмущался Черняев, обращаясь к своим друзьям в присутствии других разведчиков. — Ну, малость выпил! Так мы ведь, братцы, жизнью рискуем! На волосок от смерти ходим. Неужели на базе не можем чуток повеселиться?

— Ерунда, конечно! — соглашался с ним Бызов. — Что наша жизнь? Как в той арии: «Сегодня ты, а завтра я...»

Ухарь Поляков похлопывал Черняева по плечу:

— Не кручинься, Чернявка! Гляди орлом! А что нам, разведчикам-орлам? День работам — два гулям! Так было, так всегда будет!

Многие считали эти разговоры пустой болтовней и не давали отпора «орлам». Вскоре мы за это крепко поплатились.

Находясь по увольнительным запискам в городе, Бызов, Поляков и Черняев выпили для храбрости и недалеко от здания Дома офицеров затеяли спор с какими-то гражданскими лицами. Вызвали комендантский патруль. К Дому офицеров в это время подходила еще одна группа разведчиков. Еще издали, увидев высокого Лысенко, Бызов вырвался из рук патрулей и крикнул:

— Ваня, полундра!

Не разобравшись, в чем дело, Лысенко кинулся на вырубку Бызова и тоже оказался задержанным комендантским патрулем.

Никто не жалел гулевую «тройку» — она себя достаточно скомпрометировала. Переживали за Лысенко, который оказался случайно замешанным в этой некрасивой истории. Разведчики собирались даже коллективно хлопотать за него перед командованием, но Лысенко запротестовал:

— Без адвокатов обойдется...

— Неправда! — возражали ему. — Это касается чести отряда.

— Вперед умнее буду! — упорствовал Лысенко. — Только бы не списали на берег в компании с этой тройцей.

— Так и мы не хотим, чтобы тебя путали с этой компанией!

— Разберутся! — отмахивался Лысенко.

Я вызвал для беседы провинившихся разведчиков. Три «дружка» в один голос каялись, намекали на свои

прошлые боевые заслуги, обещали исправиться. Лысенко не каялся. Глядя прямо мне в глаза, Лысенко глухо басил:

— Сгоряча не разобрался, что к чему. Это верно. Кабы знал, что это бушует наша знаменитая тройка, — тогда другое дело. Я моряк, и выручать моряка в любых случаях жизни должен. А они, черти, пьяные... Это я уже в комендатуре понял. После драки кулаками не машут. Вот и вся моя вина.

Я слушал эту довольно несвязную речь и понимал состояние Лысенко.

— Больше ничего не скажете? О себе? О товарищах?

— Все сказано. А некоторые товарищи думают, что я должен был пройти стороной. Это неверно...

Мне, как и всем разведчикам, очень хотелось, чтобы Лысенко остался в отряде, и я сейчас думал о том, как расценит проступок разведчиков контр-адмирал, к которому я должен пойти вечером с докладом.

— Тяжелая у вас рука, Лысенко! — Я смотрю на огромные кулаки разведчика и стараюсь придать суровый тон своему голосу. — Такими кулачищами по егерским черепам молотить, а вы... Сгоряча, говорите? Разведчику сгоряча не положено действовать. Идите!

Назавтра пришел приказ члена Военного совета об увольнении из отряда недисциплинированных разведчиков. Лысенко в этом списке не было. Он, правда, получил строгое взыскание.

...Знакомясь с личным составом отряда, Гузненков напомнил Лысенко о его давнишнем проступке, и разведчик удивился этому.

— Между прочим, Лысенко, имейте в виду, что за вас поручился тогда бывший замполит и нынешний командир отряда.

— Я этого никогда не забуду, товарищ лейтенант! — ответил Лысенко.

2

Авторитет Гузненкова заметно возрос после того, как разведчики узнали, что новый замполит был среди героических защитников Ханко и с последним отрядом морских пехотинцев ушел с полуострова. А однажды, когда речь зашла о боях в тылу врага, Гузненков уточнил один пункт на хребте Муста-Тунтури. Тут же выяснилось, что

он облазил этот хребет, брал на нем «языков», еще будучи младшим политруком, а потом — политруком отдельного взвода разведки в бригаде морской пехоты. Разведчики убедились, что в отряд прислали обстрелянного, побывавшего в разных переделках командира.

Начались учебные походы. Новый замполит как рядовой разведчик совершал марши с полной выкладкой. На привалах все отдыхали, а легкий на ноги Гузненков обходил группы разведчиков — где проведет беседу, где поможет выпустить боевой листок. Даже неутомимый в походах Семел Агафонов удивлялся:

— До чего мы, поморы-охотники, привыкли бродить по этим тундрам и скалам, но за лейтенантом нам не угнаться. А может, он тоже нашеньский? Из поморов?

Оказалось, что Гузненков родился и вырос на Смоленщине.

Начались занятия по тактике, топографии, саперному и минноподрывному делу. И тут новый замполит показал себя опытным командиром. Стали соревноваться по скалолазанию, по борьбе самбо — и это дело замполиту знакомо. Он стрелял метко, а однажды вызвался руководить кружком фотолюбителей: мы и фотодело на досуге изучали.

Разведчики гордились новым замполитом:

— Силен, лейтенант! На все руки мастак.

Кое-кто скептически замечал:

— Скоро начнутся рейды... Посмотрим, как в деле себя покажет...

Иван Гузненков

Были и недовольные новым замполитом, вернее — не им, а порядками, которые он стал насаждать. Строже стало с увольнениями в город. Старшина должен был отчитываться за каждый выданный паек, а он привык жить «с запасцем» на тот случай, если в отряд к хлебосольным разведчикам заявится какой-нибудь представитель или гость. Теперь любой разведчик знал, что плохо заправленная койка или брошенный в кубрике окуроч может навлечь на него неприятность — новый замполит взыщет.

Об этих отрядных новостях я узнал из писем, которые мне присылали в Зарайск.

Я одобрял действия нового замполита, и в то же время меня донимала какая-то беспричинная тревога. Потом я разобрался в этом чувстве, похожем на ревность к человеку, который распоряжается во вверенном тебе отряде, завоевывает любовь и популярность в глазах дорогих тебе людей. Я ругал себя за это мелкое и недостойное чувство. И все же, против своего намерения, сухо и подчеркнуто официально познакомился с Гузненковым на пирсе базы, где он меня встречал.

Гузненков, очевидно, представлял себе встречу иначе. Он спросил меня, когда смогу его принять, и ушел.

Мы встретились в тот же день в канцелярии отряда.

Я думал, что разговор начнется с отчета Гузненкова о том, чем был отряд этот месяц занят, и что он, новый замполит, успел сделать. Тут мне, вероятно, представится возможность высказать по каждому поводу свое одобрение или порицание.

Но как только Гузненков закрыл за собой дверь и мы встретились взглядами, он как старый знакомый широко улыбнулся, сел против меня, всем своим видом показывая, насколько рад, что мы остались вдвоем.

— Вот вы и приехали! А я тут, — он беспомощно развел руками, — кручусь-верчусь, присматриваюсь да примериваюсь. По-настоящему к работе еще не приступал. Есть мысли, соображения, но даже плана работы еще не составил.

— Почему? — спросил я с некоторой строгостью, наивно полагая, что за это и стоит пожурить моего заместителя: вмешивался, должно быть, в разные дела, а непосредственную политработу упустил.

— План составить недолго. Но цена какая ему будет? — в свою очередь спросил Гузненков. — В ленинской комнате имеется галерея героев. Что должен молодой разведчик знать о каждом из героев отряда? Опять же — беседы бывалых. Кого и о чем? Тут нужно ваше слово, ваш совет. Мы с коммунистами решили провести открытое партийное собрание на тему «Честь отряда — моя честь». Бабилов это предложил, другие поддержали, некоторые разведчики забыли о добрых традициях отряда. Но ведь не только об этом должна быть речь на собрании? Так ведь?

Я согласился с Гузненковым.

— Вот видите! — обрадовался он. — И собрание я отложил до вашего приезда. Мне легко написать в плане: воспитание на боевых традициях. Могу об этом речь произнести. В общем и в целом, — он опять развел руками. — А кому это нужно? План должен быть подчинен предстоящей боевой задаче. План должен опираться на людей, на актив. А я опять-таки в общем информирован. Вот и жду, что скажет мне командир.

И получилось так, что вместо официального знакомства, да еще какого-то ожидаемого отчета, между нами завязалась непринужденная беседа, причем Гузненкову удалось «развязать» мой язык. Я рассказывал ему о погибших разведчиках — кто из них чем отличился, потом говорили о предстоящих задачах.

Мы расстались уже за полночь. Укладываясь спать, я подумал о том, что экскурсия в прошлое оказалась и для меня весьма полезной. А Иван Иванович — так я уже называл Гузненкова в конце нашей беседы — будет хорошим товарищем и боевым спутником в горячих делах, которые скоро, очень скоро, начнутся на нашем участке фронта.

3

По всему чувствовалось, что скоро грянет решающий бой.

Мы, разведчики, хорошо знали, что творится в стане врага. Егеря нервничали в ожидании нашего наступления. На север, в распоряжение 20-й Лапландской армии, прибыли специальные инженерные части. Они занялись усовершенствованием и без того мощной обороны. Газета лапландцев «Варт им Норден» требовала, чтобы коман-

диры горных частей пресекали всякие слухи о русских разведчиках, которые якобы, когда им только вздумается, проникают через линию фронта. «Наши рубежи неприступны,— хвастала «Варт им Норден».— Через наш фронт ничто живое не проскользнет!»

Враг еще искуснее и хитрее стал минировать участки побережья, где возможна высадка десанта, горные проходы, лощины и овраги. Теперь на подступах к своим опорным пунктам егеря стали применять ракеты сигнального действия. Стоит, допустим, разведчику неосторожным движением коснуться замаскированной проволоки — и полярная ночь озаряется множеством ракет, которые, даже упав на землю, чадят красным дымом. Саперы горных дивизий построили в гранитных скалах побережья зимние казематы. Опорные пункты представляли теперь многоярусную систему долговременных огневых точек, покрытых стальными колпаками и соединенных траншеями.

Но никакие укрепления не в силах были поднять боевой дух «героев Крита и Нарвика». Они с тревогой ждали приближения четвертой военной зимы, никак не предполагая, что здесь, в Заполярье, наступление начнется еще до морозов. Предупреждая о возможном зимнем наступлении советских войск и подбадривая своих егерей, командир одной из горных дивизий писал в своем приказе: «Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши укрепленные позиции... Когда противник истечет кровью после безуспешных атак на наши опорные пункты, мы уничтожим его контрударом...»

Лапландцы очень надеялись на свои опорные пункты, среди которых особенно выделялся мощный, оборудованный артиллерийскими установками опорный пункт на мысе Крестовом.

А мы в это время перебазировались на полуостров Рыбачий и уже облюбовали сопку, по своим контурам напоминавшую опорный пункт мыса Крестового.

Около двух недель мы по ночам «штурмовали» эту сопку, взаимодействуя тремя группами, которыми командовал я, лейтенанты Змеев и Гузненков. В условиях, максимально приближенных к боевой действительности, мы обучали разведчиков маскировке, наблюдению и оповещению. Тренировали людей в рукопашных схватках, в

скалолазании, в хождении по азимуту. Все занятия проводили ночью, практикуя внезапные засады и проверяя каждого разведчика в дозоре.

Короткий день, если не считать отдыха, был занят партийно-политической и культурно-массовой работой, которая с приходом Гузенкова стала конкретной, действенной. В ленинской комнате часто проводились беседы. В назидание молодым ветераны рассказывали о минувших боях. К нам в гости на вечера-встречи боевого содружества приходили пехотинцы и артиллеристы, катерники и летчики. Здесь выступали наши плясуны, певцы, музыканты. Побывали у нас и шефы — делегация рабочих из Новосибирска.

Накануне открытого партийного собрания, где обсуждался вопрос «Честь отряда — моя честь!», пришел приказ: быть готовым к боевому походу. После небольшого доклада бывалые разведчики говорили о верности традициям, а молодые — о своем горячем стремлении быть достойными преемниками и продолжателями этих традиций. Я хорошо запомнил выступление Владимира Фаткина. Развернув полученное из дому письмо, Фаткин сказал:

— Мы присягали Родине выполнить свой воинский долг. Это наша святая клятва. Вот, послушайте, что мне мать пишет из Спасска, Рязанской области: «Дорогой Володя, передаю большой материнский привет твоим боевым товарищам, о которых ты много хорошего рассказал в своем письме. Я недавно получила от командования фотографию отличившихся в боях разведчиков. Очень рада была увидеть тебя на этой фотографии. Так ты, Володечка, в разведке служишь? А от матери утаил! Не скрою, сынок, очень волнуюсь за тебя, за твоих друзей. Все вы такие молодые, красивые, веселые! Сыночки мои! Пусть там, на далеком Севере, в тяжелую минуту не дрогнет ваше сердце и не ослабнет рука. И еще, дорогой...» Ну, тут уж дальше личное... Так как же мне, товарищи, — воскликнул Фаткин, — после такого письма не дорожить честью и боевой славой нашего отряда!..

Тарашнин сообщил, что матросы Смирнов и Рябчинский подали заявления с просьбой принять их в партию. Манин назвал фамилии молодых разведчиков, которым комсомольская организация дала рекомендацию для вступления в ряды партии.

Попросил слова никогда раньше не выступавший на собраниях Иван Лысенко. Он прошел своей валкой походкой к столу президиума, повернулся лицом к собранию и, должно быть с непривычки, смутился.

— Я беспартийный моряк, — сказал Лысенко. — Не то, чтобы робел вступить в партию — не из робких, но считал и считаю, что еще не подготовил себя для такого шага в жизни. Было время, когда наш командир и коммунисты отряда за меня поручились. И вот я нахожусь сейчас здесь, среди своих друзей — морских разведчиков. И за все это вам, товарищи коммунисты, большое спасибо. А насчет вашего доверия, то, может, еще будет такой час, когда подойду к нашим командирам, к товарищам Леонову и Гузненкову, и попрошу у них рекомендации в партию. И они мне не откажут.

Пришел вестовой из штаба. Меня вызывали к генерал-майору Дубовцеву.

Я знал, зачем меня вызывают. Недавно адмирал Головкин поставил перед отрядом задачу, к выполнению которой мы все эти дни готовились. Адмирал предупредил меня, что отряд морских разведчиков в составе восьмидесяти человек и еще один отряд морских пехотинцев будут находиться в подчинении генерал-майора Дубовцева.

— Будьте готовы выступить сегодня ночью, — приказал мне генерал. — Надеюсь, что скоро встретимся вот здесь, — генерал показал на карте обведенный красным карандашом порт в тылу неприятеля — он находился совсем близко, в каких-нибудь десяти километрах от Печенги. — Встретимся, Леонов, если отряд выполнит задачу, — генерал показал карандашом на две линии, которыми были накрест перечерчены батареи егерей на мысе Крестовом. — Для наших десантных катеров эти батареи опаснее всех других. И они должны умолкнуть, чтобы не мешать морскому десанту достигнуть конечного пункта, — карандаш генерала своим острием опять нацелился на вражеский порт. — Вот где ключ от Печенги! К порту первым пойдет катер вашего друга Шабалина. Сколько раз он высаживал вас в тылу неприятеля и снимал с вражеских берегов? Теперь вы должны ему помочь. Коротко и ясно объясните разведчикам задачу. Скажите им, что об этом десанте знают в Москве. Вам ясна задача?

— Ясна, товарищ генерал!

— Желаю удачи.

Мы знали о разных операциях многих десантных отрядов советских войск. Захватывая вражеские базы, непрерывно разведывая глубокую оборону неприятеля, разрушая его коммуникации и уничтожая его живую силу, советские десантники с честью выполняли свою опасную и трудную работу. Нельзя при этом не отметить, что, когда армии Гитлера вели наступление, фланги наших сухопутных фронтов не подвергались ударам с моря. На Крайнем Севере, как известно, линия фронта почти не претерпела изменений.

К осени 1944 года наш отряд накопил богатый опыт боевых действий на побережье Баренцева моря. В отряде сохранился основной костяк разведчиков, который этот опыт создавал и непрерывно совершенствовал. Штаб флота знал о способностях отряда решать самые ответственные задачи. И в то же время все — от командующего до рядового разведчика — учитывали, что десант на мыс Крестовый по своей сложности и трудности во много раз превосходит все наши прежние рейды.

...Началась вторая неделя октября. Войска Карельского фронта в районе озера Чапр перешли в наступление на сильно укрепленные позиции неприятеля. Сокрушив вражескую оборону на горных перевалах Большого и Малого Кариквайвиш, форсировав Титовку и овладев Луостари, наши войска вышли на дорогу к Печенге — к морю. К этому времени уже высадились первые морские десанты на побережье Мотовского залива, и разгорелись бои на самом северном участке сухопутного фронта.

В ночь на десятое октября морская пехота начала штурм хребта Муста-Тунтури.

В ту же ночь мы были готовы к рейду в глубокий тыл врага — к мысу Крестовому, к воротам в порт Лиинхамари.

Лиинхамари — аванпост Печенги, его главная военная база. Здесь находятся большие склады неприятеля с вооружением и продовольствием. Сюда доставляют никель, чтобы увезти его в Германию. Отсюда начинаются шоссейные дороги в норвежский порт Киркенес и в центральный район Финляндии.

Порт Лиинхамари находится в глубине Девкиной заводи, на правом ее берегу. Чтобы проникнуть в заводь,

надо сначала пройти часть Петсамского залива, Петсамо-вуоно, длиной в три — четыре мили, который катерники прозвали «коридором смерти» — он насквозь простреливается береговыми батареями с мысов залива.

Самый мощный опорный пункт, бастион егерей, охраняющий дальние подступы к Лиинхамари, находится на скалистом мысу Крестовый. Здесь, опоясанные дотами, ошетинились своими стволами две четырехорудийные батареи — 88-миллиметровая зенитная и противокатерная и 155-миллиметровая тяжелая.

Батареи на Крестовом решено атаковать с тыла. А для этого с места высадки нам надо пройти по тылам неприятеля большой, тридцатикилометровый, путь. Он лежит через топкие болота и тундру, через холмы и почти отвесные скалы. Нам приказано пройти этот путь, штурмом взять опорный пункт егерей на мысе Крестовом, захватить батареи и уничтожить вражеский гарнизон, если он откажется капитулировать.

Мы должны открыть дорогу к Лиинхамари десантным катерам, которые поведет наш друг — Герой Советского Союза Александр Шабалин.

* * *

...У генерал-майора Дубовцева я познакомился с командиром отряда морских пехотинцев капитаном Барченко, получил все указания, и когда вернулся в отряд, то застал еще в ленинской комнате многих разведчиков. Они не расходились с собрания, ожидая моего возвращения.

Все заранее подготовлено к походу, и сборы были недолгими. Спорили со старшиной, отказываясь от положенного запаса продуктов: «Две банки с консервами? Еще одна пачка галет? Нет, старшина! Лучше я вместо сгущенного молока возьму лишний диск к автомату, лишнюю гранату».

И вот, в куртках и болотных сапогах, а кто — в специальных комбинезонах, заправленных в шерстяные чулки, и в ботинках, покрыв головы непромокаемыми шлемами катерников, разведчики выстроились на причале. Провожать нас прибыл член Военного совета. Докладываю контр-адмиралу о готовности к посадке. Контр-адмирал медленно обходит строй разведчиков, ста-

рается в темноте разглядеть каждого и каждому жмет руку. Голос его в ночной тишине звучит торжественно:

— В добрый путь, морские разведчики! Когда окажетесь там, на том берегу,— он поворачивает голову к морю,— то услышите гул канонады. Началось, друзья! Идет великое наступление. А вы знаете, на какое дело идете... Военный совет надеется, что вы еще выше поднимете ратную славу североморцев. Попутного ветра вам, дорогие товарищи!

Началась посадка на катер, которым управляет снимающий нас с мыса Могильный Борис Лях.

Мимо командира катера шествуют хорошо знакомые ему разведчики: Баринов, Агафонов, Барышев, Бабинов.

— Ой, жарко будет егерям на Крестовом! — говорит мне Лях, потирая руки.

Катер отходит от пирса, и берег мгновенно исчезает во мраке осенней ночи.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

1

Норд-вест гонит навстречу катеру крупную волну. Над головой собираются тучи. Они обложили все небо, еще больше сгущая мрак полярной ночи.

Далеко впереди появляются и исчезают лучи прожекторов, обозначая землю. А берега не видно. Рассекая волны, катер идет туда, где мечутся прожекторные лучи, и откуда, пока едва слышно, доносится канонада.

На земле идет бой. Морская пехота штурмует Муста-Тунтури — тот самый хребет, который к утру должен быть уже далеко позади нас.

Я стараюсь думать о предстоящем марше и бое, а в голову назойливо лезут совсем несерьезные для такого момента мысли. Почему-то вспомнил телеграмму, которую сегодня вечером Макар Бабинов отправил своей невесте Любе. Девушка работает в одном из тыловых подразделений флота. Случайно встретил Макара на узле связи — оба завернули туда по дороге к причалу. Последние две недели никто из разведчиков не получал увольнительной, а вернувшись с полуострова Рыбачий, мы сразу стали готовиться к рейду. Макар, конечно, скупает по своей Любушке. И вот, у телеграфного окошка,

Макар показал мне аккуратно заполненный бланк с одной строчкой — условным «кодом» влюбленных:

Жди меня!

«Жди меня»... Два года назад мы были первыми читателями этого, тогда еще не напечатанного, стихотворения. Поэт Константин Симонов ходил с нами в поход на мыс Пикшуев. Мы в тот раз избежали стычки с егерями. Обнаружили тайный склад боеприпасов, уничтожили его и повернули к морю, к катеру. Но из следующего рейда некоторые, хорошо знакомые поэту разведчики не вернулись в базу. Мы тревожились за их судьбу, но верили в их возвращение, ждали. Может быть, под впечатлениями похода на Пикшуев поэт и написал стихотворение, ставшее столь популярным среди фронтовиков? Подаренный майору Добротину листок со стихом пошел по рукам. Мы переписывали и заучивали это стихотворение, посылали его своим любимым.

Жди меня, и я вернусь...

Ветер крепчает, зло хлещет в лицо снежной крупой, солеными брызгами и угрожающе воет. Гигантские кинжалы прожекторов скрещиваются и разбегаются, бессильные распороть занавес неба. А тучи наслаиваются все выше и ниже, виснут над головой.

Все явственней доносится гул боя.

По палубе катера забегали матросы. Вот они поднимают сходни. Значит, скоро покинем палубу. Катер уйдет... Катер Ляха уже не придет за нами, потому что на этот раз десант морских разведчиков пройдет от одного берега моря к другому, от губы к мысу, не для того, чтобы вернуться в базу. Овладев Крестовым, мы вольемся в общий поток наступления. Будут новые рейды, новые смертельные схватки. И все же, как писал поэт — жди меня! Я вернусь, всем смертям назло!..

Нет, надо думать о другом! В первую очередь — о связи между тремя группами, о наблюдении, оповещении. Правильно ли я поступил, разбив отряд на три группы? Гузненков — хороший товарищ, но каков он в бою?

— Подходим, — говорит мне Лях.

В крошечной тьме ночи берега не видать. Катер замедляет ход, стопорит.

Из кубрика один за другим поднимаются на палубу разведчики. Они настороженно смотрят в сторону берега и ждут, когда сбросят длинные, специально сделанные для высадки сходни. Мы слышим, как сходни шлепаются в воду. Катерники сбегают вниз, поднимают их концы. Сами по пояс в студеной воде, прокладывают нам сухую дорожку на берег.

— Хорошие у тебя ребята! — говорю Ляху. — Поблагодари их...

Лях дольше обычного задерживает мою руку в своей. Командир катера знает, куда и зачем мы идем. Вчера Лях пошутил: «И почему, Виктор, тебе дают такие веселые маршруты: Могильный? Крестовый?» — «Так ведь на катере Лях обязательно к черту на рога попадешь!» — ответил я шуткой.

Теперь Борис Лях молчит. То, что он хочет сказать, заменяет долгое и крепкое рукопожатие.

— Кланяйся Шабалину, — говорю я Ляху на прощанье. — Скажи, что встретимся с ним там...

— Конечно, встретитесь! Я за тебя спокоен. Знаешь, что означает слово Виктор, Виктория?

— Нет! После расскажешь. Когда встретимся...

И довольный такой невинной ложью и наивной приметой (если есть повод для встречи, то встреча состоится), сбегая по сходне и прыгаю на скользкие прибрежные камни.

Заработал мотор уходящего катера. Я не оборачиваюсь и спешу к разведчикам. На всякий случай они занимают оборону.

Судя по времени, отряд Барченко уже начал обход сопки и скал.

Наш путь к мысу Крестовому короче и труднее.

2

В полночь штурмуем крутую сопку.

Стоя на плечах Семена Агафонова и прислонившись к скале, парторг отряда Аркадий Тарашнин вырубает в почти отвесной гранитной стене ступеньки. Его примеру следуют другие. С помощью таких ступенек и каната взбираемся на вершину сопки и видим новые, еще более крутые горы.

Тяжела дорога к «ключу от Лиинхамари»!

Ветер немного стих, но повалил густой снег.

Мы вышли к равнине, которая ведет к следующему пункту маршрута. Покрытая ровным слоем снега, эта равнина очень опасна. Новичку может показаться, что сейчас идти будет легче. Но впереди идущий Фатькин поднимает руку, и цепь разведчиков замирает. Фатькин обвязывает себя одним концом каната, другой конец передает Андрею Пшеничных, потом ложится на снег и ползет. Он ползет медленно, прощупывая руками каждый метр, чтобы обнаружить замаскированные под снегом расщелины.

Фатькин прокладывает для нас на горном плато надежную тропу.

Чуть светлеет, когда мы штурмуем еще одну вершину. Бой, разгоревшийся ночью на хребте Муста-Тунтури, приближается. Лучи прожекторов со стороны Линхамари все еще шарят по скалам. Я останавливаюсь, пропускаю мимо цепочку разведчиков. Они идут широким шагом, тяжело передвигая натруженные за ночь ноги. Надо дать людям отдых, пусть хоть немного поспят, тем более, что двигаться днем небезопасно.

А снег все валит, заметая наши следы.

Устроили привал у подножья горы, и через полчаса фигуры прикорнувших разведчиков превратились в белые холмики. Все спят. Бодрствуют только мой связной Борис Гугуев и радист Дмитрий Кажаяев. Я закрываю глаза и, уже засыпая, слышу, как радист повторяет позывные штаба, потом переключается на прием:

— Юпитер, Юпитер, как слышите меня? Я вас слышу хорошо...

Мгновенно вскакиваю. Радист, прижав ладони к наушникам, выразительно смотрит на меня и при этом согласен кивает головой:

— Юпитер, я вас понял! Я вас понял,— внятно повторяет Кажаяев.— Земля тут рядом. Земля — рядом со мной. Сейчас ей все будет передано. Как меня поняли? Прием...

Командующий сообщил нам, что хребет Муста-Тунтури очищен от неприятеля, что с юга пехотные части Карельского фронта вышли на дорогу к Петсамо. Командующий требовал ускорить движение.

Я приказал поднять людей. Ожили, зашевелились снежные холмики. Гузненков, Тарашнин, Манин, агита-

торы групп рассказали разведчикам об успехах наступающих войск, о предстоящем дневном марше, подбадривали уставших.

И — снова в путь.

Смеркалось, когда мы увидели впереди очертания мыса Крестовый.

Так вот он какой, этот скалистый, черной стеной нависший над морем мыс! Высоко забрались егеря со своими пушками. Оттуда им виден залив Петсамо-вуоно и море и, если погода ясная, — наш полуостров Рыбачий, на который они нацелились стволами своих пушек. Завтра в это время наши десантные катера начнут свой рейд в Лиинхамари мимо мыса Крестового. Но впереди еще ночь, долгая, осенняя полярная ночь.

Завидев мыс, разведчики прибавили шаг.

Мы штурмуем последнюю, самую крутую скалу в тылу огневых позиций мыса Крестового.

Уже ночь опустилась на землю, а мы лезем все выше и выше, пока не забираемся на усыпанную валунами площадку. Расходимся тремя группами, чтобы взять в полукольцо первую батарею.

Вторая батарея находится внизу, у самого уреза воды.

Тихо вокруг. Порой кажется, что на Крестовом никого нет, а если и есть там батареи, то артиллеристы, спокойные за свой тыл, крепко спят.

Бесшумно ползем меж больших и малых камней, подбираясь все ближе к площадке мыса.

Ящерицей извивается на земле ползущий впереди связной Борис Гугуев.

И вдруг, задев рукой тонкую проволоку, Гугуев ша-рахнулся назад. Но уже было поздно. Задребезжал один колокольчик, из разных мест отозвались ему другие. Еще вокруг стоял звон, а в небо уже взметнулись серии разноцветных ракет, и слепящий глаза свет прижал нас к земле. Мы увидели прямо перед собой забор колючей проволоки. За забором виднелся глубоко вкопанный в землю барак. Фигура часового, охранявшего вход в барак-землянку, возвышалась над крышей. И еще мы заметили две пушки с задранными вверх стволами, которые теперь медленно опускались в нашу сторону, и часового, бегущего от забора к барaku. И все это в двадцати — сорока метрах от нас.

Иван Лысенко

Часовой не добожал до пушки — Гу-гуев срезал его очередью из автомата. Но второй часовой успел юркнуть в помещение.

— Вперед! — командовал я.

— Вперед, североморцы! — подхватил мой клич Иван Гузненков.

Взвод Баринаова ближе других к заграждению. Сорвав с себя стеганую куртку, Павел Барышев кинул ее на колючую проволоку и перевалил через ограду. Высокий Гузнен-

ков с ходу перемахнул через проволоку, упал, отполз и тут же открыл огонь по дверям барака.

Разведчики стали стаскивать с себя куртки, плащ-палатки, приближаясь к колючей проволоке. А Иван Лысенко подбежал к железной крестовине, на которой висела проволока, нагнулся, сильным рывком взвалил крестовину на плечи, медленно поднялся во весь рост и, широко расставив ноги, надрывно крикнул:

— Вперед, братва! Ныряй!

— Молодец, Лысенко!

Я проскочил в образовавшуюся под забором брешь.

Обгоняя меня, к барaku и пушкам, к блиндажам и землянкам бежали разведчики.

Семен Агафонов забрался на крышу блиндажа, близ пушки. «Зачем это он?» — недоумевал я. Из блиндажа выскочили два офицера. Первого Агафонов пристрелил (потом выяснилось, что это был командир батареи), а второго, обер-лейтенанта, оглушил ударом приклада автомата. Спрыгнув, Агафонов догнал Андрея Пшеничных, и они стали прокладывать себе гранатами дорогу к пушке.

Агафонов и Пшеничных еще вели рукопашный бой с орудийным расчетом, а Гузненков с двумя разведчиками, Колосовым и Рябчинским, уже поворачивали пушку в сторону Лиинхамари.

Егеря из барака выскакивали навстречу бегущим к ним разведчикам и на ходу открывали огонь.

Раненный в грудь Иван Лысенко упал на колени, но крестовину не сбросил. Под проволокой, которую держал Лысенко, все еще проползали разведчики. Когда позади Лысенко уже никого не осталось, он закачался и с тяжелым вздохом, лицом вперед, рухнул на землю, придавленный крестовиной.

3

— Прикрой Гузненкова! Отрезай егерям дорогу из барака к пушкам! — приказал я Баринову, а сам повел группу разведчиков на подавление двух дотов, откуда нсумолчно строчили пулеметы. Прицельным огнем из автоматов и винтовок по амбразурам дотов мы ослепляли пулеметчиков и короткими перебежками сближались для броска гранат.

А разведчики из отделения Баринова в это время вели тяжелый бой с егерями, которые отчаянно пробивались к своим огненным позициям. У самых дверей барака упал тяжело раненный матрос Смирнов. Врач отряда, лейтенант Луппов, подполз к Смирнову и взвалил его на плечи. Из окна барака ударил пулемет, и наш доктор остался недвижно лежать с убитым матросом на спине.

К окнам барака подбежали Фаткин и Соболев, Колосов и Калаганский. Они швырнули в помещение гранаты. В предсмертных криках и столах егерей загдох пулемет.

— Не задерживайся! — крикнул Анатолий Баринов и уже поднялся, чтобы повести разведчиков на захват третьей пушки, но в это время увидел большую группу егерей. Это шло подкрепление из орудийных расчетов второй батареи.

Егеря заходили к нам в тыл.

— Берегись! — услышали мы позади крик Володи Фаткина.

Я обернулся и увидел ринувшихся в атаку разведчиков Баринова.

Егеря дрогнули, залегли, но не отступили, а открыли сильный огонь.

Прибежал связной от Бабикова, заменившего раненого Барина, и сообщил, что егеря нападают. Я поспешил на выручку.

Егеря отступили к своей батарее, но командира взвода и самого молодого в отряде разведчика мы уже не застали в живых. Главстаршина Анатолий Барин и матрос Володя Фаткин пали смертью храбрых. Ранило Колосова и Калаганского.

Потеряв управление боем, артиллеристы метались из блиндажа в блиндаж, из землянки в землянку. Их было много. Несмотря на большие потери, которые нес неприятель, очаги сопротивления возникали то в одном, то в другом месте.

— Захватили вторую пушку! — доложил мне связной Змеева. — А лейтенант ранен. И Тарашкина ранило в руку. И еще...

— Ну, говори!

— Саша Манин погиб... Комсорг наш...

...Стрельба затихла. К рассвету сопротивление последних очагов было подавлено. Первая батарея на вершине скалы была в наших руках.

Но мы знали, что тяжелые испытания еще впереди.

С противоположного берега по мысу ударили пушки и минометы. Открыла огонь дальнобойная артиллерия с Лиинхамари. Мы лежали, прижавшись к земле, а над нами, в туче снежной пыли, носились осколки камней и снарядов.

Я приказал вытащить замки из пушек и отползти к ближайшему хребту, откуда можно контролировать разгромленную батарею.

Когда артобстрел прекратился и над высокой скалой мыса Крестового осела пыль, мы увидели плес Девкиной заводи.

В залив, огибая мыс, зашли два вражеских катера и три шлюпки.

— Вот для кого они артподготовку вели! — сказал мне Гузнецков. — Сейчас будут высаживать десант.

— Этого следовало ожидать. Десант против десанта! — обратился я к разведчикам. Такого боя у нас еще не было.

— Жмутся к берегу... Эх, жаль, из автоматов их не достанешь.

Разбив отряд на несколько штурмовых групп, я приказал командирам:

— Атаковать десант! Не дать егерям высадиться, не дать им зацепиться за берег!

4

Первый вражеский десант не знал, какими силами мы располагаем. Один катер уже успел высадить два отделения солдат, но, атакованный нами, тут же отошел. Гугуев, Агафонов и Пшеничных, находившиеся в засаде, начисто истребили высадившихся гитлеровцев.

Тогда противник изменил тактику. Его десантные суда шли теперь по заливу широким фронтом, вынуждая нас растягивать оборону и создавать большое количество мелких штурмовых групп.

Сражение разгоралось на протяжении трех — четырех километров. Успех боя зависел от инициативы и самостоятельных действий отдельных групп. Ими командовали смелые и опытные командиры — Никандров, Бабинов, Агафонов. Раненые Змеев и Тарашнин не покинули строй. На наиболее опасных направлениях бывали Змеев, Гузненков или я.

Вторая попытка егерей высадить десант также окончилась для них безрезультатно.

Тогда они применили хитрый маневр и обманули нас.

Из порта Лиинхамари вышел еще один десант и взял курс в глубь залива, удаляясь от мыса. Кто-то из молодых разведчиков крикнул:

— Эй, вояки, отдают концы! Кишка тонка, чтобы десант против десанта!

— Не радуйся...

Мичман Никандров, глядя на уходящие катера, озабоченно качал головой, потом подошел ко мне и сказал:

— Я так думаю, товарищ лейтенант, что немцы будут высаживаться дальше. Обогнут сопку и по той же скале попытаются забраться на мыс.

— То есть пройдут по нашему маршруту? — спросил Гузненков. — Это возможно...

Мнения разделились:

— Духу не хватит!

— Как сказать? На то они и горные егеря, чтоб по скалам лазить.

— Пусть попробуют...

Прошло не более получаса, как наблюдавший за морем Бабилов доложил, что в залив входят еще два катера. Новый десант круто повернул к берегу, нам навстречу.

Что замышляет противник? Неужели это только демонстрация высадки, отвлекающая нас от основного удара? Я приказал Бабилову организовать оборону на склоне сопки, примыкающей к воде, и на всякий случай оставил около себя, в резерве, двадцать разведчиков.

Гузненков ушел с взводом Бабилова. Я сел писать радиограмму.

Отряд нуждался в боезапасах и продуктах. Штаб обещал сбросить нам с самолетов патроны и харчи, а в случае нужды — оказать огневую поддержку с воздуха. События складывались так, что нам может скоро понадобиться такая поддержка.

Только передал я радиограмму Кажасву, как увидел бегущего матроса Мальцева, часового, охранявшего раненых, которые лежали в камнях, недалеко от обрыва скалы. Мальцев был ранен в шею. Совершенно обессиленный, он упал у моих ног и прохрипел:

— Там... лезут... немцы!..

— Где?!

Мальцев показал в сторону скалы.

— Вернуть группу Бабилова?

— Поздно! За мной!

Мы бежали мимо раненых, которые уже догадывались, какая опасность им угрожает. Мы спешили к тем камням, в которых маскировались минувшей ночью и откуда уже постреливали егеря, оседлавшие высоту. Полусогнувшись, прячась за камни, потом ползком сближались с егерями, не видя друг друга, пока в тесном лабиринте камней и валунов не столкнулись лицом к лицу.

Вспыхнул и разгорелся необычный, редкий по своей напряженности и внезапности бой. Воинственные крики и отчаянные предсмертные вопли, треск автоматных очередей и лязг стволов. Меж камней мелькают фигуры разведчиков и егерей. Удары прикладом и короткие взмахи кинжалов. Это была та смертельная схватка, когда в ход идет и кулак, и холодное оружие, и подвернувшийся под руку булыжник. Бешеные рывки и обхваты, удары ногой в живот и подножки...

Считанные метры отделяли егерей от обрыва крутой скалы, на которую они забрались. Мы знали: на эту же скалу шаг за шагом, ступенька за ступенькой, поднимаются другие егеря. Те, кто наверху, ждали помощи. Отступать им некуда, и они дрались с неистовой яростью людей, у которых один только шанс — удержаться в камнях на краю обрыва.

Но с еще большим ожесточением пробивались мы к обрыву. Позади нас — раненные товарищи. Еще дальше — группа Бабикова ведет бой на побережье. Все погибнут, вся операция сорвется, если не сбросим в пропасть первую группу егерей, взобравшихся на скалу.

Быстрее других расчищал себе дорогу Андрей Пшеничных. Худой, жилистый, сильный и верткий, он прыгал, падал, исчезал и тут же появлялся в другом месте. Я увидел Андрея совсем близко, притаившимся за большим камнем. По другую сторону камня два егеря ожидали его появления. Короткий выпад вперед, затем обманное движение, и вот уже свалился один егерь, сшибленный ударом приклада. Но, падая, он подсек Андрея, и тот растянулся на скользком камне. К нему тотчас же устремился другой егерь. Я вскинул автомат, но дал очередь вверх, увидев позади егеря Тарашнина и Гугуева. Тарашнин правой, здоровой рукой размахивал автоматом. Навстречу им полетели гранаты. Тарашнин и Гугуев залегли.

— Держись, Андрей! — крикнул я, бросаясь на помощь к Пшеничным.

Два штыка преградили мне путь. Нырком шарахнулся в сторону, и один штык, скользнув по голове, сорвал шлем.

— Андрей, берегись! Эх!..

Рослый егерь уже занес винтовку над распластанным на земле разведчиком. Я не видел, как Андрей птицей метнулся в сторону, но слышал лязг приклада о камень. Винтовка вывалилась из рук егеря, и он нагнулся, чтобы поднять ее. В это мгновение я прыгнул через камень и ударом приклада автомата оглушил егеря.

— Эй, сзади! — крикнул Пшеничных.

Я обернулся и дал очередь из автомата. Преследовавший меня егерь не успел выстрелить.

— Как там ребята? — спросил, вставая, Андрей и только теперь беспокойно оглянулся по сторонам.

Мы вырвались далеко вперед.

— Я тут! Тут я! — кричал пробивающийся к нам маленький Павел Барышев.

Его не видно за большими камнями. Потом подбежали Тарашнин и Гугуев, показался Никандров со своей группой.

Мы теснили врагов. Когда позади них уже чернел обрыв скалы, они бросились в последнюю контратаку. Мы ее дружно отбили. Еще один решительный бросок вперед — и уцелевшие егеря с отчаянными воплями скатились вниз.

Все восхищаются Андреем Пшеничных и поздравляют его. Андрея сравнивают с лучшим мастером рукопашного боя Семеном Агафоновым, который находится сейчас в группе Бабикова. А герой боя, когда ему уже ничто не угрожает, мелко дрожит, смотрит на меня испуганными глазами и виновато улыбается:

— Как это я споткнулся? Ух, подлые! Смерть смотрела мне в глаза, да командир спас. Честное слово, братки!..

— Ладно, Пшеничных, успокойтесь! Дрались вы замечательно. А поскользнуться тут недолго.

5

Мы приводим себя в порядок. Наши потери — четверо легко и двое тяжело раненных. Оставляем охранение у обрыва скалы и спешим к Гузненкову и Бабикову. Но еще по дороге к ним мы слышим нарастающую стрельбу справа и слева от сопки, которую обороняют наши разведчики.

Пока мы вели бой у обрыва скалы, егеря успели высадить еще два небольших десанта близ сопки и потеснили группу Бабикова. Они и нас вынудили залечь, а потом — откатиться назад.

Снова позади нас раненые, а еще дальше... Если враг удержит берег и подбросит подкрепление, то нас ожидает участь тех, кого мы недавно сбросили в пропасть...

Плотным огнем прижимаем к земле высадившийся десант и одновременно ведем обстрел катера, приближающегося к берегу. Но в залив входят еще несколько шлюпок.

Положение обостряется.

Я с тревогой думаю о боезапасах — их осталось немного. В пылу боя я забыл о радиограмме. О ней напомнил гул появившихся над мысом красноезвездных штурмовиков.

— К нам! — закричал Гугуев и замахал здоровой рукой. — Выручайте, летчики-молодчики!

Три «ила» сделали первый заход и стали пикировать на катер и шлюпки, которые теперь быстро уходили с залива. Летчики по радио запросили ориентиры. Мы обозначили ракетами наше местоположение, потом нацелили самолеты на позиции врага. Нам сбросили на парашютах патроны и продукты. Пока не прилетело другое звено штурмовиков, первые три самолета кружили над мысом, непрерывно поливая огнем егерей, и не давали им возможности подняться для атаки.

Летчики помогли нам продержаться до темноты.

Ночью враг подбросил подкрепление. Мы отбили несколько атак и все же вынуждены были отойти на другую сопку, которую занимали морские пехотинцы из отряда Барченко. Сам Барченко с передовой группой проник через побережье ко второй батарее и сковал ее действия. Мы поддерживали с этой группой связь.

— Товарищ лейтенант, уходят! — услышал я голос взбирающегося на сопку связного Каштанова. — Немцы по берегу таскают какой-то груз к причалу.

Я повел отряд к морю. Мы догнали отступавших егерей и с ходу обрушились на колонну, которая шла вдоль берега и была уже близко от причала. Колонна рассыпалась, оставив на берегу ящики с грузом. Егеря тут же контратаковали нас. Опять разгорелись короткие, яростные схватки. С причала на помощь разгромленной колонне бежали новые группы егерей. Отстреливаясь, мы начали отход на свою сопку. А егеря все прибывали. Теперь они упорно лезли вверх, несмотря на потери, и, видимо, решили покончить с нашим десантом.

Я крикнул, что было сил:

— Скоро придет помощь! Держаться!

— Держаться! Держаться! Держаться! — гремело по гребню сопки.

И в это время в Лиинхамари и на высотах противоположного берега залива вспыхнули прожекторы. Мы увидели егерей совсем близко от себя, и в ход пошли последние гранаты. Освещенные своими прожекторами,

Семен Агафонов

враги откатились. А лучи прожекторов, выхватывая из темноты зубцы скал и гребни гор, устремились к заливу и — никогда не забыть мне этой минуты! — светлой лентой легли на плес, по которому быстро шли маленькие корабли.

Это были наши десантные катера. Один, другой, третий...

Они шли, маневрируя, и стреляли из пушек и пулеметов по правому берегу Девкиной заводи.

Вот они уже приближаются к мысу Крестовому. Мыс безмолвствует! Бьют орудия из

Лиинхамари, бьют наугад. Идет дуэль между пушками с правого берега залива и пушками катеров. Мыс Крестовый молчит!.. Замки от орудий первой батареи в наших руках, а орудийные расчеты второй батареи отбиваются сейчас отседающих на них пехотинцев из отрядов капитана Барченко.

— Ура! — Это поднялся во весь рост Гузненков, приветствуя заходящие в залив катера.

— У-рра-а! — прокатилось по гребню сопки.

И, уже не ожидая команды, разведчики ринулись в бой. Даже раненые, которые могли двигаться и стрелять, присоединились к нам.

Морально надломленные, объятые паническим страхом егеря дрогнули и, не выдержав нашего натиска, побежали к морю. Но бежать далеко некуда. К утру бой шел уже на узкой полоске побережья. Сопровивлялись только самые отчаянные гитлеровцы из гарнизона Крестового. Они не сдавались в плен, даже израсходовав все патроны.

Семен Агафонов вел бой с двумя гитлеровцами. Сразив одного, Семен загонял в воду другого и кричал:

— Да сдавайся же ты, сукин сын! Убью ведь! Хенде хох! Ну?..

Гитлеровец выпустил из рук винтовку, поднял левую руку, присел, а правой схватил булыжник, замахнулся и упал, сраженный короткой очередью автомата.

Агафонов подошел к берегу залива, присел на корточки и ополоснул руки.

— Ну, вот! Кажется, все...

Гузпенков со своей группой уже находился на первой батарее. Разведчики вставили замки в орудия, зарядили пушки и дали залп по порту Лиинхамари. Наводчики мы были неважные, но снарядов много, и нам удалось, наконец, зажечь какой-то бензобак у причала и деревянный склад.

Пылают пожары в Лиинхамари, на подступах к которому уже находится высаженная с катеров морская пехота. Идет бой на восточном берегу залива, откуда начали обход порта. Только на мысе Крестовом тихо. Вторая батарея капитулировала, и пленных собирают в одно место. Семьдесят уцелевших и бросивших оружие егерей сидят, охраняемые одним легко раненым разведчиком.

Вскоре к Крестовому подошел торпедный катер Шабалина.

— Вот мы и встретились, — спокойно сказал мне Александр Осипович, и только блеск в глазах выдавал его радость. — Спасибо, братки! Я прижимался к левому берегу, надеялся на вас. Ох, если бы пушки с Крестового заговорили! Кормили бы мы сейчас рыбку... Однако вспоминать теперь некогда.

Шабалин передал мне приказ генерал-майора Дубовцева: идти на помощь морской пехоте, штурмующей Лиинхамари.

В Лиинхамари уже находился адмирал Головкин. По его приказу мы выделили патрули для наблюдения за порядком, посты для охраны наиболее важных объектов. Я попросил у адмирала разрешения вернуться на Крестовый для похорон погибших разведчиков.

— Отряд дрался героически! — сказал адмирал. — Всех до единого представьте к награде. Не скупитесь! А ваз мы представляем к званию Героя...

— Благодарю, товарищ адмирал! Только... как же

Агафонов и Пшеничных? Они первыми прорвались к батарее и захватили ее. А как потом дрались! Все разведчики отряда считают их героями.

— Ну, если все,— адмирал чуть улыбнулся,— тогда ошибки не будет. Пишите реляции.

Вернулся я на Крестовый уже к концу дня и рассказал о беседе с адмиралом. Оказалось, что адмирал уже встречался с ранеными разведчиками, расспрашивал их о боях на Крестовом.

— После разговора с адмиралом,— сказал мне Гузненков,— Колосов и Калаганский до того осмелели, что сразу попросили у командующего поощрения.

Я насторожился. Это непохоже на молодых, очень скромных разведчиков, раненных в последней схватке. Гузненков меня успокоил:

— Мы, говорят они командующему, ранены легко. А потому прикажите, товарищ адмирал, не отправлять нас в далекий тыл. В базе, у моря, рядом с отрядом, мы быстро поправимся. И адмирал обещал за них похлопотать.

6

Нас ждали новые боевые задания.

Здесь, на Крестовом, осталось только сделать два дела: эвакуировать пленных, которые уже похоронили всех убитых егерей — их оказалось свыше ста человек,— и похоронить своих товарищей.

Гузненков ведет меня в долину, где построены все разведчики, чтобы отдать последнюю дань товарищам, павшим в бою на мысе Крестовый. Вот они, друзья наши, лежат в один ряд у большой свежевыкопанной могилы. Мертвые лица обращены на северо-запад, где высится угрюмая скала Крестового.

Первым лежал богатырь отряда Иван Лысенко. Русский чуб выбился из-под шлема, большие руки скрещены на широкой груди. Много свинца, должно быть, приняла эта грудь, пока перестало биться неукротимое и живучее матросское сердце. Сурово сомкнут рот... А ведь ждал Лысенко того близкого часа, когда сможет с чистой совестью попросить у меня и у Гузненкова рекомендацию в партию. Не дождался... Но погиб как коммунист! Иван Лысенко заслужил это звание, как заслужил и самой высокой награды Родины. Когда под огнем врага он взва-

лил на себя крестовину проволочного заграждения, то знал, на какой смертельный риск идет, чтобы спасти многих других жизней.

Рядом с Лысенко лежал ветеран отряда, наш «старейшина» — главстаршина Анатолий Баринов. В базе жена и двое детей Баринова ждут возвращения мужа и отца. Маленький сынишка Баринова, тоже Толя, часто приходил к нам в гости. Разведчики называли его сынком отряда... Пшеничных говорил Баринovu: «С нами, Анатолий, ничего худого не случится, потому что дома ждут нас семьи». И вот Андрей Пшеничных стоит в строю и, не отрывая взгляда, смотрит на Анатолия Баринова. Худое, рябоватое лицо Андрея потемнело и будто сведено судорогой. Глаза красные, воспаленные и, кажется, появившись в этих глазах слеза, она закипела бы и испарилась... Я теперь понимаю, откуда у Андрея Пшеничных взялась неистовая ярость в рукопашных схватках с егерями...

Как погибли вместе, так и лежат рядом доктор отряда лейтенант медицинской службы Алексей Ильич Луппов и старший матрос Павел Смирнов. А за ними Владимир Фаткин... Эх, Володя, до чего ты и мертвый красив! В твоём матросском рундучке хранится последнее материнское письмо, которое прочел ты нам на собрании. Легче принять еще один тяжелый бой, чем ответить матери Володи Фаткина...

А последним в ряду лежал комсорг отряда старшина второй статьи Манин. Перед рейдом на Крестовый Манину вручили орден за первый поход к Варангер-фьорду. «Манину Александру Васильевичу» было напечатано в Указе о награждении. Мичман Никандров беззлобно подтрунивал над Маниным: «Ну, какой ты Александр Васильевич? Ты — Сашка! Сашка Манин, наш комсорг! А в газете, должно быть, опечатка». — «Со мною, мичман, опечатки в жизни не бывает, — степенно возразил Манин. — Когда Сашка, а когда и Александр Васильевич!»

...Проходят пять, десять минут, а мы все стоим над свежевыкопанной могилой. Нет силы отдать приказ на погребение. Но гул далекого боя зовет вперед. Если бы мертвые могли заговорить, они бы сейчас нас поторопили.

Мы обмениваемся взглядами с Иваном Ивановичем. Гузненков понимает мое состояние и сам произносит короткую речь.

— Заряжай!

Подняты вверх стволы автоматов и винтовок, они нацелены на вершину мыса Крестового, где, уткнувшись вниз стволами своих пушек, стоит разгромленная батарея.

Мимо идут пленные егеря. Враги видят десять убитых советских разведчиков, и они помнят, сколько похоронили своих.

Егеря срывают с голов картузы, прижимают руки к бедрам и строевым шагом проходят мимо могилы.

— Огонь!

Гремит салют.

Небо озаряется вспышками ракет, и мерцающий их свет последний раз ложится на лица погибших.

Живые берут в горячие ладони горсти холодной влажной земли.

— Наша! — слышу я сдавленный голос Ивана Гузпенкова. — Русская, печенгская земля...

7

Удар следовал за ударом. С суши, с моря и с воздуха. Рушилась вся оборона неприятеля в Заполярье.

Овладев Печенгой, советские войска устремились к норвежскому порту Киркенес. Уже форсирована последняя водная преграда к Киркенесу — Бьек-фьорд. Отовсюду поступают донесения о бесчинствах гитлеровцев в Северной Норвегии. Озлобленные бессилием остановить наступление советских войск, гитлеровцы взрывают мосты, жгут населенные пункты, угоняют на запад мирное население и увозят в Германию награбленное добро.

Командующий приказал нашему отряду высадиться на побережье Варангер-фьорда, выйти на основную коммуникацию противника и принять все меры для спасения имущества норвежцев.

И вот мы снова на полуострове Варангер, в знакомых местах, куда ходили осенью прошлого года и где знают о «сурте дьяволе».

Мы спешим к порту — базе неприятеля. В попутных селениях норвежцы радушно встречают и провожают нас. Впереди — пятьдесят километров по горной дороге. Мы идем форсированным маршем, но быстрее нас несется по всему побережью Варангер-фьорда радостная молва:

— Русерне ком хит! (Русские пришли!)

У доброй молвы быстрые крылья. И вот уже навстречу и следом за нами с гор спускаются скрывавшиеся от гитлеровцев норвежцы. С котомками и связками домашнего скарба идут они к своим очагам. По дороге движется несметная толпа людей, и в Киберге, к которому мы сейчас приближаемся, уже носятся слухи о многотысячной колонне советских войск. У страха глаза велики, и егеря поспешно ретировались из Киберга.

— Русерне ком хит! — кричат мальчишки, бегущие нам навстречу с окраин Киберга.

— Русерне ком хит! — приветствуют нас рыбаки, снимая свои широкополые шляпы.

— Русерне! — удивленно и радостно улыбаются нам женщины, зовут в дом, чтобы угостить тем немногим, что еще имеется в их разоренных жилищах.

Население Киберга, небольшого рыбацкого поселка, живет впроголодь. На складах, полчаса назад охранявшихся гитлеровцами, имеется мука и мясо, крупы и рыбные консервы, но норвежцы не решаются подойти к складам. Оккупанты могли их заминировать или отравить продукты. Кроме того, это воинские склады, а значит — трофеи победителей.

— Русские сами решат, как поступить с этими складами, — так сказал жителям Киберга самый старый и самый уважаемый среди них рыбак.

Мы открыли склады. Врачи, наш и норвежский, убедились в полной пригодности продуктов. Павел Сутягин — он был с нами в этом походе — предложил жителям Киберга взять все, в чем они нуждаются. Когда он сказал об этом старому рыбаку, тот, робея и смущаясь, повторил предложение Сутягина, чтобы убедиться — так ли это? Правильно ли он понял русского офицера? Нет, он не ослышался. Русские только просят, чтобы все было в порядке и по справедливости.

И тогда старик обратился к собравшимся кибержцам:

— Смотрите и слушайте! Гитлеровцы нас грабили. Русские возвращают нам наше добро. Они только просят, чтобы все было по справедливости. Чтобы каждая семья получила положенную ей долю.

Жители ответили ему гулом одобрения и криками приветствий.

У нас в Киберге небольшой привал. Норвежцы обращаются к нам с одной и той же фразой:

— Ви онскер ельпе дем.

— Что это значит? — спрашиваем мы Сутягина.

— Они говорят: мы желаем вам помочь. Молодые спрашивают: нужны ли нам проводники в горах? Они знают здесь каждую тропинку. Рыбаки предлагают боты, если пойдем морем. Где эти боты? Рыбаки угнали их от гитлеровцев по заливчикам, попрятали в камнях. Но стоит только нам пожелать... Нет, Виктор, хороший здесь народ! Они очень любят свой поселок. Знаешь, как они его называют? Маленькой Москвой — Лилле Москва...

Мы решаем оставить в Киберге для охраны нашего тыла небольшую группу разведчиков во главе с Макаром Бабиковым, а остальным на ботах норвежцев двигаться дальше, к нашему конечному пункту. Рыбаки отправляются готовить суда к выходу в море. Только старый рыбак остался с нами и что-то таинственное шепчет Сутягину. Павел Григорьевич согласно кивает головой, потом подходит ко мне и передает «секрет» старика:

— Он говорит, что их лоцманы знают минные поля немцев, и советует взять их с собой.

Такой совет представляется мне заманчивым, по я жду возвращения разведчиков, которых выслал вперед. Вскоре они вернулись и сообщили, что противник покидает порт и отступает на запад.

Мы тронулись в путь.

В новом, уже большом населенном пункте мы помогли норвежцам создать добровольную дружину для наведения порядка на пристани и причалах, для охраны имущества жителей, ушедших в горы. На следующий день в город вернулись почти все бежавшие от гитлеровцев жители. Нас благодарили, рассказывали о пережитом, расспрашивали о Москве, о Советском Союзе.

Прибыла с Киберга группа Макара Бабикова.

Вместе с норвежцами праздновали мы двадцать седьмую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В канун праздника получили по радио известие о присвоении мне, Семену Агафонову и Андрею Пшеничных звания Героя Советского Союза. Все разведчики, участвовавшие в боях на Крестовом, были награждены орденами.

...Прошел месяц, самый памятный месяц нашего пребывания на севере. Мы начали его с ожесточенных схваток лицом к лицу с ненавистными врагами. Мы заканчи-

вали его в дружеских встречах и беседах лицом к лицу с нашими норвежскими друзьями-рыбаками, портовыми рабочими и их семьями.

На проводы отряда собралось к причалу все население поселка и базы. Стихийно возник митинг. Мы снова услышали песню патриотов Норвегии, борцов сопротивления, которая первый раз прозвучала год назад в горах Босс-фьорда:

Свободные мысли
Не выследит Квислинг...

Нас горячо поздравляли с победой в Заполярье и желали счастливого возвращения на Родину.

— Передайте благодарность вашему правительству, вашему командованию, всем доблестным советским воинам.

— Желаем вам скорой и окончательной победы над врагом!

Павел Григорьевич едва успевал передавать норвежцам наши пожелания:

— Живите счастливо, как положено жить норвежцу на своей родной земле. Не забывайте черных дней оккупации. Помните о нашей встрече. Боритесь за мир и счастье во всем мире.

— Мы вас не забудем! — кричат норвежцы, выучившие наизусть эти четыре русских слова.

— Не забудем! — скандируют парни и девушки.

Над причалом взвигается государственный флаг Норвегии.

Люди машут нам руками, шляпами, долго-долго стоят на берегу, пока не исчезают в морском тумане.

Наш катер, набирая скорость, взял курс к родным берегам.

8

Утихли бои на севере.

Мы испытываем странное, непривычное для нас чувство. Война еще не закончилась, а противника перед нами нет.

Большие сражения развергываются в Восточной Пруссии. Фронт приближается к Будапешту и к Бер-

лину, потом к Вене и к Праге. Радио принесло весть о встрече наших и союзных войск на Эльбе — значит и там больше нет фронта...

А мы все еще находимся в базе, где почти четыре года назад застала нас война.

По-разному складывались судьбы фронтовиков, и в разных краях-странах встречали они майский день великой Победы.

Какой-нибудь сибиряк, который неделю поездом добирался до полей сражения, вспоминал, вероятно, в этот день тяжелую фронтовую дорогу от Москвы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина. А сколько коренных жителей севера, ставших солдатами, побывали за последний год войны в теплых краях на Балканах? Позади них осталась пройденная с боями Украина и Молдавия, Румыния и Болгария, города и села Югославии... Только мы, североморцы, ни разу не сменили свою базу — ту, что лежала на пути врага к Мурманску.

Наступил май 1945 года, а над нами то же небо, в котором мы первый раз увидели вражеские самолеты, не зная, что в их люках смертоносный груз. Мы собрались в День Победы на митинг, любуясь ясным майским небом. И то же море плещется у родных берегов. И земля под нами та же — суровая и прекрасная, холодная и богатая неисчерпаемой энергией полярная земля. Так и не ступила на нее нога егеря из хваленых дивизий «Эдельвейс». Не осквернили ее «герои» Нарвика и Крита, хотя отсюда до старой границы, где был сосредоточен мощный наступательный кулак двадцатой Лапландской армии Гитлера, — считанные десятки километров. Что ж, этим можно гордиться!

— Я горжусь тем, что в годы войны командовал вами, отважные североморцы! Самый молодой флот нашей Родины — Северный — с честью и славой выполнил свой долг перед Родиной.

Так говорил на митинге адмирал Головкин.

От имени морских разведчиков на митинге выступил Макар Бабилов. Он волновался, когда начал речь. И все мы, вместе с Макаром, переживали волнение, когда он первое свое слово посвятил вечной памяти павших в боях, памяти тех, кто отдал свою жизнь за торжество нашего великого и правого дела.

...После Праздника Победы миновал месяц.

Некоторые разведчики увольнялись в запас. Трогательно расставались мы со Змеевым, с Тарашниным и другими нашими товарищами. Клялись в дружбе и верности рожденному в боях матросскому братству.

Потом началась полоса мирной учебы. Оставшиеся в строю гадали: что же будет дальше с отрядом? Созданный в первый месяц войны и только для войны, наш отряд, конечно, должен быть расформирован. Между тем, хотя нас осталось мало, командование все еще держит нас в резерве.

Наконец, был получен приказ собираться в дальнюю, очень дальнюю дорогу.

На прощанье адмирал сказал мне:

— Скоро вас будут называть уже не североморцами, а тихоокеанцами. Вас там встретят как героев. По заслугам встретят! Но где бы вы ни были, дорожите боевой славой североморцев. Так дорожите, чтобы, коль доведется услышать о вас — а я в это верю, — мы с гордостью могли бы сказать: наши орлы! Те, что с Рыбачьего! Герои Пикшуева и Могильного, Крестового и норвежских походов!

— Товарищ адмирал! Разве можем мы?.. — я запнулся от избытка чувств. — Разве такое когда-нибудь...

— Понимаю, Леонов! — тепло улыбнулся адмирал. — Такое не забудется! Воинской славой, добытой дорогой ценой, нельзя не дорожить. Счастливый путь, друзья, и новой вам славы!

...Разведчики знали, куда и зачем они едут. На Тихом океане получим пополнение. Пока нас немного, зато каждый из добровольно согласившихся остаться в отряде, испытан, проверен и закален в боях. Едет с нами мичман, Александр Никандров, ветеран отряда — он вместе со мной начал службу разведчика летом сорок первого года. Едут Герои Советского Союза Андрей Пшеничных и Семен Агафонов. С нами — старший лейтенант Гузнецков (после Крестового ему и мне присвоили звание старшего лейтенанта). Среди добровольцев — Борис Гугуев, Павел Барышев, Макар Бабилов и уже отличившиеся на Крестовом «новички» Павел Колосов, Михаил Калаганский, Виктор Карпов, Сергей Бывалов и другие развед-

чики, вернувшиеся в отряд из госпиталей. Это — цвет отряда североморцев.

В летний июньский полдень покидаем мы север.

Поедем через Москву, где погостим несколько дней. В пути встретимся с родными и знакомыми. У всех праздничное настроение. На новеньких кителях и фланелевках ярко поблескивают боевые ордена и медали.

— Прощай, север! — с необычной для него грустью говорит весельчак Борис Гугуев, когда мы уже сели в вагон. — Миша! — он круто повернулся к Калаганскому. — Вытаскивай аккордеон!

Калаганский не спеша кладет на колени аккордеон — наш трофей после боев на Крестовом. То-то сейчас начнется песня-пляс! Но Миша Калаганский вдруг опускает голову. Чего он ждет? О чем думает? Наконец, Миша встает и медленно, с аккордеоном в руках, подходит к окну. Протяжно гудит паровоз, и нам кажется, что этот гудок отозвался для нас прощальным эхом в горах и на далеких мысах.

Тихо трогается поезд, и мы слышим мотив любимой песни — нашей, североморской, под которую уж никак плясать нельзя. Но запевка дана, и Борис Гугуев тоже подходит к окну и затягивает своим тенорком:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет...

Мир царит во всех странах Европы, а нас Отчизна зовет на новые бои, на новые подвиги.

Песня воскрешает в памяти походы и рейды в далекие тылы врага. Зримо предстают очертания родных берегов и kloкочущее море и туманы — все, с чем мы, может быть, навсегда расстанемся.

А волны и стонут, и плачут,
И плещут о борт корабля...
Растаял в далеком тумане «Рыбачий»,
Родимая наша земля.

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ

1

Быстро пролетели дни нашего пребывания в Москве, и вот мы уже опять в пути: по самой длинной на земном шаре железнодорожной магистрали едем во Владивосток.

Русский остров. Здесь много солнца и зелени. Мы, северяне, так по ним соскучились! И здесь есть сопки, но не голые и каменистые, как в Заполярье, а покрытые густым лесом. Миша Калаганский утверждает, что в этих краях растут гранатовые деревья, китайские камелии, японские магнолии. А в дремучей тайге рыщут тигры и барсы. Калаганскому не верят, хотя он ссылается на такой авторитетный источник, как география.

— Миша, не смей меня! И не пугай маленьких... Тигры здесь были, но разбежались, узнав, что на Русский остров едет знаменитый разведчик заполярный Мишка Калаганский...

Это говорит Павел Барышев, который рад любому поводу поспорить и побалагурить. На сей раз у него есть основания для спора. В самом деле, причем тут география, если он, Павел Барышев, уже облазил окрестности и никаких камелий не видел? И с барсами, слава богу, не встречался...

— А вот что здесь, братцы, есть! — Барышев аппетитно щелкает языком и озорно подмигивает нам. — Виноград! Честное слово, дикий виноград! И грецкий орех величиной с добрый кулак. Этого я сам отведал.

— Ой, Пашка, врешь! — недоверчиво качает головой онежский помор Семен Агафонов, который еще ни разу не видел растущий виноград или грецкий орех.

Мы понимаем, что Павел несколько преувеличил размер орехов, но не сомневаемся, что орешник он нашел.

После четырех лет войны на севере нам все здесь в диковинку.

Тихоокеанцы уже знают о боевых делах отряда североморских разведчиков и часто приглашают нас в гости. Почти каждый день поступают заявки на «встречу с героями». Но тут выясняется, что некоторые отважные следопыты и лихие добытчики «языков» чувствуют себя робкими и беспомощными в роли рассказчиков. Семен Агафонов, например, категорически потребовал, чтобы его освободили от публичных выступлений.

— Пусть Барышев за всех держит речь. Паша это любит и умеет... Он расскажет!

— Но моряки хотят и тебя послушать, — уговаривают Семена.

— А что я им, артист какой? Мне легче взять «языка», чем свой развязать.

...У нас сейчас два взвода. Первым командует мичман Александр Никандров, а вторым, где много новичков, — главный старшина Макар Бабилов. Семен Агафонов назначен помощником к Бабилову и ревностно занимается с молодыми разведчиками. Агафонов учит их показом. Новичок, которому Герой Советского Союза, сам Семен Агафонов, говорит: «Делай, как я!» — глубоко убежден, что переползать или маскироваться надо так, как помкомвзвода. И вообще наши новички стараются во всем подходить на бывалых разведчиков.

Взводы тренировались в высадке десанта, когда было получено известие о начале военных действий против японских агрессоров. Мы тотчас же вернулись в базу и прочли принятое по радио заявление нашего Министра иностранных дел. Каждому советскому человеку, и особенно ветеранам войны, ясна цель нашего правительства: приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий.

Когда выступим? Скоро ли наш черед? В отряде царил тот активный боевой дух, который политработники называют наступательным порывом.

Уже сухопутные войска прорвали вражескую оборону и ведут наступление в Маньчжурии, ушли в боевые походы многие корабли, а мы все еще ждем. Нетерпение нарастает. Разведчики ропщут: «Попадем к шапочному разбору». Они уверены, что я и замполит что-то утаиваем. А мы ничего пока не знаем. Гузенков на вопросы разведчиков многозначительно отмалчивается. Беседуя со мной, он сравнивает отряд со стрелой лука. Чем больше натянут лук, тем сильнее и стремительней будет полет стрелы.

Утром одиннадцатого августа получили приказ, и отряд, погрузившись на два десантных катера, взял курс к северному побережью Кореи — к порту Юки в Японском море.

Даль, подернутая утренним туманом, скрывала от нашего взора гористое побережье Северной Кореи. Показался дым. За этим дымом — Юки. Покидая порт, японцы подожгли склады у причалов и жилые дома.

Мы высадились на берег. Улицы Юки пустынные.

— Араса! Араса! — услышали мы вначале приветственные крики и лишь потом увидели корейцев, которые выбегали из своих дворов нам навстречу. Переводчик

объяснил нам, что «араса» означает «русский». «Русские!» — вспомнил я радужные возгласы норвежцев, когда они первый раз увидели нас на своем берегу.

Неприятель так поспешно бежал из города, что в панике забыл эвакуировать из госпиталя своих раненых и больных. Я попросил корейцев ухаживать за ранеными до прихода наших частей. Старый кореец, которому переводчик передал мою просьбу, сказал, чуть склонив голову на грудь:

— Вы зашли в пустой город, потому что японцы угнали население. Пожары — тоже их рук дело. Русский офицер просит, чтобы мы ухаживали за ранеными японскими солдатами — это для нас закон. Но пусть русские знают, что в городе остались переодетые японцы. Под рубахами корейских крестьян они прячут пистолеты и гранаты. Они будут стрелять вам в спину. Вас мало, будьте осторожны.

Вскоре выяснилось, что нас уже много. С гор спускалась колонна советской мотопехоты. Головная машина остановилась около госпиталя, и усатый сержант крикнул морякам:

— Здоровы булы! Это что ж такое получается! Жмем на всю железку, чтобы первыми быть в Юках, а вы уже тут...

— Не горюй, пехота! — ликовал Павел Барышев. — Держись в кильватере за моряками, не пропадешь!

— Молод ты, морячок, меня учить! — обиделся уса-чехотинец. — Я от самого Сталинграда до Берлина, от немецкой Шпреи до Японского моря ни разу с курса не сбился. Даром, что без компаса! А ты — кильватер... Скажешь!

— Ну, извини, папаша, — стушевался Павел.

По радио получен приказ: отряду следовать в порт Расин. Но и там японцев не оказалось.

— Чудная война! — удивлялся Семен Агафонов, когда мы возвращались на Русский остров. — В двух портах побывали, а японцев в бою так и не видели. С егерями в открытую дрались. А кто такие «сыны солнца»? Как воюют хваленые самураи? Хотел бы я знать...

— Еще узнаем! — возразил ему Макар Бабилов. — Самураи еще себя покажут.

А на завтра грянуло одно из наиболее ожесточенных в истории отряда сражений — бой за Сейсин.

Сейсин расположен на берегу широкой бухты, с трех сторон окаймленной грядами зеленых сопок. Это крупный город Северной Кореи с населением, превышающим двести тысяч человек.

В планах японских агрессоров Сейсин как военная база и плацдарм для наступления на Советское Приморье занимал особое место. Японцы расширили сейсинские порты — военный и торговый. Через Сейсин шло снабжение Квантунской армии в Маньчжурии. Проходящие через Сейсин железная и автомобильная дороги связывали север Кореи с югом и центром страны.

Военный совет Тихоокеанского флота приказал нашему отряду и роте автоматчиков морской пехоты, которой командовал офицер Иван Яроцкий, разведать бухту, захватить и удержать причалы, по которым через Сейсин отступают части Квантунской армии. Нам выделили десять катеров. Пять катеров возьмут на борты десантников, а пять прикроют высадку. Около двухсот морских разведчиков и пехотинцев совершают первый бросок. За нами последует головной отряд — пулеметная рота и батальон морской пехоты майора Бараболокко. Мы должны обеспечить беспрепятственный вход в бухту главных сил.

Член Военного совета Тихоокеанского флота предупредил нас, что Сейсинская операция является сложной и ответственной. Защищая свои коммуникации в Сейсине, японцы будут яростно сопротивляться. Если нам удастся внезапно захватить плацдарм, японцы приложат все усилия, чтобы его ликвидировать.

— Близ Сейсина квартируются подразделения императорской дивизии, — сказал нам командующий, — отборные самураи охраняют порты, мосты, вокзал. Но верим в успех этой операции, знаем — смелости и дерзости, стойкости и мужества советским морякам не занимать. Потому и посылаем вас.

Я, Яроцкий и командиры из дивизиона торпедных катеров — участников первого броска — поблагодарили командующего за доверие и разошлись по своим подразделениям.

Был уже поздний час. Разведчики спали, не зная, что задолго до рассвета их поднимут, а утро они уже встретят в горячих схватках уличных боев.

Подъем, короткое партийное собрание, потом такие же короткие собрания взводов перед посадкой на катера — и мы покидаем Русский остров.

Спускаюсь в кубрик головного катера. Разведчики бодрствуют, вполголоса поют свою любимую «североморскую». Слышу басок Агафонова: «Нелегкой походкой матросской идем мы навстречу врагам»... Который уже раз идем? И каков он, наш новый враг?

Я твердо уверен в каждом разведчике-десантнике, даже в новичках, для которых это первый рейд и первый бой. А вот ветеран отряда старший матрос Зубков удивил меня. Зубков попросил не назначать его на должность командира отделения во взвод к Никандрову, ссылаясь на неуживчивый характер мичмана. Для меня это было неожиданностью: Никандров и Зубков на севере ладили. Когда о просьбе Зубкова узнал Никандров, он укоризненно покачал головой, но промолчал. И только от Бабикова я узнал о небольшой перепалке, которая произошла между мичманом и старшим матросом за несколько дней до боевого похода.

Зубков завел как-то разговор о том, что чертовски обидно будет, если убьют или ранят в канун победы.

— В каких только переделках мы не бывали! — сказал он Никандрову и Бабикову. — Помните Пикшуев и Могильный, норвежские походы и Крестовый? Ничего — обошлось! И вдруг, перед самым Праздником Победы, какой-нибудь поганый самурай пырнет тебя штыком или покалечит пулей? А то и убьет...

Мичману такие рассуждения перед боем не понравились.

— Ступай к командиру отряда и скажи ему об этом, — сказал Никандров Зубкову. — Честно признайся, что робеешь. А не можешь, тогда я сам попрошу старшего лейтенанта, чтобы тебя списали на берег.

— Что вы! — испугался Зубков. — Я ведь так только... по-дружески поделился.

Притворившись обиженным, Зубков отошел в сторону.

Случай с Зубковым нас огорчил. И на войне говорят о жизни и смерти. По-человечески понятна мечта молодого бойца: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы!» Но если такой боец в ожидании близкой победы только и думает о том, как бы уцелеть, — ему нельзя поручить ответственное дело.

Хорошо, что не назначил Зубкова командиром отделения. И в то же время досадно, что так случилось.

3

...Светает медленно. Над тихой гладью моря носятся белогрудые чайки. Они улетели далеко от берегов — значит день обещает быть ясным и море спокойным. Утренняя дымка тумана рассеивается, но впереди, над бухтой, к которой мы приближаемся, еще висит молочная пелена тумана. Пока видны лишь зеленые вершины сопки, но вот обозначился излом вспененного прибоем берега, и, наконец, показались причалы Торгового порта.

Трескучая дробь японского пулемета прорезала утреннюю тишину. Командоры первого катера подавили огневую точку на причале, но с ближней сопки мыса Колокольцева ухнула японская пушка. Раз, другой, третий...

Наши катера на полном ходу ворвались в порт и высадили десант.

Пушки с мыса Колокольцева еще стреляют по уходящим в море катерам, а мы мелкими группами просачиваемся в прибрежные кварталы.

Никто пока не оказывает нам сопротивления.

С небольшого холмика виден Сейсин, изрезанный каналами с двумя магистралями — железнодорожной и автомобильной. Несмотря на ранний час, на улицах Сейсина оживленно. Клубится пар от невидимого за домами паровоза, мчатся по шоссе автомобили. И железнодорожный состав и автомобили направляются в одну сторону, на юг, туда, где возвышается большая насыпь между мостами через канал. А за насыпью виднеются корпуса металлургического завода.

— Мосты! — услышал я позади голос Гузненкова.

Да, мосты. Они сейчас станут объектами боя. Насыпь между ними — хороший рубеж для обороны. Договариваюсь с Яроцким, чтобы он прикрывал наш тыл и правый фланг.

— Видите мосты? — я повернулся к Никандрову и Бабикову. — Тебе, мичман, — железнодорожный мост, главстаршине — автомобильный. Если не удастся захватить мост — взорвать полотно и дорогу. Машины и поезд надо остановить!

Взвод Никандрова, смяв охрану моста, вырвался на железнодорожную насыпь. Японские солдаты разбежа-

лись по кукурузным посадкам вдоль железной дороги и открыли огонь из винтовок.

Тяжело второму взводу, который пробивается к автомобильной магистрали. Гарнизон Сейсина поднят по тревоге, и разведчики Бабикова ведут необычные для них уличные бои. Японские снайперы стреляют с чердаков, из окон домов. Самураи из отряда смертников, переодетые в гражданское платье (разведчики принимали их за местных жителей и потому не трогали), бьют нам в спину.

Бои, неожиданные и скоротечные, возникают в разных местах. Управлять ими трудно.

Прибежал вестовой Гузенкова (замполит находился во взводе Никандрова) и доложил, что вооруженные японцы проникли в Торговый порт. Враг, очевидно, намеревается отрезать нас от берега, и Гузенков послал на очистку причалов группу разведчиков под командованием главстаршины Тяrosoва. Разведчики с этой задачей справились и сейчас охраняют порт. Там же находятся раненые.

Не успели мы ликвидировать одну опасность, как возникла другая. Со стороны металлургического завода, к шоссе, двигалась большая колонна неприятеля. Автоматчики Яроцкого обстреляли колонну и не дали японцам приблизиться к насыпи. Но автомобильный мост еще не захвачен разведчиками Бабикова — они ведут бой на шоссе и громят автоколонну. А со стороны моста взвод японцев с отчаянной дерзостью контратакует нас, прокладывая себе дорогу гранатами.

Александр Никандров

Спешу на помощь Бабикову. Он ранен. Осколок гранаты рассек ему бровь. Бабиков подполз ко мне, поднял обмотанную бинтом голову и доложил, что его разведчики залегли у самой насыпи, так как дальше двигаться невозможно. В это время по ту сторону моста перестрелка усилилась. Автоматчики Яроцкого с трудом сдерживали японцев, ожидая, пока мы захватим мост.

— Главстаршина Бабиков, вам ясна задача?

По моему тону главстаршина понял, что я недоволен действиями его взвода.

— Может, в обход насыпи? — нерешительно спросил он, думая только о помощи автоматчикам Яроцкого и забыв про мост.

Это меня разозлило:

— Я не считаю вас раненым. Выполняйте приказ!

Макар побледнел, чуть слышно сказал «есть», отстегнул противотанковую гранату и побежал в сторону насыпи.

Зарываясь в песок, Бабиков и еще два моряка подползли к мосту, метнули противотанковые гранаты. Мы ринулись вперед, почти в упор расстреливая охранявших мост японцев. Часть разведчиков осталась у моста, чтобы встретить новую автоколонну японцев, остальных я повел на выручку автоматчиков Яроцкого.

Мы соединились с Яроцким, захватили всю насыпь между двумя мостами, и только теперь я увидел, как подел второй взвод.

Японцы отступили к металлургическому заводу.

Коммуникации в Сейсине перерезаны. Сейчас можно заняться разведкой центральных кварталов города.

Основные силы неприятеля находятся в военном порту, но следует ожидать атак с тыла, со стороны металлургического завода. Сейчас полдень, а передовой отряд — пулеметная рота и батальон морских пехотинцев — будет высаживаться только ночью. У нас много раненых и ограниченный запас боеприпасов. Посоветовавшись с Яроцким, решаю продолжать разведку, избегая больших боев.

Чем ближе к центру, тем улицы шире, и, наконец, мы вышли на площадь. У здания театра толпился народ. Группа юношей побежала нам навстречу. Смуглый корепастый кореец держал развернутое красное знамя. Молодые корейцы спрашивали нас, можно ли им водру-

зять это знамя над зданием театра? Мы, конечно, разрешили, и через несколько минут коренастый кореец со знаменем уже взбирался по лесенке к самому шпилю купола театра.

— Мун! — кричали ему снизу. — Скорей, Мун, пока японец не стреляет!

Где-то поблизости началась перестрелка. Несколько пуль прошли купол театра. А Мун забирался все выше, пока не достиг цели.

Наши патрули завязали бой с приближающимися к площади японцами. Корейцы разбежались. Только Мун остался с нами. С гордо поднятой головой смотрел он на знамя, потом подбежал к переводчику отряда и о чем-то горячо заговорил.

— Чего он хочет? — спросил я переводчика.

— Мун хочет быть моим помощником, — сказал переводчик. — Мун знает город и разговаривает по-японски. Не мешало бы иметь его рядом как проводника.

— Под вашу ответственность! — согласился я.

Красный флаг над зданием театра привел японцев в ярость. С мыса Колокольцева начался артиллерийский налет по центру города. Когда он прекратился, самураи пошли в наступление. Снова разгорелись уличные бои.

Группа разведчиков из взвода Никандрова контратаковала японцев. Сразив часового у ворот дома, мичман Никандров и старший матрос Оляшев забежали во двор и столкнулись с двумя японскими офицерами. «Руки вверх!» — скомандовал им мичман. Японский офицер побагровел, выхватил саблю и кинулся на Никандрова. Не одобровать бы мичману, но удар сабли пришелся по стволу русского автомата. Владимир Оляшев выручил мичмана, ударом приклада сбив с ног японца. Другой офицер тут же поднял руки.

От японцев, атаковавших нас со стороны военного порта, мы были защищены обводным каналом — он проходил по центру города. Насыпь позади нас обороняли автоматчики. Но с рассветом неожиданно вспыхнул бой у побережья бухты. Я послал туда в разведку несколько моряков во главе с Агафоновым. Через час Семен вернулся, и мы узнали, что наступающий день сулит нам новые, еще более серьезные испытания.

Гарнизон Сейсина получил подкрепление. Японцы прочно удерживали почти все побережье бухты, военный

порт и металлургический завод. Агафонов видел два вражеских катера и несколько шлюпок — они пересекли залив, направляясь к Торговому порту, где находилась небольшая группа главстаршины Тяросова и раненые. Дорога к Торговому порту уже была перерезана.

Положение осложнилось тем, что нашей пулеметной роте так и не удалось выполнить свою задачу. Японцы обнаружили десант и не дали пулеметчикам высадиться на берег. Бой японцев с десантниками мы и слышали на рассвете. Но еще до этого, в полночь, пехотинцы майора Бараболько высадились недалеко от военного порта и заняли оборону на одной из сопок. Радиограмма Бараболько нас подбодрила.

В такой обстановке пассивность, медлительность, выжидание могут привести к гибели людей и к срыву всей операции. Если враг численно превосходит нас, то тем важнее не упускать инициативу боя. Мы прорвались к сопке, занятой морскими пехотинцами, и я попросил Бараболько усилить наш отряд ротой автоматчиков. Получив ее, я повел десантников на очищение прибрежных кварталов. Дошли до насыпи и уже вместе с автоматчиками Яроцкого стремительно контратаковали неприятеля и захватили металлургический завод.

Неприятель с ближних сопок подбросил свежие силы и окружил завод. Теперь сопка у военного порта, на которой обороняются две роты Бараболько, и металлургический завод окружены японцами. О группе Тяросова в Торговом порту мы ничего не знаем.

Получена радиограмма адмирала Юмашева: пробиться в военный порт, близ которого пехотинцы Бараболько, приняв на себя главный удар, отбиваются от нападающих на них со всех сторон японцев. С группой Тяросова по-прежнему нет связи. Кратчайший путь к военному порту лежит через прибрежные кварталы. Впереди — уличные бои, и меня опять беспокоит ограниченный запас патронов. Но приказ есть приказ, и я дал команду подготовиться к прорыву.

Ранило Яроцкого. Японская пуля угодила в гранату, которой он замахнулся. Макар Бабилов после полученного ранения заметно обессилел. Но Яроцкий и Бабилов продолжают командовать своими подразделениями. Тяжело ранило старшего матроса Максимова, и Владимир Оляшев от рубежа к рубежу таскает его на спине. У ра-

диостанции остался один Кажаев — Миша Калаганский взялся за автомат и пошел в цепь.

Солнце в зените, изнуряющая жара томит моряков, а напряжение боя не спадает. Спасибо Муну — он позаботился о еде и воде. Рискуя жизнью, сейсинцы и их проводник Мун доставляют нам в ведрах воду, в котелках — рисовую кашу и даже фрукты. Кореянки заботливо перевязывают раненых товарищей.

Контратака не облегчила наше положение. Японцев много, их сопротивление усилилось, и нам даже не удалось приблизиться к Торговому порту. Ведем бой, тяжелый и неравный, еще не зная, что оставленный на башне металлургического завода Семен Агафонов уже приметил в море два наших корабля.

В Сейсинскую бухту вошли фрегат и тральщик.

В руках у Агафонова были два лоскутка красной материи, и он просемафорил кораблям:

«Окружены японцами. Будем пробиваться к военному порту вдоль берега. Поддержите нас огнем».

Первые разрывы снарядов, выпущенных нашими кораблями, определили рубеж, к которому мы устремились в атаку. Мы шли следом за огненным валом. Комендоры с фрегата и тральщика славно потрудились, прокладывая нам путь. Корабли поочередно разворачивались то одним, то другим бортом и непрерывно стреляли. Стволы орудий, как нам потом рассказывали комендоры, накалились до того, что их поливали водой из пожарных шлангов.

Самураев, засевших в подвалах прибрежных домов, приходится выкуривать гранатами и безостановочно двигаться за огненным валом фрегата и тральщика. Когда причалы Торгового порта остались позади, Гузенков и Агафонов побежали разыскивать группу Тяросова. Они знали дом, в подвале которого находились разведчики Тяросова и раненые.

В подвале никого не оказалось. К дверям была приколотта бумажка: «Передать в политуправление Тихоокеанского флота».

Гузенков прочел написанное на другой стороне листа:

«Дорогие товарищи! Мы, моряки из отряда Леонова, шесть здоровых и восемнадцать раненых, уходим в бой с приближающимися к Торговому порту японским десантом.

Мы их не пустим на берег. Пока живы, ни один самурай не ступит ногой на причал. Клянемся в этом!

По поручению всех защитников торгового причала — главстаршина Тяросов, матросы Ермаков, Кальченко, Кедяров, Баев, Грищенко».

Гузненков и Агафонов кинулись к причалам, но никого там не застали. По обрывкам бинтов да по кучкам стреляных гильз можно было определить, что здесь происходило. И в прибрежном квартале не было никаких следов пребывания группы Тяросова.

Гузненков и Агафонов тревожно переглянулись, не зная, что предпринять дальше. В это время они увидели бегущего к ним Тяросова.

— Что случилось? Где народ? — спросил Гузненков Тяросова.

— Все в порядке. Соединились с отрядом, и командир послал меня за вами. Товарищ старший лейтенант, а вы в подвал не заходили?

— Заходил. И письмо ваше читал. Вот оно...

— Видите, как получилось? — Тяросов смутился. — Мы решили причал не покидать. Смертным боем дрались и отогнали японцев. А когда услышали позади бой, ушли вас искать и про письмо забыли.

— Я этот документ сохраню! — Гузненков спрятал письмо защитников Торгового порта.

Уже к концу дня мы ворвались в военный порт, захватили причалы и прибрежные ярусы. Когда стемнело, Гузненков с двумя моряками пробрался к сопке, где десантники Бараболько все еще вели ожесточенный бой. Бараболько решил с сопки не уходить. Он по-прежнему сковывал основные силы неприятеля и помогал нам обороняться в военном порту.

Перед рассветом японцы с необычайной яростью атаковали нас и захватили верхний ярус. С криками «бан-зай» они шли вперед, намереваясь сбросить нас в море. По цепи разведчиков пронесся тот же клич, что десять месяцев назад на мысе Крестовом:

— Держаться! Держаться!

И мы держались до тех пор, пока не услышали залпы орудий вошедших в Сейсинский порт кораблей. А вскоре началась высадка бригады морской пехоты генерал-майора Трушина.

Исход Сейсинской операции был предрешен.

Август 1945 г. Сейсинский порт. После боя. Впереди (сидит)
В. Леонов

* * *

...Никто из нас, конечно, не думал, что двухдневными боями в Сейсине завершилась летопись отряда морских разведчиков во второй мировой войне.

Я присел на ящик у стенки причала, чтобы закурить, и тут же задремал. Сквозь сон слышал, как кто-то рядом спорит, и, открыв глаза, увидел командира фрегата Михайлина.

Я встал, протер глаза, расчесал пальцами взлохмаченные волосы и сказал:

— Не узнаете, капитан-лейтенант? Мы тут немножко, правда, закоптились... Давайте пакет.

Пока я читал приказ о возвращении в базу, Михайлин все время смотрел на меня так, будто сомневался, передал ли он пакет по назначению.

— Что вы, капитан?

— Да нет, ничего! Теперь-то я вас узнал. Мы вас на фрегате помоем, накормим, спать уложим. А на Русском острове уже знают о ваших славных делах.

Через час мы покидали Сейсин.

Вместе с Гузненковым я обошел кубрики, в которых разведчики спали мертвецким сном, потом вышел на палубу.

Макар Бабилов

— Видишь? — Гузенков показал на Сейсин.

С палубы фрегата хорошо был виден город, над которым возвышался купол театра.

На шпиле купола трепетал красный флаг, поднятый корейцем Муном.

* * *

Япония безоговорочно капитулировала.

Эта весть застала нас в порту Гензан, где мы взяли в плен большое количество японских солдат и офицеров.

Возвращаясь на Русский остров, мы полу-

чили приветственную телеграмму командования Тихоокеанского флота. Все разведчики отряда награждены орденами за Сейсинскую операцию. Мичману Александру Никандрову и главстаршине Макару Бабилову присвоено звание Героя Советского Союза. Правительство удостоило меня этого звания дважды.

* * *

Вот уже позади остались берега Кореи, которую называют «страной утренней свежести», «страной утреннего спокойствия».

Сейчас утро. Свежо, тихо и спокойно. Солнце поднялось над морским горизонтом. Отсюда оно будет совершать свой обычный путь, пока не скроется за другим океаном. В этот день на всей земле не будет взрывов бомб и снарядов и не слышно будет треска выстрелов.

Мы стояли на палубе и в благоговейном молчании встречали новый день — день торжества победы и мира,

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Через девять с половиной лет после окончания второй мировой войны в одном из номеров ленинградской гостиницы «Октябрьская» произошла встреча, которой мне хочется закончить воспоминания о морских разведчиках одного отряда.

Номер гостиницы предоставили делегату, приехавшему на совещание работников сельского хозяйства северо-западных районов страны. Этим делегатом был Макар Андреевич Бабилов, Герой Советского Союза, секретарь обкома комсомола и депутат Верховного Совета Автономной республики Коми.

Макар позвонил в Морскую академию имени Ворошилова, где я учился, и после коротких взаимных приветствий мы условились о встрече. Хорошо бы, сказал я Макару, повидаться и с другими фроптовыми друзьями-ленинградцами: с бывшим комиссаром отряда, ныне капитаном первого ранга Дубровским, с капитаном второго ранга Сутягиным, со старшим лейтенантом Колосовым...

— Пашка Колосов! — услышал я восторженный возглас Макара. — Пашка — старший лейтенант? Как же, Виктор Николаевич, его разыскать?

— Очень просто! Позвонить в механический институт на вечернее отделение, где Колосов учится. И еще бы позвонить в Кронштадт, где служит мичман Барышев.

— Пашка Барышев! Это будет замечательно! — опять перебил меня Макар.

— А ты знаешь, что в Ленинграде живет Алексей Радышевцев? Он работает в слесарных мастерских, но где, точно — не знаю.

— Разыщем Алешу! Через адресный стол! А еще с кем можно встретиться?

Я вспомнил близко и далеко отсюда живущих людей. Полковник в отставке Леонид Васильевич Добротин находится в Москве, там же учится Гузнецков. На севере служит Александр Никандров и Андрей Пшеничных, на Черном море — Николай Аркадьевич Инзарцев, Семен Агафонов. И совсем далеко, в Хабаровске, — Миша Калаганский... О большом слете фронтовых друзей можно сейчас лишь мечтать. Мы решили собраться пока небольшой компанией.

И вот за круглым столом в номере гостиницы «Октябрьская» сидят Дубровский, Сутягин, Бабилов, Барышев, Радышевцев, Колосов и я. И нет конца вопросам-расспросам, радостным восклицаниям.

Время наложило свой отпечаток на облик каждого из нас. Бывший комиссар отряда, старший политрук, был, помнится, белокурым, а теперь перед нами сидит заметно пополневший, с посеребренной головой капитан первого ранга Василий Михайлович Дубровский. Все так же подвижен и горяч Сутягин — это его молодит. Колосов держится степенно, старается выглядеть старше своих лет. А ведь это тот самый сероглазый юнец Паша Колосов, которого я опасался брать в разведку... Радышевцев и Барышев верны себе. Первый говорит мало, с расстановкой, сдерживая обуревающие его чувства, и не сводит глаз с бывшего писаря: Радышевцев радуется успехам Макара Бабилова, который после войны закончил высшую партийную школу и занимает ответственный пост. Мичман Барышев сыплет скороговоркой — он все такой же шутник.

Вспомнить друзьям есть что! И доброй памяти погибших, и живых... Кто-то занялся перечислением профессий бывших разведчиков. Есть, оказывается, среди нас офицеры и партийные работники, учителя и инженеры, кандидаты технических наук и слесари. Есть мастера спорта и даже чемпион страны по лыжам. Это — из тех, о ком мы знаем. Со многими порвана связь. Как хотелось бы, чтобы они откликнулись и дали о себе знать!

Уже в который раз фронтовые друзья высказывали пожелание, чтобы была написана книга — пусть небольшой, но правдивый рассказ об отряде, его делах и людях. Уже в который раз каждый сожалел, что в суровые, насыщенные большими событиями дни войны он не вел

дневника, который помог бы сейчас воссоздать всю боевую хронику отряда.

Я рассказал друзьям, что Военное Издательство планирует выпуск такой книги, и попросил всех поделиться своими воспоминаниями с автором литературной записи. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им, а также Л. В. Добротину и И. И. Гузненкову свою благодарность. Многие разведчики — бывшие мои командиры, равные по званию, и подчиненные — помогали нам писать эту книгу.

Это тоже было проявлением фронтовой дружбы, той дружбы, которая сопровождала нас в ожесточенных схватках лицом к лицу с врагом, той дружбы, которая нужна в бою и в мирном труде и о которой Эдуард Багрицкий, поэт, горячо любивший море, писал:

Но все ж по-охотничьи каждый зорек.

Ясна поседевшая голова.

И песня просторна.

И ветер дорог.

И дружба вступает в свои права.

Мы распрощались до новых встреч.

Мы пожелали друг другу здоровья и во всех наших делах, как водится у моряков, попутного ветра!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Первые испытания	3
Сила силу ломит	21
На высоте 415 .	35
В отряд прибыл новичок	49
В двойном кольце	60
„Сурте дьяволе“	77
Перед решающим ударом .	95
Лицом к лицу	111
Последние походы	134
Вместо послесловия	149

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы об этой книге по адресу: Москва, К-104, Тверской бульвар, 18, Управление Военного Издательства.

Виктор Николаевич Леонов — «Лицом к лицу»

Редактор *А. В. Богина*

Художники *С. Г. Бродский и А. Г. Леонов*

Технический редактор *В. В. Сорокин*

Корректор *Э. С. Воробьева*

Сдано в набор 11.6.57 г.

Подписано к печати 12.11.57 г.

Формат бумаги $84 \times 108^{1/32} - 4^{3/4}$ печ. л. — 7,79 усл. печ. л. 7,937 уч.-изд. л.

Г-35116.

Военное Издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/238.

Зак. 457.

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3.

Цена 3 р. 90 коп.

Цена 3 руб. 90 коп.